

ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Знатный горьковчанин — бригадир сварщиков завода «Красное Сормово», Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета РСФСР Вячеслав Васильевич Пайщиков.

Бульвар Юбилейный — гордость сормовчан.

ГОРОДУ
ГОРЬКОМУ
750 ЛЕТ

...И НА̂РЕЧЕ ЕМУ ИМЯ НОВГРАД

Б. СМИРНОВ,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Герб древнего города.

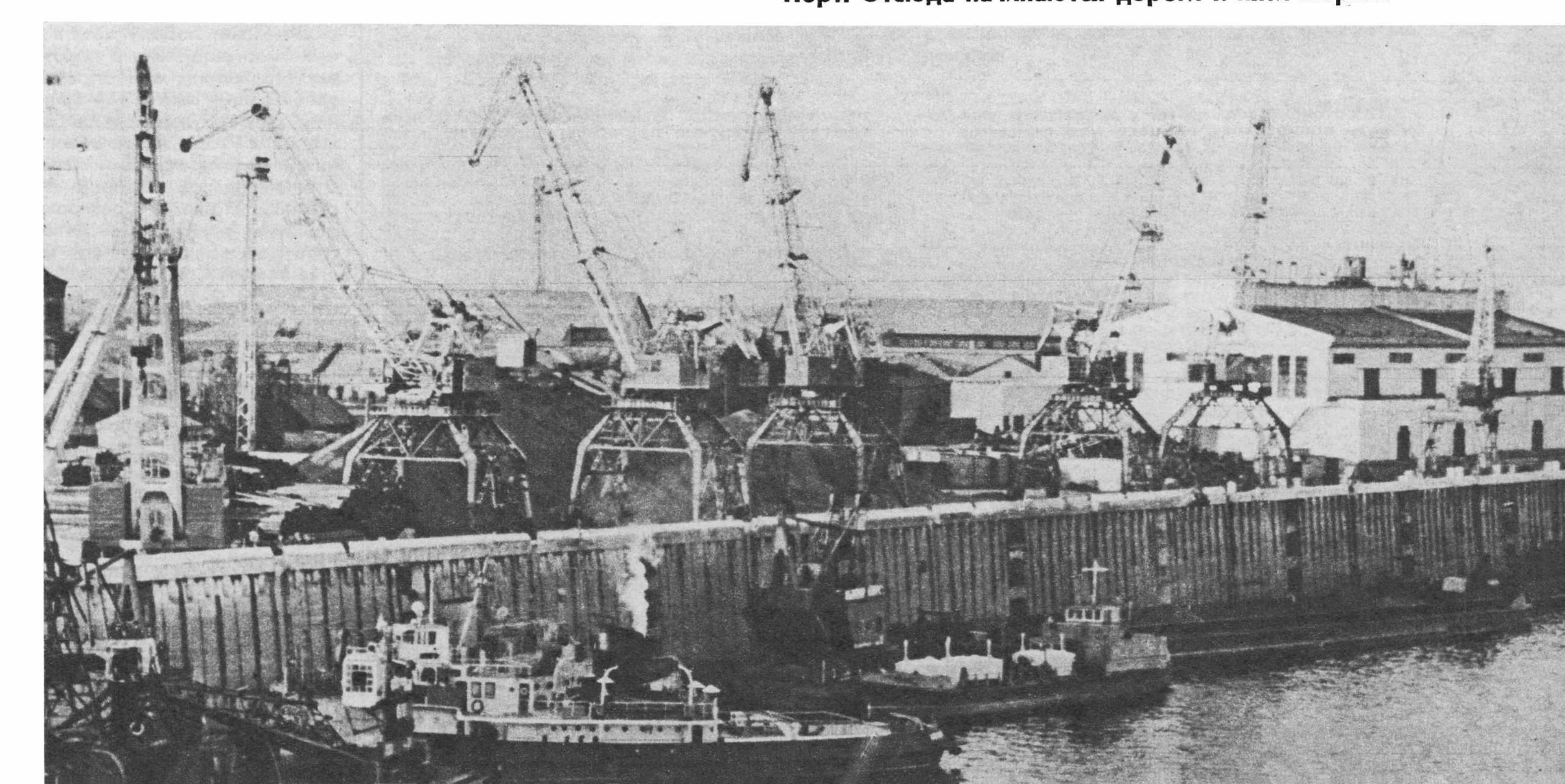
Каждый день к пристани города Горького подходят огромные белоснежные теплоходы. Пестрые лавины пассажиров-экскурсантов выхлестывают на берег, разбиваются на группки, растекаются по улицам, бульварам и площадям города, спешат к знаменитой Чкаловской лестнице, осаждают старинный нижегородский кремль. И с первых же минут гости чувствуют необъяснимую, какую-то особо торжественную атмосферу, которая царит в эти дни в городе. Все вокруг, что еще не сверкает праздничным блеском, сегодня моется и чистится, а сами

Продолжение см. на стр. 14—15.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 37 (2286)
Основан 1 апреля 1923 года
11 СЕНТЯБРЯ 1971

Порт. Отсюда начинаются дороги к пяти морям.

Лучшие слесари-сборщики первого конвейера Волжского автомобильного завода, передовики социалистического соревнования комсомольцы В. Шарифуллин, Н. Былкова, Л. Мищенко, Е. Клейменова.
Фото В. Парадни.

ГЛАСНОСТЬ. СРАВНИМОСТЬ. ОПЫТ...

— Готово! Посмотрите, у четвертого уже готово,— прокатилось по цеху над станками.

Все посмотрели в сторону станка с табличкой «четыре» над станиной. В областных финальных соревнованиях токарей долго было неясно, кому достанется победа, кто окажется первым, кто выполнит задание не просто быстро, но и быстрее других, не только хорошо, но и лучше всех собравшихся здесь, лучше лучших. И вот победитель!

Не сегодня началось это творческое состязание. Но в этот день завершался путь, которым шли призеры цеховых, заводских, районных и городских соревнований. Работающие знали, что нынешний день — лишь этап, завершающий этап, особо гласный, но все же только этап большого пути, начало которому положило социалистическое соревнование в бригаде, в цехе.

Соребнование многообразно, как и наша жизнь. Москвичи и ленинградцы выступили с почином соревнования за успешное выполнение девятой пятилетки; на предприятиях многих городов ширится движение за досрочное выполнение производственных заданий на основе комплексных планов повышения производительности труда на рабочих местах.

...У истоков социалистического соревнования стоял Ленин. Гласность, сравнимость результатов, возможность практического повторения опыта — ленинские принципы организации соревнования.

В условиях современной научно-технической революции расширяется содержание социалистического соревнования, оно призвано играть качественно новую роль в развитии хозяйства, в воспитании трудящихся.

Принятое, обнародованное, встретившее живой и заинтересованный отклик всех советских людей Постановление ЦК КПСС о дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования — документ большого политического значения, боевое руководство к действию.

Соревнование касается всех областей жизни. Новые, животворные идеи почерпнут в постановлении ЦК КПСС работники промышленности и сельского хозяйства, предприятий транспорта и строительства, научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций...

ЦК КПСС подчеркивает, что дальнейшее развитие социалистического соревнования и совершенствование его организации являются важнейшим условием успешного претворения в жизнь программы экономического и социально-политического развития страны, выдвинутой XXIV съездом КПСС.

12 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

П. А. РОТМИСТРОВ,
Главный маршал бронетанковых войск,
Герой Советского Союза

Сегодня — праздник танковых войск. Сегодня наш народ чествует своих верных сынов — танкистов и танкостроителей.

Конечно, успехи армии в боях и сражениях складываются из успехов каждого воина, каждого подразделения и части, каждого соединения всех родов войск и видов вооруженных сил. Но у людей в танковых шлемах не случайно есть свой собственный праздник.

Боевая летопись советских бронетанковых войск полна незабываемыми примерами самоотверженного служения Родине, беззаветного выполнения своего высокого воинского долга.

Вспомним Великую Отечественную войну. Она отличалась от всех предыдущих своей высокой маневренностью. А что такое танки в маневренной войне? Это успех в наступлении и прочность в обороне. Словом, одна из главных предпосылок к победе. Гитлеровские танковые генералы, такие, как Гудериан и Клейст, были убеждены в непобедимости состоящих под их командованием танковых армий, мощью которых фашистский вермахт надеялся проложить путь своей вооруженной до зубов пехоте и добиться быстрого и полного уничтожения Красной Армии в «блицкриге» — молниеносной войне. Но советские воины и среди них танкисты выстояли, остановили врага, а потом и сами перешли в решительное наступление.

Во многих городах нашей Отчизны и за рубежом на высоких постаментах стоят танки. Эти суровые памятники символизируют воинскую славу и доблесть советских танкистов. Танковые войска шли в авангарде наших наступающих армий и, как стремительный таран, взламывали вражескую оборону, пробивая дорогу для наступления всех остальных родов сухопутных войск. Танкисты первыми врывались в занятые врагом города и села, первыми преодолевали речные преграды, первыми, достигнув государственной границы, переносили боевые действия на вражескую территорию. В знак особого отличия многие танковые части и соединения носят почетные имена Донских, Сталинградских, Кантемировских, Котельниковских, Минских, Варшавских, Пражских, Берлинских.

В ходе Великой Отечественной войны не было сколько-нибудь крупной операции, в которой наши танковые соединения не принимали бы активного участия. Значительная роль нашим танковым войскам отводилась, например, при защите Москвы в обороне и в контрнаступлении. Иначе говоря, в разгроме врага под столицей, где они в значительной степени обеспечили нашу победу, хотя в то время у нас танков было еще мало. В некоторых же последующих сражениях они определили решительный успех наших войск. Так было в контрнаступлении, развернувшемся на берегах Волги в ноябре 1942 года, когда наши танковые соединения, войдя в прорыв, завершили окружение Сталинградской немецко-фашистской группировки. Полный разгром этой группировки по праву считается образцом искусства советских военачальников и высокого мастерства воинов Советской Армии.

Готовясь к операции «Цитадель», в которой гитлеровские генералы намеревались уничтожить советские войска, обороняющиеся в Курском выступе, взять реванш за разгром под Сталинградом и вновь перехватить стратегическую инициативу, промышленность фашистской Германии начала выпуск новых тяжелых боевых машин — «тигров» и «пантер».

При помощи этих бронированных чудищ они намеревались рассечь наши оборонительные порядки и, выйдя на оперативный простор, взять в клещи советские армии.

К этому времени советские бронетанковые войска уже имели в своем составе танки «Т-34» и «КВ». Однако немалый процент составляли и легкие танки, вооруженные сорокапятимиллиметровой пушкой. Этим боевым машинам трудно тягаться с мощными орудиями и тол-

БРОНЯ РОДИНЫ

стой броней «тигров» и «пантер». Тем не менее крупнейшие танковые сражения на Курской дуге были выиграны нами. Прежде всего потому, что советские военачальники умело использовали преимущество танкового оружия в ближнем бою, и потому, что за рычагами советских танков сидели советские танкисты, люди, беспредельно преданные ленинскому делу, Родине и партии.

В Курском сражении наши танковые соединения и объединения приняли на себя всю тяжесть главного удара вражеских танковых клиньев и сорвали замыслы врага в операции «Цитадель». А затем с переходом в контрнаступление нанесли стремительный удар по противостоящей группировке противника, чем обеспечили наступающим советским армиям высокие темпы продвижения, а также разгром брянско-орловской и белгородско-харьковской группировок противника.

А вот еще выдающиеся примеры высокого боевого мастерства советских танкистов — Корсунь-Шевченковская операция, в ходе которой были разгромлены отборные немецкие дивизии, Белорусская, закончившаяся полным уничтожением крупной вражеской группировки, Ясско-Кишиневская, где советские войска наголову разбили фашистские войска. Блестящий пример стремительного манёвра показали наши танкисты и при освобождении от фашистских оккупантов столицы Чехословакии — Праги. Вошли в историю мастерство и героизм советских танкистов, проявленные в завершающих операциях Великой Отечественной войны — в освобождении Польши, Румынии, Болгарии, Югославии, Чехословакии, в боях в Восточной Германии, в сражении за Берлин. А затем и в разгроме Квантунской армии японских милитаристов в Маньчжурии.

Что обусловило необыкновенные успехи танковых войск в ходе Великой Отечественной войны? Прежде всего прозорливость Коммунистической партии и та настойчивость, с которой она в годы первых пятилеток создала могучую оборонную индустрию, в том числе и танковую промышленность.

В танковой промышленности партия сосредоточила талантливых конструкторов, высококвалифицированные кадры инженеров и техников, наконец, рабочих, каждый из которых был подлинным мастером своей специальности. Вот это-то и позволило создать, освоить производство лучших в мире танков периода второй мировой войны — «Т-34» и «КВ», которые впитали в себя все лучшее, что породила конструкторская мысль того времени, и полностью отвечали прогрессивным требованиям нашей военной доктрины. Конструкция этих грозных боевых машин гармонически сочетала в себе большую маршевую скорость, подвижность, маневренность на поле боя, сильное вооружение и надежную броневую защиту экипажа. Именно поэтому мы, воины-танкисты, с глубокой благодарностью вспоминаем тех, кто, претерпевая тяжелые лишения, неустанно работал у сталеплавильных печей, у прокатных станов, управлял могучими прессами, ускорял движение конвейеров военных заводов. Благодаря героическому, самоотверженному труду рабочих и работниц, инженеров и конструкторов нашей танковой промышленности первоначальное преимущество фашистских захватчиков в количестве танков было в короткий срок ликвидировано. В течение последних трех лет войны советская танковая промышленность производила ежегодно в среднем более тридцати тысяч танков и самоходных артиллерийских установок.

Но танковая промышленность — это еще не танковые войска. Для того, чтобы вести в бой бронированные машины, нужны умелые, сильные, беспредельно преданные делу социализма люди, в совершенстве владеющие всеми тонкостями воинского мастерства.

Партия понимала это и еще до войны создала Военную бронетанковую академию и многие учебные заведения, в которых готовились командиры и политработники танковых войск — воспитатели и наставники рядовых танкистов.

Все это и обусловило создание и становление советских танковых войск, которые, как и все воины наших Вооруженных Сил, покрыли себя неувядаемой славой в годы Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы наши танковые войска претерпели немалые изменения. Прежде всего в технике. Бурный технический прогресс, появление новых видов вооружения обусловили немалые качественные изменения боевых машин. Они стали маневреннее, быстроходнее, повысилась их проходимость — ныне для танка практически нет таких наземных препятствий, которые он не мог бы преодолеть. Неизмеримо увеличилась огневая мощь. Словом, золотые руки рабочих предприятий танковой промышленности дают армии великолепные, прочно и с великой любовью сделанные боевые машины, которым в умелых руках советских танкистов любая задача по плечу.

Иными стали наши танковые войска и в организационном отношении. Это обусловлено их высокой мобильностью и гибкостью управления на поле боя. Они всегда были одним из ведущих родов войск в Советской Армии. Такими они остаются и поныне.

Мы, танкисты, гордимся тем, что из наших рядов вышли многие видные руководители Советских Вооруженных Сил: Маршал Советского Союза И. Якубовский, генерал армии С. Соколов, генерал армии А. Епишев, командующие войсками военных округов генералы И. Шавров, Г. Обатуров, а также маршал бронетанковых войск А. Бабаджанян, генерал О. Лосик и другие.

Наши современные танковые войска сильны не только своей могучей боевой техникой. Они сильны прежде всего своими людьми — славными воинами-танкистами, беспредельно преданными Коммунистической партии и своей Родине, в любой момент готовыми выполнить свой долг перед народами Советского Союза и народами братских социалистических стран. Сильны тем, что танкисты свято хранят и приумножают боевые традиции своего рода войск, традиции, зародившиеся в огненные годы Великой Отечественной войны.

Танкисты понимают, что для умелого использования сложной современной боевой техники требуется высокая техническая культура и безукоризненное владение оружием. Поэтому личный состав танковых войск ведет напряженную боевую и политическую учебу.

В танковых частях и подразделениях Московского военного округа, в которых мне нередко приходится бывать, большинство командиров и политработников сочетают глубокие знания военного дела с замечательным воинским мастерством. И это понятно: ведь почти у каждого третьего офицера — высшее образование. Более девяноста процентов солдат и сержантов имеют высшее, среднее и неполное среднее образование.

К этому следует добавить, что командующий войсками округа генерал-полковник Е. Ивановский и член Военного совета генерал-полковник К. Грушевой в прошлом служили в танковых частях.

В танковых частях округа хорошо известны имена майора В. Прокофьева, подполковника Ю. Кондратьева, капитана В. Парана, капитана Л. Пегова, лейтенанта А. Будревца и многих других офицеров. Это требовательные и заботливые командиры, умелые воспитатели, специалисты высокого класса, подлинные мастера обучения своих подчиненных.

Взять, к примеру, отличный танковый батальон, которым командует капитан В. Лисовский. Включившись в социалистическое соревнование под девизом «Год XXIV съезда — год отличной учебы и службы», личный состав батальона в настоящее время борется за то, чтобы к концу учебного года подтвердить звание отличного. Капитан В. Лисовский, опираясь на коммунистов и комсомольский актив, умело организует учебу и службу воинов. Текущие результаты боевой и политической подготовки личного состава батальона позволяют сделать вывод о том, что взятые социалистические обязательства будут успешно выполнены.

Заслуженным уважением пользуется и механик-водитель старшина сверхсрочной службы Игнат Никифорович Прокопенко — бывалый фронтовик, грудь которого украшают боевые награды, мастер вождения, отличный стрелок. Более сорока раз он участвовал в парадах на Красной площади. А в будни ветеран щедро делится с молодежью своим богатым опытом.

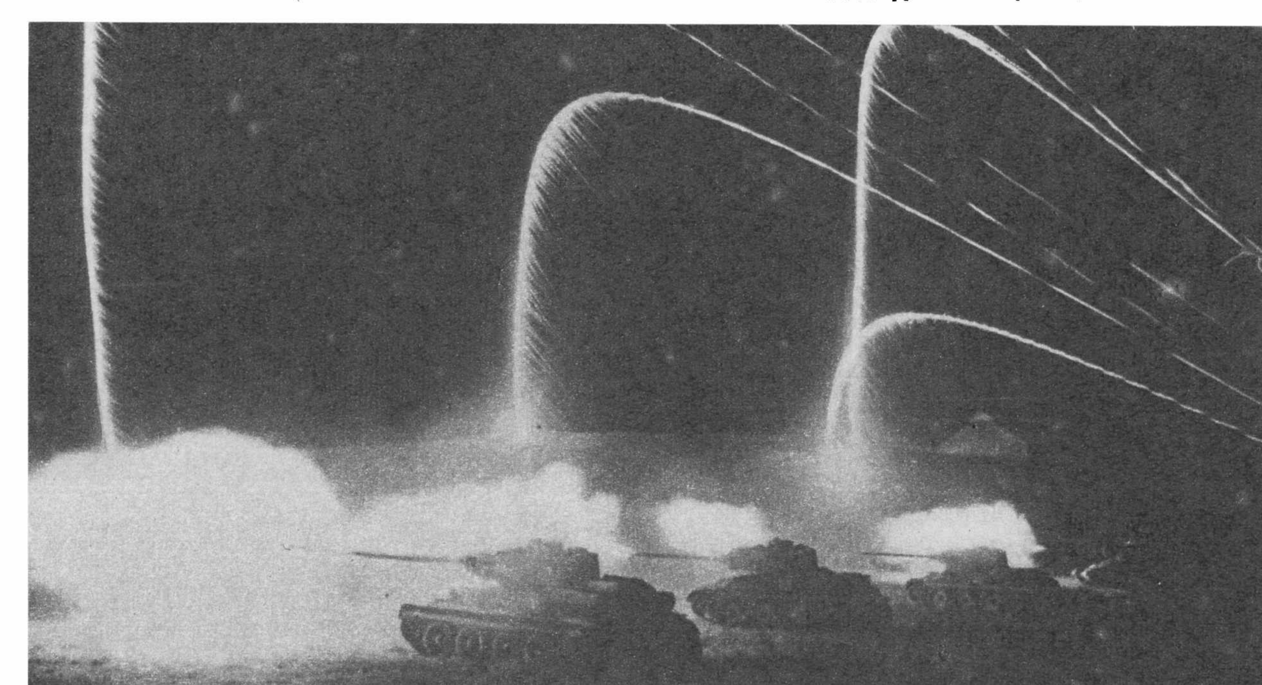
В авангарде борьбы за достижение высоких результатов в боевом совершенствовании стоят коммунисты. Партийные организации постоянно заботятся о повышении качества учебного процесса, добиваются продуктивного использования каждой минуты учебного времени, оказывают постоянную помощь воинам в овладении основами боевого мастерства. Плодотворно трудится в этом направлении партийная организация батальона гвардейской Кантемировской дивизии, где секретарем капитан В. Борисюк.

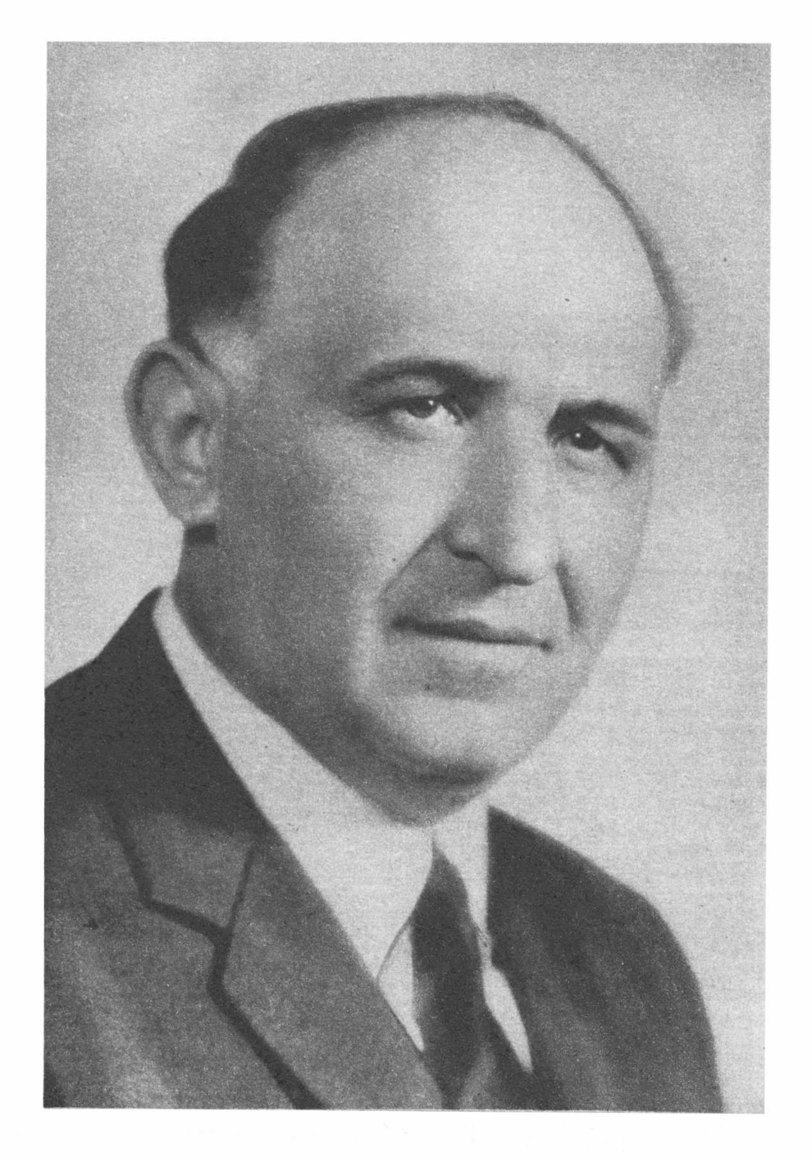
Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации танковых частей и подразделений округа, готовясь к своему празднику, сосредоточивают свои усилия на дальнейшем повышении боеготовности, качестве полевой выучки, добиваются, чтобы каждый танкист и все подразделения выполнили свои высокие социалистические обязательства.

Советский народ и его воины с гордостью вспоминают бои и победы минувшей войны. Они воздают дань уважения и любви ветеранам танковых войск, тем, кто одержал победу над панцирными дивизиями гитлеровского вермахта. Они желают ветеранам счастья, здоровья и многих лет жизни.

В свой праздник советские танкисты еще раз заверяют наш народ, партию, Советское правительство, что они всегда находятся в постоянной боевой готовности и сумеют выполнить любой приказ Родины. Танковая броня нашей армии надежно прикрывает родную землю от всех и всяких агрессоров, откуда бы они ни пришли.

Ночная танковая атака. 1943 год. **Фото Дм. Бальтерманца.**

БЕЗЗАВЕТНОЕ СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ

Первому секретарю ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателю Государственного совета Народной Республики Болгарии товарищу Тодору Живкову исполнилось 60 лет.

Вся жизнь этого видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, выдающегося партийного и государственного руководителя — пример беззаветного служения народу. С двадцати лет Т. Живков в рядах Болгарской коммунистической партии. Многие годы он возглавляет руководящие партийные и государственные органы страны. Находясь на высоких постах, доверенных ему народом, Тодор Живков подтвердил слова Георгия Димитрова, что «лишь тот коммунист, который никогда не отделяет в своей деятельности марксистско-ленинскую теорию от коммунистической практики в строительстве социализма, может быть полноценным деятелем нашей Коммунистической партии и действительным руководителем трудящихся».

Тодор Живков проявил себя как последовательный марксист-ленинец, крупный практик и теоретик в борьбе за построение социалистического общества на болгарской земле.

В докладе на X съезде БКП товарищ Живков отметил, что в последние годы Болгария сделала новый большой шаг на пути своего экономического и духовного подъема. В тех успехах, которых добился болгарский народ, большая заслуга принадлежит Болгарской коммунистической партии и ее Центральному Комитету во главе с товарищем Тодором Живковым.

«Советские люди знают Вас, представителя славной плеяды болгарских коммунистов, как большого и верного друга Советского Союза, последовательного интернационалиста и стойкого борца за торжество коммунистических идеалов, за сплочение международного коммунистического и рабочего движения, за укрепление единства социалистического содружества. Мы высоко ценим вклад, который Вы вносите в углубление и развитие братской дружбы и всестороннего сотрудничества между БКП и КПСС, между нашими странами и народами»,— говорится в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, которое направили славному сыну болгарского народа товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин.

Отмечая выдающиеся заслуги в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Народной Республики Болгарии, в укреплении мира и социализма, многолетнее активное участие в мировом коммунистическом движении и в связи с шестидесятилетием со дня рождения, Президиум Верховного Совета СССР наградил Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ товарища Тодора Живкова орденом Ленина.

В день славного юбилея товарища Тодора Живкова коммунисты, все трудящиеся Советской страны шлют ему самые сердечные поздравления и от души желают крепкого здоровья, бодрости, сил и плодотворной деятельности во имя торжества идей научного коммунизма на болгарской земле, на благо Народной Республики Болгарии.

ПРАЗДНИК В СТРАНЕ ДЕТСТВА

3 сентября в выставочном зале Дома художника на Кузнецком мосту торжественно открылась Вторая Всероссийская выставка детской книги и книжной графики. Открыл выставку председатель Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Н. В. Свиридов. Собравшихся в светлых, просторных залах Дома художника писателей, художников, представителей учреждений и предприятий столицы, юных читателей приветствовали также секретарь правления Союза писателей РСФСР А. Г. Алексин и секретарь правления Союза художников РСФСР Г. М. Коржев.

«Великая держава», как назвал А. М. Горький детскую литературу, справляет свой замечательный праздник. Свыше трех тысяч экспонатов на стендах, представляющих работу 45 издательств Российской Федерации. Сотни имен авторов, среди которых такие замечательные мастера детской книжной иллюстрации, как Н. Жуков, Б. Дехтерев, Д. Шмаринов, В. Горяев, Е. Рачев, Е. Кибрик, Т. Маврина...

Достойное место на стендах выставки заняла детская книжная «Лениниана», где особенно выделяются такие работы, как иллюстрации И. Ильинского к книге С. Михалкова «В Музее В. И. Ленина», О. Верейского к книге М. Прилежаевой «Жизнь Ленина», К. Безбородова к книге В. Бонч-Бруевича «Наш Ильич» и другие. Рядом с книжками, изданными на русском языке, книги на татарском, тувинском, кабардинском, якутском языках. Это значит, что дети народов, не имевших до Октября письменности, теперь читают книги на родном языке.

Выставка в Доме художника стала яркой иллюстрацией к словам, сказанным Л. И. Брежневым на III Всесоюзном съезде учителей: «У нас есть превосходная литература для детей, которая развивается как неотъемлемая часть большой советской литературы».

На снимке (справа налево): народные художники РСФСР Б. Дехтерев, Е. Рачев, художники М. Митурич, М. Скобелев, В. Гальдяев в зале выставки.

КУБКИ У ЛУЧШИХ

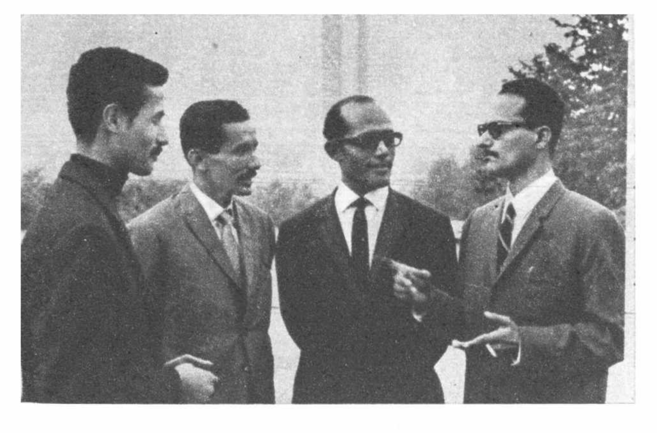
Много тревог вызывает у поклонников футбола их любимая игра. За последнее время снизился класс ведущих команд, увеличилось число неудач при встречах с зарубежными соперниками, бесцветно проходят многие игры внутрисоюзного календаря. Для повышения класса игры многое надо сделать и прежде всего необходимо насытить команды молодыми, способными игроками. Эта задача решается в группах подготовки юных футболистов, которые работают при командах мастеров.

И вот своеобразными смотринами молодых талантов уже пятнадцать лет являются всесоюзные юношеские соревнования. В предварительных играх этих соревнований принимают участие свыше ста команд, лучшие из них встречаются в шести полуфиналах, а победители этих полуфиналов разыгрывают между собой призовые места.

В финале всесоюзных юношеских соревнований, который в этом году был проведен в Киеве, впервые разыгрывались три Кубка, учрежденные журналом «Огонек», лучшему вратарю, защитнику и нападающему.

Авторитетное жюри во главе с главным арбитром соревнований судьей всесоюзной категории С. Р. Раздоражнюком в течение всего турнира отбирало самых техничных, самых умелых молодых футболистов. И вот наконец в последний день турнира стали известны имена лауреатов нашего журнала.

Кубки «Огонька» получили вратарь команды московского «Динамо» Владимир Квасников (тренер В. П. Кесарев), защитник команды ЦСКА Сергей Баженов (тренер А. Г. Гринин)

Москва. 3 сентября 1971 года. На снимке — члены делегации Народного фронта освобождения оккупированной зоны Персидского залива. Слева направо: Мухамед Аод, Саид Али, Ахмед Абдель Самад (глава делегации), Хасан Альгасс-ани.

Фото А. Гостева.

СЛОВО К ДРУГУ

В нашей стране по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки находилась делегация Народного фронта освобождения оккупированной зоны Персидского залива во главе с членом исполкома НФООПЗ Ахмедом Абдель Самадом.

Ниже мы публикуем интервью нашего корреспондента Юрия Свердлова с главой делегации Ахмедом Абдель Самадом.

— Наша делегация прибыла в Москву, чтобы выразить чувства дружбы и солидарности с братским советским народом,— сказал Ахмед Абдель Самад.— Наши друзья и боевые соратники, которые сражаются с войсками английских империалистов и их марионеток, просили передать, что поездка первой официальной делегации НФООПЗ в великий Советский Союз вызывает радость и энтузиазм среди бойцов Народно-освободительной армии и Народной милиции и еще больше вдохновляет их на борьбу до полного изгнания английских колонизаторов с родной земли.

Революция 9 июня 1965 года — это народная революция. И если б это было не так, мы не смогли бы вести успешную борьбу на протяжении шести минувших лет против вооруженной до зубов английской оккупационной армии.

Мы уверены в том, что победим. Эта непоколебимая уверенность зиждется на правоте дела, за которое борется НФООПЗ.

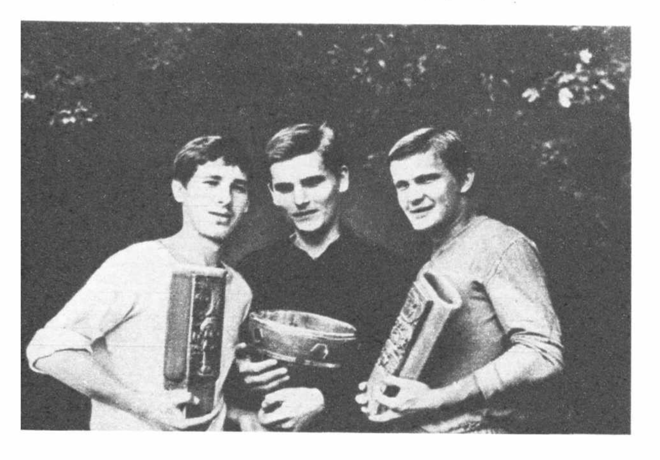
За время своего пребывания здесь, в вашей стране, мы встретили глубокое понимание наших проблем. Мы высоко ценим ту духовную и материальную помощь и поддержку, которую нам оказывает советский народ. За это мы выражаем глубокую благодарность и признательность Коммунистической партии, Советскому правительству. Мы считаем, что Советский Союз является не только нашим другом, но и другом всех народов, которые борются за национальное и социальное освобождение. Я с большим удовольствием от имени НФООПЗ передаю пожелания больших успехов советскому народу в строительстве коммунизма.

и нападающий киевского «Динамо» Николай Пинчук (тренер А. Н. Молотай).

Кстати, обладатели Кубка являются представителями лучших команд турнира: киевляне заняли первое место, московские динамовцы — второе, а армейцы — третье.

Юные футболисты — обладатели Кубков «Огонька»: Н. Пинчук, В. Квасников и С. Баженов.

Фото Н. Козловского.

СВЕЖИЕ ВЕТРЫ НАД ЕВРОПОЙ

Виталий КОРИОНОВ

Развитие мировых событий свидетельствует, что XXIV съезд ленинской партии, выдвинутая товарищем Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду программа борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов придали новый импульс международной жизни. Наглядное тому подтверждение — существенные изменения в политическом климате Европы.

Исходной точкой этих сдвигов являются важные инициативы Советского Союза и других социалистических стран, направленные на превращение Европы в континент мира и спокойствия. Именно они создали новую обстановку в политическом диалоге между капиталистическими и социалистическими государствами, поставили дело оздоровления климата Европы, отравленного деятельностью НАТО, на благоприятную основу.

Подписанное на прошлой неделе Советским Союзом, США, Великобританией и Францией соглашение по вопросам, относящимся к Западному Берлину, представляет собой убедительное свидетельство того, что целеустремленные миролюбивые акции Советского Союза и других социалистических стран приносят все более положительные результаты.

Говоря о предпосылках, сделавших возможным подписание соглашения, Первый секретарь ЦК СЕПГ тов. Э. Хонеккер подчеркнул, что заслуга в этом в первую очередь принадлежит последовательной и миролюбивой политике Советского Союза и государств социалистического содружества. «Мы выражаем нашу искреннюю благодарность,— сказал он,— прежде всего Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза и правительству Советского Союза за их ленинскую внешнюю политику, направленную на установление отношений мирного сосуществования между социалистическими и капиталистическими государствами».

Четырехстороннее соглашение расценивается мировой общественностью как крупный успех в деле обеспечения устойчивого мира в Европе. Об этом выразительно свидетельствуют хотя бы заголовки газет, сообщавших о подписании соглашения: «Новый значительный шаг на пути укрепления европейского мира» (венгерская «Непсабадшаг»); «Пороховая бочка, которую обезопасили» (французская «Юманите»); «Соглашение, прижавшее к стенке сторонников жесткого курса» (английский еженедельник «Трибюн»); «Разблокирована ситуация, полная трудностей и усеянная шипами» (итальянская «Глобо») и т. д.

Переговоры четырех держав по западноберлинскому вопросу продолжались в течение почти полутора лет. Противники разрядки, прежде всего в определенных кругах Бонна, в течение этого времени делали все возможное в их силах для того, чтобы отравлять атмосферу. Даже газета «Франкфуртер рундшау» в следующих словах охарактеризовала на днях деятельность этих кругов в ФРГ: «Уже давно в этой стране не проводилось столь массированной подстрекательской кампании, как именно в последние месяцы. Целый концерн печати тоннами источал желчь. Правоконсервативные парламентарии от ХДС толковали насчет «распродажи в Берлине».

И сегодня эти приверженцы «холодной войны» не складывают оружия. Недовольно бурчит по поводу четырехстороннего соглашения руководство фракции ХДС/ХСС в бундестаге. Исходит злобой шпрингеровская «Ди вельт». Выходящая в Западном Берлине «Берлинер моргенпост» решила разразиться целой серией статей, направленной против соглашения. Люди вчерашнего дня все еще цепляются за концепцию сохранения на европейском континенте «равновесия страха».

Но этим господам приходится все более туго. Жизнь берет свое. Над нашим древним континентом с нарастающей силой дуют свежие, очистительные ветры разрядки напряженности.

Крепнет, поднимается на новую ступень сотрудничество между СССР и Францией, достигшее, по словам французского министра иностранных дел М. Шумана, «крейсерской скорости». Подписаны и ждут ратификации договоры между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ. Ширится число правительств стран Западной и Северной Европы, выступающих за созыв общеевропейского совещания государств.

Все более благоприятными становятся перспективы экономических, торговых отношений между социалистическими и капиталистическими странами Европы. Совместные стройки промышленных предприятий, расширение научно-технических связей, обмен культурными ценностями — все это прочно входит в повседневную жизнь народов Европы.

На Западе возрастает роль реалистически мыслящих кругов, выступающих за укрепление европейского мира. Подписание четырехстороннего соглашения по Западному Берлину еще раз подтвердило: при наличии доброй воли всех участников переговоров может быть найден путь решения даже самых сложных вопросов.

Задача полной нормализации обстановки в Европе может быть решена. Она должна быть решена. Этого властно требуют интересы народов Европы и всего мира.

3 сентября в Западном Берлине состоялось подписание четырехстороннего соглашения между правительствами СССР, Франции, США и Англии по вопросам, относящимся к Западному Берлину. Соглашение было подписано послом СССР в ГДР П. А. Абрасимовым и послами трех держав в ФРГ.

Телефото АДН—ТАСС.

26-й годовщине со дня провозглашения Демократической Республики Вьетнам был посвящен литературный вечер в Краснознаменном зале ЦДСА. Со вступительным словом выступил секретарь правления Союза писателей СССР Б. Полевой.

Советские поэты прочитали стихи, посвященные героическому вьетнамскому народу, советско-вьетнамской дружбе.

На вечере присутствовали дипломатические сотрудники посольств Демократической Республики Вьетнам и Республики Южный Вьетнам в Советском Союзе.

Фото А. Гостева.

Уличный бой в Лондондерри — такую подпись дало к этому снимку агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл. Английские оккупационные войска уже много месяцев ведут сражения на улицах католических кварталов североирландских городов. В последние дни в Белфасте и Лондондерри английская армия применяла газ «си-эс». Несмотря на жестокие расправы, население Ольстера продолжает борьбу.

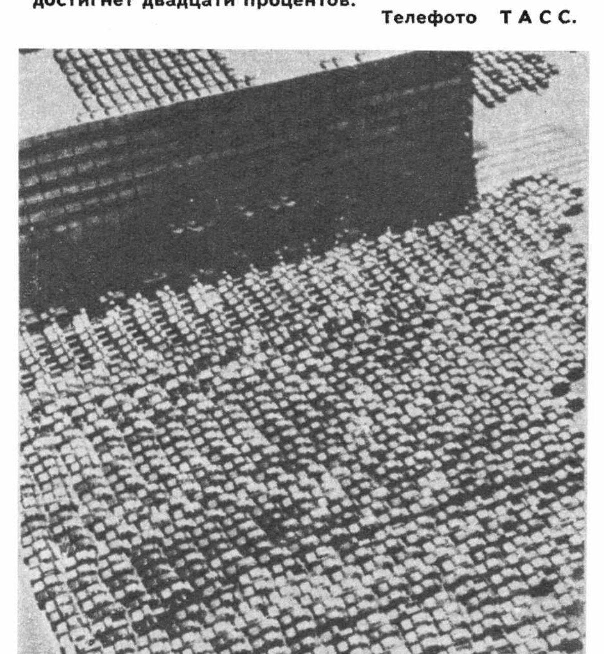

◀ У подъезда банка на одной из улиц Рима собралась толпа американских туристов с единственным желанием: как можно скорее освободиться от потерявших доверие зеленых бумажек — американских долларов. Такова была первая реакция на кризис доллара. «Чрезвычайные меры», предпринятые американским правительством, чтобы спасти доллар за счет партнеров, вызвали тяжелое потрясение всей валютно-финансовой системы капитализма. Кризису, как отмечает западная печать, не видно конца.

Фото «Националь-цайтунг» — АПН.

Тысячи новых автомобилей скопились в порту Йокогамы. Это происходит потому, что экспорт Японии в результате введенных США дополнительных таможенных пошлин сократился. Предварительные подсчеты обещают, что в результате валютной войны сокращение японского экспорта достигнет двадцати процентов.

Телефото ТАСС.

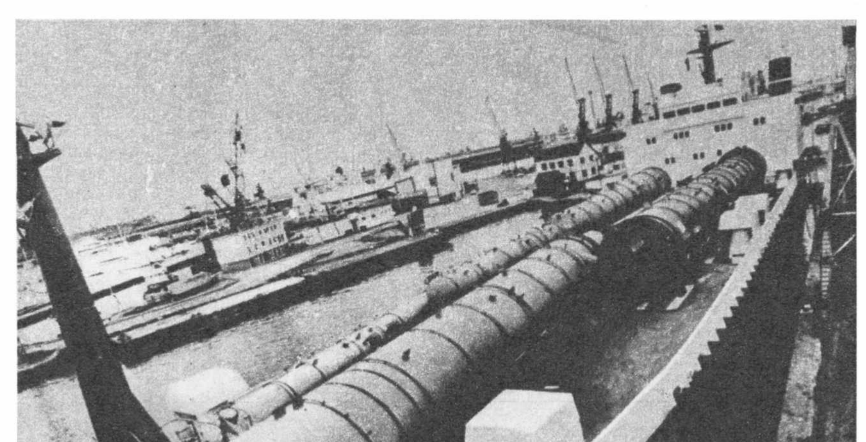

Французский порт Гавр. На судно, носящее имя русского композитора Бородина, погрузили напоминающие гигантские сигары регенераторы. Это французское оборудование предназначено для нефтяной промышленности Советского Союза.

За пять лет, прошедших со времени подписания соглашения о научно-техническом и экономическом сотрудничестве, контакты между СССР и Францией постоянно крепли, охватывая новые области экономики, науки и техники. Расширяется сотрудничество двух стран и в области поставок оборудования.

Фото АФП — ТАСС.

25 ЛЕТ НАЗАД, 15 СЕНТЯБРЯ 1946 ГОДА, БОЛГАРИЯ БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

ОТ ВЕРШИНЫ К ВЕРШИНЕ

Иван ЙОВКОВ,
болгарский журналист

Год 1971-й знаменателен для болгарской истории. В течение этого года в республике произошло несколько крупных событий, которые, бесспорно, наложат глубокий отпечаток на все последующее развитие экономики, социалистических общественных отношений и духовную жизнь нашего народа.

В апреле состоялся Десятый съезд Болгарской коммунистической партии. Он произвел смотр достигнутого, принял программу партии и начертал ясный путь строительства развитого социалистического общества.

9 сентября мы празднуем 27-ю годовщину социалистической революции в Болгарии. Пройденный путь был нелегким, но результаты превзошли самые оптимистические прогнозы, сделанные четверть века назад.

В годы, прошедшие после Апрельского (1956 года) пленума ЦК БКП, проявилась зрелость партии-руководительницы, ее умение намечать путь к народному благоденствию, строить грандиозные планы и осуществлять их с присущим ей дерзновением и упорством.

Непоколебимая уверенность в правильности линии партии окрыляла народ, и для него стало правилом перевыполнять предначертания партийных планов.

С трибуны Пятого съезда партии Георгий Димитров произнес слова, которым суждено было стать историческими: за 15—20 лет болгарский народ должен совершить то, чего другие народы при других условиях достигли за столетия.

Как в свое время план ГОЭЛРО и мечта Ленина о ста тысячах тракторов многим казались фантастикой, так и этот призыв объявляли утопией. Враги социализма трубили, что хозяйственный план построен на песке, составлен на нереальной основе наивными людьми, что на заводских трубах, которые коммунисты замыслили построить, вороны будут высиживать птенцов...

Сегодня стало явью то, что в 1948 году выглядело чистой фантастикой.

Трудолюбивый болгарский народ строит новое общество. Путеводной звездой ему служит советский пример, советский опыт, братская, бескорыстная помощь советского народа.

«Наша партия, наша страна, болгарский народ,— говорил в докладе на X съезде БКП Первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков,— следуют и всегда будут следовать завету Георгия Димитрова: укреплять священную болгаро-советскую дружбу, расширять и углублять наши отношения с великой страной строящегося коммунизма... Мы всегда, при любых обстоятельствах, будем следовать этому жизненно важному для судьбы социалистической Болгарии завету».

За двадцать лет почти два миллиона болгарских крестьян перешли на работу в промышленность, продукция которой все больше приближается к лучшим мировым образцам. Несмотря на это гигантское переселение, болгарское сельское хозяйство не уступает самым развитым капиталистическим странам, а по организации труда намного их превосходит.

С полным основанием можно сказать, что если бы Болгарская коммунистическая партия не имела такой традиционной крепкой поддержки села, то выполнение величественной программы в столь короткие сроки было бы невозможно. Поддержка эта основывалась на десятилетиях кровавой борьбы болгарского крестьянина за социальную справедливость. Ради идей партии он не раз был готов пожертвовать своей жизнью.

В этот знаменательный год болгарское сельское хозяйство вступило в новую фазу. Государственные и кооперативные земледельческие хозяйства объединились в аграрно-промышленные комплексы. Произошло не только укрупнение обрабатываемых площадей. На основе высокой автоматизации и механизации изменились масштабы управления и углубилась специализация.

Юридической основой построения развитого социалистического общества является принятая также в этом году новая Конституция Народной Республики Болгарии. Несомненно, она послужит дальнейшему развитию социалистических общественных отношений.

На протяжении десятилетий БКП высоко держит факел научного социализма и не раз доказала свою непоколебимую верность принципам, которыми всегда вдохновлялось международное коммунистическое и рабочее движение.

В двенадцати километрах от Шипки находится вершина Бузлуджа. Если принято говорить, что на Шипке взошло солнце национальной свободы Болгарии, то на Бузлудже зародилось социальное освобождение болгарского народа. Здесь 2 августа 1891 года собралась группа социалистов во главе с высланным из царской России за революционную деятельность Димитром Благоевым. Они основали Болгарскую социал-демократическую партию и одобрили ее первую программу. Это — событие огромного значения, если учесть социально-экономические условия Болгарии в те годы: страна только что освободилась от пятивекового иноземного ига, промышленность едва начинала зарождаться, село оставалось патриархальным.

Воистину требовалось не только мужество, но и гениальная прозорливость, чтобы предсказать в то время социалистическое будущее Болгарии. Димитр Благоев назвал первых сеятелей социалистических идей современниками будущего.

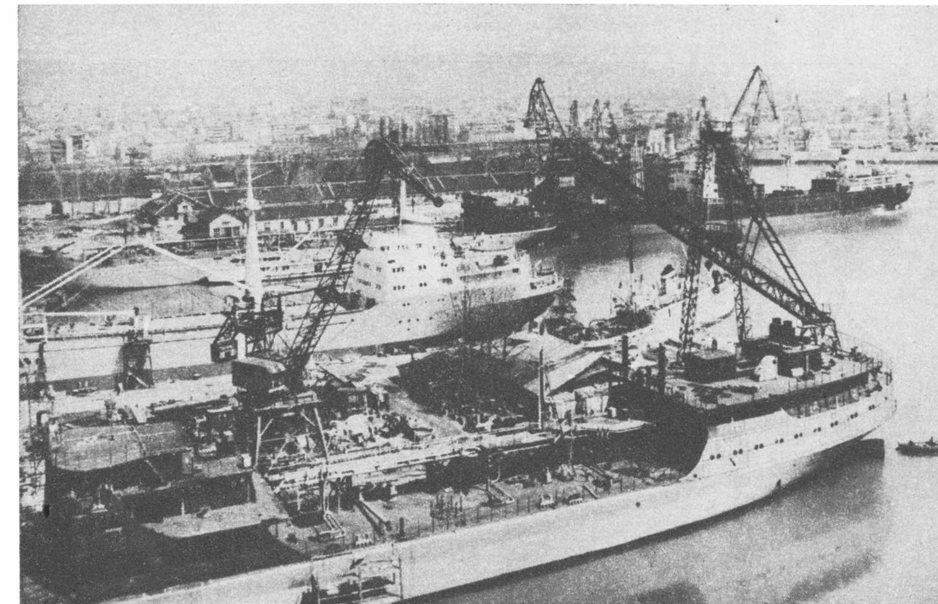
«Всей своей героической историей,— сказал на X съезде БКП Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— делами своими, преданным служением народу Болгарская коммунистическая партия доказала свою способность, свое право возглавить строительство социализма. Верность марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, тесное сплочение с самыми широкими массами трудящихся, знание их нужд и чаяний — вот что придает силу коммунистам, вот что делает их признанными руководителями всенародной борьбы за социализм».

Десятый съезд БКП принял новую программу партии, в которой записано:

«Восемь десятилетий прошло с того дня, когда на легендарной вершине Бузлуджа Димитр Благоев и его соратники основали революционную марксистскую партию и присоединили болгарский рабочий класс к штурмующему устои капитала всемирному пролетариату... партия болгарских коммунистов уже восемь десятилетий уверенно идет по трудному, но славному пути с полным сознанием своей исторической миссии и ответственности перед болгарским рабочим классом и болгарским народом, перед международным рабочим движением».

Жатва в Добрудже. Фото Мишо Николова.

Варна. Вид на судостроительный завод и порт. Фото Д. Ангелова.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Е. СТЕПАНОВА

Косогор над Волгой. Далеко за горизонт уходят бесконечные просторы России. Порывистый ветер гонит над ними клубящиеся, темные грозовые облака. Двое юношей задумались о будущем...

«Братья Ульяновы» назвал свою картину, посвященную юношеским годам Владимира Ильича Ленина, молодой чувашский живописец Николай Карачарсков.

Подставив грудь ветру, глядя вдаль, туда, откуда сквозь темень облаков прорываются солнечные лучи, стоит Александр Ульянов — весь порыв, весь готовность на подвиг! Сосредоточенный, серьезный Владимир Ульянов, глубоко запахнувшись в гимназическую шинель, как бы обдумывает решение, выбор пути...

Может быть, это была одна из последних встреч братьев перед страшной гибелью Александра Ульянова.

Художник не стремился с документальной точностью воссоздать определенный исторический факт. Да это было бы и невозможно. Воплощая романтизированные, юношески прекрасные образы братьев Ульяновых, Николай Карачарсков как бы создает запечатленное в живописи представление своего поколения о знаменательных для истории нашей страны беседах Володи Ульянова со старшим братом-народовольцем. О том убежденном выборе, который сделает юный Ленин после событий 1 марта и казни Александра Ульянова: «Нет, мы пойдем не таким путем».

Полон тревоги, предгрозовой напряженности колорит холста. Золотые блики солнца, прорвавшись сквозь тучи, высветили стройную фигуру Александра, прекрасное, умное лицо героя. Художник передал удивительно живо черты портретного сходства в лицах обоих братьев Ульяновых. Мы узнаем высокий ленинский лоб над решительным разлетом бровей, пристальными глазами.

Интересна композиция картины. Скульптурно, обобщенно читаются фигуры братьев, ярко освещенные солнцем на фоне бурного, предгрозового неба. Эта атмосфера ожидания бури воплощена в картине — романтичной и в то же время решенной в лучших традициях русской реалистической школы.

Полотно Николая Карачарскова, воспитанника Чебоксарского художественного училища, «Братья Ульяновы» заметно выделялось в экспозиции Выставки произведений художников автономных республик РСФСР, где оно было показано. Это — историческое живописное произведение, запечатлевшее как бы самый момент зарождения Великой Октябрьской социалистической революции.

«Рузаевка. Декабрь, 1905 год». Картина мордовского живописца Ивана Сидельникова. Она посвящена первым революционным боям российского пролетариата.

Декабрь 1905 года. В знак солидарности с восставшим пролетариатом Москвы подняли вооруженное восстание железнодорожники узловой станции Рузаевка в Пензенской губернии. Всю власть в свои руки взял стачечный комитет, фактически выполняя функции Совета — большевистской формы власти народа. Комитет установил в поселке и на станции строжайший революционный порядок, упразднил состоявшую из прислужников капитала администрацию станции и утвердил революционное управление железнодорожным узлом Рузаевка, строго контролируя движение поездов через него. Пролетарская власть организовала даже бесплатное питание для восставших рабочих и возвращавшихся с маньчжурского фронта солдат... Десять дней продержалась Рузаевская республика! Одна из ярких искр, предвещавших грядущую победу народа. Никогда не погаснет в нашей памяти эта искра.

Прошло шестьдесят с лишним лет. В архивы, где хранятся документы, рассказывающие о Рузаевской республике, пришел молодой живописец. Он вчитывался в строчки листовок, страницы исследований, написанных историками, вглядывался в фотографии. Это был Иван Сидельников. То, что он узнал о Рузаевской республике, вдохновило его на создание картины.

Паровоз, ставший в дни боев за свободу трибуной. Лозунг «Долой самодержавие!» как бы освещает восставшим направление магистральной дороги в будущее. Каждую деталь полотна подчинил художник идее: пролетариат победит! Но центром картины стал образ молодого железнодорожника, поднявшегося на паровоз, чтобы своей страстной, убежденной речью призвать товарищей бороться до победы.

Известно, что во главе Рузаевской республики стоял машинист А. П. Байкузов. Быть может, славный образ этого мужественного и отважного человека невольно занимал воображение молодого художника, когда он работал над своей картиной. Переводя взгляд с сохранившейся фотографии героя-пролетария Байкузова на лицо молодого оратора, изображенного в картине, обнаруживаешь сходство, хотя на фото председатель Рузаевского стачечного комитета лет на 10—15 старше героя картины Ивана Сидельникова.

...Многое изменилось в том краю, где некогда героически держалась, противостоя громадной военной силе царского самодержавия, Рузаевская республика пролетариев-железнодорожников. Изменился облик края — Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики, равной среди равных шестнадцати сестер-республик Российской Федерации. Изменились ее люди. Пришла жизнь, так разительно не похожая на ту, против которой боролись рузаевские пролетарии. Всех перемен, происшедших за советские годы, не перечислить! Ну разве можно было тогда, без малого 70 лет назад, предположить, что будет у забитых «инородцев» — у мордвы существовать свой Союз художников?!

Иван Сидельников всего три года как окончил Московский художественный институт имени В. И. Сурикова. Он недавний член Союза художников Мордовской республики. И с самого начала самостоятельного творчества молодого живописца привлекает работа над исторической картиной. Кроме картины «Рузаевка. Декабрь, 1905 год», им был написан холст «Солдаты революции», посвященный В. И. Ленину.

Мордовский художник Евгений Ноздрин, ученик И. С. Горюшкина-Сорокопудова по Пензенскому художественному училищу, состоит в Союзе художников с 1943 года. За последние годы им создана целая галерея портретов деятелей культуры Мордовии — артистов, композиторов, писателей. Портрет Антонины Васильевны Мамонтовой, преподавателя Мордовского университета культуры,— одна из последних работ художника. Евгений Ноздрин изобразил Антонину Васильевну в тот момент, когда она читает лекцию о советском изобразительном искусстве. Тонко схваченное внешнее сходство, выразительность и характерность позы, содержательность и смысловая нагруженность фона. Глядя на портрет, мы словно присутствуем на одной из лекций Антонины Васильевны, узнаем, как интересна и увлекательна эта беседа, как много личного отношения к предмету изложения, богатства знаний, эрудиции, немалого жизненного опыта вкладывает эта умная, собранная, волевая женщина в свой разговор с людьми об искусстве. Мы узнаем из картины, что былое и история тесно увязаны в рассказе лектора с современностью. И происходит так потому, что и в самой советской живописи, о которой ведет речь А. В. Мамонтова, история и современность неразделимы.

«С. М. Киров в селе Ольгинском». Приближая историю к современности, решает исторический сюжет Батыр Калманов, живописец из Северной Осетии. Он рассказывает в своей картине о том, какая теплая, полная доверия дружба связывала Сергея Мироновича Кирова с горцами-крестьянами Осетии. Со спокойной улыбкой шел он в аулы и станицы, между которыми кипела кровавая вражда, и примирял непримиримых. Вокруг Кирова, которого горцы звали «Кира́», всегда толпился народ. Художник стремится в своей картине подчеркнуть это взаимопонимание, дружбу, воспроизводя на холсте детали горского быта, характерные позы персонажей.

Картина Батыра Калманова повествует о том времени, когда молодой Киров сплачивал горцев на борьбу за победу Советской власти.

Для рассказа об этих исторических для его народа событиях молодой художник отбирает спокойные, сдержанные, но выразительные краски. Беленая стена сакли становится фоном, на котором четко выписан образ Сергея Мироновича. Белая сорочка, оттеняющая лицо Кирова, и белая рубашка мальчика-осетина, примостившегося рядом, еще явственнее выделяют композиционный центр картины, вокруг которого группируются все ее персонажи и каждый предмет, включенный художником в композицию. Сергей Миронович, положив левую руку на низкий стол, загибает палец за пальцем, видимо, убеждая слушателей в каждом из преимуществ, которые даст осетинам Советская власть. Наверно, слова Кирова, большевика-ленинца, очень вески, убедительны и необычны, так как мужчины слушают не только со вниманием, но как бы сравнивая услышанное со всем тем, что каждый знает о жизни. Задумалась и женщина, невольно задержавшись у плиты с уже положенными на блюдо традиционными кукурузными лепешками. Любовно, внимательно выписал Батыр Калманов каждую деталь интерьера, не загромоздив при этом картину ненужными подробностями. Вещи — посуда, оружие, нехитрая мебель — не только рассказывают о быте горцев, но и обогащают колорит холста. Мягко перекликаются оттенки темно-красного цвета — в одеждах женщины и хозяина сакли, в терракоте кувшинов и меди кастрюль. Лишь в нескольких местах цвет дан почти открыто: зеленая глазурь на кувшине с вином, голубая лампа справа, ярко вспыхнувшая алым связка перца. Умелое включение обычных вещей обихода в цветовой строй исторического полотна, гармоничная перекличка цветовых пятен придают картине Б. Калманова живую непосредственность, делают для зрителей изображенный художником факт истории наглядным и близким.

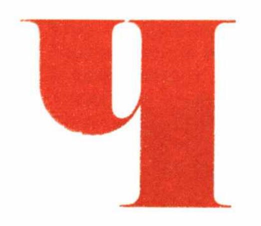
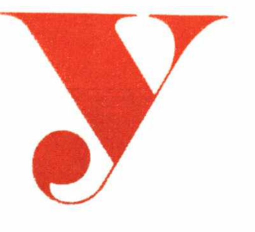
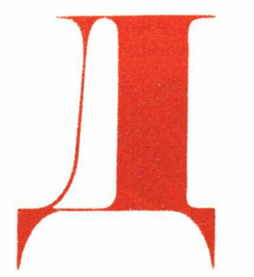
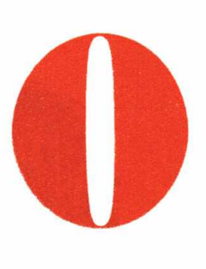
Батыр Калманов чаще и больше всего в своем творчестве — бытописатель жизни своего народа, певец красоты природы Осетии. Пейзажи и жанровая картина, если можно так выразиться,— главная его стихия. Об этом говорят уже сами названия работ живописца: «На пастбищах», «Дворик», «Одевание невесты», «Портрет колхозника». Но исторические картины — «С. М. Киров в селе Ольгинском», «Коста среди горцев», «Бой под Эльхотовом» — появляются в творчестве этого художника закономерно. Любовь к родной земле, желание воспеть ее свободную и счастливую жизнь приводят Б. Калманова к потребности рассказать о том, как эта жизнь завоевывалась. Вспомнить события, людей. Всех тех, чьей убежденности, героизму, революционной целеустремленности обязаны свободой и счастьем народы Союза Советских Социалистических Республик, готовящегося отметить свое пятидесятилетие.

Н. Карачарсков (Чебоксары). БРАТЬЯ УЛЬЯНОВЫ.

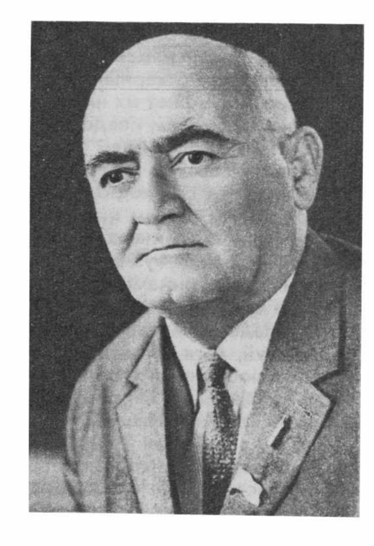
Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

И. Сидельников (Мордовская АССР). РУЗАЕВКА. ДЕКАБРЬ. 1905 ГОД.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

ЧУДО

Боки Рахим-заде — один из самых популярных в Таджикистане поэтов, автор ряда лирических сборников — «Праздник Победы», «В Вахшской долине», «Зеленый лист», «Жизнь и слово», «Родник» — и других, изданных в Душанбе и Москве. За сборник стихов «Пройденный путь» он был удостоен Государственной премии имени Рудаки.

«Чудо» — это поэма-легенда о высокой красоте раскованного разума и раскрепощенной души человека, той красоте, о которой веками мечтали мыслители прошлого, той красоте, что должна воспарить над изобилием, создаваемым нами, без которой немыслимо общество равных, общество коммунизма.

Пользуясь традиционной символикой древних таджикских поэтов, традиционной системой образов, Боки Рахим-заде творит и поэтическое чудо, ибо в его поэме традиционность, соприкасаясь с современностью, трансформируется, придавая неожиданную прелесть легенде о красоте.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Боки РАХИМ-ЗАДЕ

Так повествует, слышал я, народ,
Так он из уст в уста передает.

С орлиных круч, уступов мертвых скал
Мудрец долину жизни озирал.
Была суха долина, и по ней,
Как всадник смерти, рыскал суховей.
То замирал, то снова несся вскачь,
Вздымая пыль, вздымая стон и плач,
Неистовствовал, точно злобный див [1],
И, умирая, никли всходы нив.
Да разве станет колосом росток,
Когда арыки — горьких слез поток?
Да разве станут тучными поля,
Когда в крови кормилица-земля?
С орлиных круч, казалось, этот мир
Похожим был на высохший такыр [2].
А в небе солнца плавился медяк,
В отрепьях туч, как в рубище бедняк.

И думал думу скорбную мудрец:
«Когда ж народ воспрянет наконец?
Идут века, сменяются века,
Но беспросветна доля бедняка,
И так же он до гробовой черты
Живет, не видя в жизни красоты».

И руку с круч, уступов мертвых скал
Мудрец простер призывно и воззвал:
«Гряди, гроза! Пусть грянет вешний гром
И сабли молний взрежут окоем!
Пусть ливень смоет слезы, смоет кровь
И тень Хумы [3] падет на каждый кров!»

Так был призыв и страстен и могуч,
Что заклубилась высь полками туч,
И так сверкали пламенно глаза,
Что разразилась вешняя гроза.
Клубились тучи, точно шли в штыки,
И обнажили молнии клинки,
Обрушил гром на землю правый гнев,
И суховей притих, оторопев,
И, отступив, умчался в страхе прочь.
Так перед утром отступает ночь.

А дождь все шел и, не жалея сил,
Сухую землю щедро оросил.

Взошла заря, пылая, точно жар,
А следом солнце — золотой динар [4].
И разлилась, как в паводок река,
Весна, какой не видели века.
Цветы, цветы, куда ни кинешь взгляд,
Долин и гор смешался аромат.
Купает небо тучки в ручейке,
А он как ртуть у гор на кушаке.
Внизу, в ущельях, кипень родников.
Танцует ветер на ковре лугов.
Так воздух пьян, так воздух прян и чист,
Что захмелел, вдохнув его, нарцисс.
Кружит пчела над садом, и она
Дыханьем роз, нектаром их пьяна.
Она целует розы в алый рот,
И с хоботка ее стекает мед.
А вот присел на розу мотылек
И обнял страстно лапкой лепесток.
Пусть только день ему для жизни дан,
Он даже этим днем коротким пьян.
У гиацинта пряди пряных кос
Гребенкой тронул ветер и понес
Неповторимо дивный аромат
Во все концы, куда глаза глядят.
В степи тюльпан, рожденный от грозы,
Сверкнул огнем в шандале бирюзы.
В пурпурном платье так свежа сирень,
Как от зари рожденный новый день.
В объятьях гор, грядой идущих вдаль,
Расцвел, как символ юности, миндаль.
Затосковал по розе соловей,
Томимый жаждой пылкой встречи с ней,
И, причитая ночи напролет,
Не зная сна, нетерпеливо ждет
Тот миг, когда раскроется бутон
И нежноликой розой станет он.
Склонясь над пери юною своей,
Тот миг проспать боится соловей,
И потому в его рыданьях грусть:
Проспит — и год нести печали груз.
Так в жизни все: решает миг вопрос
У человека, соловьев и роз.

С орлиных круч цветущая весна
Была до самых дальних гор видна.
Мудрец с трудом отвел довольный взор
И по уступам скал спустился с гор.
Он шел долиной, шел не торопясь,
Он шел, времен обдумывая связь:
«Весна подобна юности. Мечты
Весны и юности — два лика красоты.
И спору нет, чудесно хороши
Мечты природы и мечты души.
Но зрелый муж обязан взять в расчет:
Мечты прекрасны, коль созреют в плод.
Глядишь, весны и молодости нет...
Что коль пройдут, оставив пустоцвет?
Краса иная щедростью мудра.
Ее зовут — осенняя пора.
Та красота не юности порыв,
Та красота в тугих колосьях нив.
Та красота не в аромате роз,
А в тяжких гроздьях виноградных лоз.
Она в гранатах, грушах, миндале
В саду на ветках, гнущихся к земле.
Когда она обилия полна,
В природе осень, у людей весна».

И тут мудрец Хумы увидел тень.
Он понял знак и в руки взял кетмень,
Благословился: «Помоги, Рустам [5]!» —
И принялся мотыжить землю там,
Где все сжигал недавно суховей,
Где роз в цвету не видел соловей.
И стал мудрец трудиться день за днем
С умом, усердьем, рвеньем и огнем,
Как сыновей, воспитывал ростки,
Как дочерей, лелеял лепестки
И, как друзей, любое деревцо,
Любой побег на ветке знал в лицо.
Он забывал об отдыхе и сне
В мечте о счастье — осени-весне
И сад взрастил. Был этот сад таков,
Как будто был творением веков.

Строй кипарисов, правильный квадрат,
Огородил стеною копий сад,
И каждый прям и строен, как джигит,
И зорко сад от ветров сторожит.
Миндаль на них из-под листков-ресниц
Глядит глазами юных озорниц
Не без кокетства, полного огня:
«Джигит, взгляни, взгляни же на меня!»
А яблоки, созревшие окрест,
Похожи на зардевшихся невест,
Когда ж на землю падают они,
Звучат, как дойры [6] в свадебные дни.

---

[1] Демон, дух.
[2] Участок пустыни с растрескивающейся глинистой поверхностью.
[3] Мифическая птица, приносящая счастье тому, на кого падет ее тень.

[4] Монета.

[5] Легендарный богатырь, герой «Шах-наме» Фирдоуси. Начиная работу, таджик-горец обычно произносил: «Рустам, помоги!»
[6] Бубны.

Урюк подставил солнцу смуглый бок,
Вводя в соблазн сиянием сорок.
А разомлевший сахарный кандак [7]
Уразуметь не может их никак:
Ну, почему сорокам невдомек,
Что у него куда лучистей бок?
Неподалеку слышен разговор,
Гранат вступил с инжиром в жаркий спор:
«Я гордость сада. Тем я знаменит,
Что я румянец девичьих ланит.
А разломи меня — увидишь клад.
Я, как никто, рубинами богат».
Инжир в ответ: «Ну ладно, ну и пусть,
Зато я сладость милых сердцу уст.
За поцелуй, хотя бы и один,
Отдаст влюбленный с радостью рубин.
Я это сладость, я Ширин [8], пойми,
Воспетая великим Низами!»
«А мы? — вскричали груши.— Не забудь,
Что мы красавиц сладостная грудь!»
Сдержаться персик, слушая, не смог:
«Над верхней губкой пери мой пушок!»
Тут виноград поставил им на вид:
«Достойный о себе не говорит».
И, видно, так подействовал укор,
Что прекратился тотчас этот спор.
А виноград, достоинство храня,
Отдался неге золотого дня,
Под ярким солнцем жемчугом сверкал,
Переливался, как бесценный лал [9],
И пальцы гурий томный хусайни [10]
Тянул к лучам, пристроившись в тени.
Медовый джауз [11] размышлял о том,
Как станет он божественным вином,
Усладой жизни, что назло ханжам
Воспел в бессмертных рубаи Хайям.
Порхал в саду залетный ветерок,
Но колыхнуть его ветвей не мог:
Так мудреца за все его труды
Благодарили тяжестью плоды.

Читатель, ты, конечно, удивлен:
Мудрец один, и столько сделал он?
Нет, не один. Так только говорим.
Ты понимаешь, кто трудился с ним:
Тот самый, кто легенды создает,
Кто их из уст в уста передает,
Кто сам мудрец. Должно быть, потому
Так мудрецы и дороги ему.
Он мне легенду эту рассказал,
А я ее всего лишь записал.

Но погоди, легенде не конец,
И сад в долине — делу не венец.
Не торопись! Ведь речь-то о тебе,
Не о чужой, а о твоей судьбе.

Мудрец взглянул на дело рук своих,
Ряды деревьев, каждый точно стих,
Где в прямизне взволнованной строки
Слова прекрасны, мысли глубоки,
И, в размышленья снова погружен,
Пошел по саду солнечному он,
И низко ветви кланялись ему,
Его усердью, рвенью и уму.

Тянулись к югу в небе журавли,
Дивясь нежданной щедрости земли,
И умудренный опытом вожак
Сдержал полет и подал стае знак
Спуститься вниз, в долину эту сесть.
«К чему нам юг? Перезимуем здесь!»
За вожаком вскричала стая вслед:
«Такого сада в целом свете нет!»

Мудрец не слышал журавлиный крик,
Он шел и слушал, как звенит арык,
И под его подобный чангу [12] звон
О красоте и счастье думал он:
«Творенье рук моих передо мной,
То, что назвал я осенью-весной.
Он впрямь чудесен — сад моей мечты,
Но разве он вершина красоты?
Обилен? Да. И этим он красив.
Но, хоть само обилье — диво див,
Оно к вершине первая ступень,
Румянец утра, но еще не день,
Оно на древе красоты побег.
Ведь усмиривший голод человек,

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

---

[7] Мелкие сладкие абрикосы.
[8] Героиня поэмы Низами «Хосров и Ширин». Слово «ширин» означает «сладость».
[9] Рубин.
[10] Сорт винограда «дамские пальчики».
[11] Сорт винограда, из которого приготовляется сладкое вино.
[12] Род цитры.

Коль он душою беден и убог,
Еще не бог, а только полубог.
Я долго жил и знаю, что народ,
Когда его не душит недород,
Когда в полях колосья тешат глаз,
Слагает песни, звонкие, как саз [13],
И не плоды земли мечта его,
Не изобилье благ, а волшебство
Цветов души, цветов его ума,
Сияющих, как золотом хурма.
Чтобы достичь вершины красоты,
Сажай души и разума цветы,
И те цветы дадут свои плоды:
Дух воспарит в награду за труды,
И див добра прогонит дива зла,
И станет жизнь воистину светла.
Тогда не страшен никакой Заххок [14],
И человек не полубог, а бог!
Тогда на все века и времена
Сойдет на землю вечная весна,
И лишь мечте свершать круговорот:
Цветы — и плод! И вновь: цветы — и плод!»

Так рассудив, трех юношей мудрец
Призвал к себе и молвил, как отец,
Вручающий наследство сыновьям:
«Я красоту обилья создал вам.
Но есть еще иная красота,
Что, как родник, прозрачна и чиста,
Которой нет начала и конца,
Та красота, что ждет еще творца.
Она парит незримо в вышине,
Подобно днем невидимой луне,
И существует вроде бы и нет,
Хоть много есть уже ее примет.
Ступайте к ней и сделайте земной,
Для человека — вечною весной».
И юноши склонились до земли,
Почтительно простились и ушли.

И минул год, и снова минул год,
И вновь свершило небо оборот,
И возвратились юноши назад
В разросшийся еще пышнее сад.
И там, где тень отбрасывал платан,
Мудрец для них раскинул дастархан [15],
Где меж халвы, фисташек и конфет
Белел катык [16] и розой цвел шербет [17]
В подножьях гор лепешек и плодов,
И подал им и мостову [18] и плов,
И налил им то самое вино,
Что шариатом пить запрещено,
Хоть пили те, кто создал шариат,
Тайком считая высшей из услад.
Затем вином наполнил свой бокал
И в честь гостей с достоинством сказал
Приветственный проникновенный тост,
Когда ж поели, задал им вопрос
О том, где были, что узнали те
О несравненной высшей красоте.

И первый молвил: «Я горами шел,
Бродил меж скал, и я ее нашел.
Ее, как я, и вы найти могли б
На склонах гор среди гранитных глыб.
Ее я видел в мраморе, когда
К нему в горах вела моя звезда.
Ее среди деревьев я нашел,
Когда казался статуею ствол.
Бывало, в реку опущу кувшин,
А он звенит: «Ищи ее средь глин!»
Когда от камня лишнее отсечь,
Услышишь ты ее немую речь.
Когда резцом коснешься кряжа ты,
Глазам предстанет чудо красоты.
И если глина замыслу верна,
То красотою блещет и она.
Вложи в них труд, горенье и расчет,
И красота с небес к тебе сойдет».

Второй сказал: «Я тоже среди скал
Ту красоту высокую искал.
Клонилось солнце как-то на закат
И вдруг лучей рассыпало каскад,
И я увидел искры на снегу
Красивей вспышек маков на лугу.
И понял я тогда, что это та
Высокая, как небо, красота.
И долго-долго я бродил с тех пор
И по вершинам и по склонам гор,
И красоту мой восхищенный глаз
Ловил в заре и в радуге не раз.
Спустившись, встретил девушку-мечту
И в ней увидел ту же красоту.
Цветущих роз пылавшие кусты
Хранили след все той же красоты.
И взял я кисть и взял кусок холста,
И на него спустилась красота».

И третий молвил: «Я искал не там,
Где только серны скачут по горам
Среди безмолвья мертвого камней.
Нет, красоту искал я средь людей,
Не избегал, а жаждал с ними встреч
И вслушивался в их живую речь,
Ловил звучанье и оттенки слов,
И был подобен жемчугу улов.
А как была прекрасна и свята
Их голосов певучих красота,
Когда, окончив все дела свои,
За пиалой читали рубаи,
Когда в свои сужденья старики
Вплетали мудрость бейтов Рудаки
И обнимал влюбленный, как рукой,
Свою любовь хафизовой строкой.
Я шел и слушал, шел из края в край,
И в сердце строки пели, точно най [19],
Казался мир чарующей кыт'ой [20],
И я пленился этой красотой,
И взял я в руки с трепетом калам [21],
И красоту принес любовно вам».

И всех троих расцеловал мудрец
И просиял, счастливый, как отец,
Что в сыновьях увидел тонкий ум,
Наследников своих заветных дум,
И так сказал: «Я вам оставить рад
Мое творенье, мой любимый сад.
Но прежде, чем уйду я на покой,
Хотел бы видеть, что своей рукой
Вы посадить сумеете в саду,
Что к моему прибавите труду».

А между тем пришла сказать луна,
Что красотою блещет и она,
И проводил мудрец гостей своих
В покои, где постели ждали их,
Где одеял манил прохладный шелк,
И, пожелав приятных снов, ушел.

И все уснуло, даже соловьи
И никогда не спящие ручьи,
Аллеи сада и уступы скал,
И только первый юноша не спал,
В своей постели думами томим,
И вдохновенье крыльями над ним,
Как озаренье, огненно, светло
Затрепетало и к нему сошло.

И он вскочил с постели, окрылен,
И вдруг во тьме на кряж наткнулся он
И вдруг нащупал воткнутый резец.
В уме мелькнуло: «Может быть, мудрец?..»
Но размышлять не стал и свет зажег,
И стружки, точно вспененный поток,
Завихрились, вскипели под резцом,
Срезаемые мастером-творцом.

Когда ж багрянец тронул край земли,
Рассвет увидел дивную Лейли [22].
И вспыхнул он зарею, свеж и юн,
Как пред своей возлюбленной Меджнун.
Божественный, луне подобный лик
Пред ним в окне распахнутом возник.
На лепестки полуоткрытых роз —
На два ушка — спадали струи кос,
Слегка скрывая персики ланит,
Окутывая тонкий стан — самшит.
Улыбка, чуть открывшая уста,
Была, как утро, девственно чиста.
Казалось, тень ресниц скрывает час,
Когда в глазах зажжется взор, лучась.
Казалось, дышит сладостная грудь
И два плода колышутся чуть-чуть —
Ветвей граната спелые дары,
Затмившие сияние Зухры [23].
Так нагота невинна и светла
Прекрасноликой статуи была,
Как будто это, сбросив свой наряд,
Из лона вод царица всех наяд
Взошла, ступив на изумруды трав,
Весь мир своей улыбкой осияв.

Она молчала. Юноша молчал.
«Так вот оно — начало всех начал,—
Подумал он,— и вот венец всего,
Зачатья и рожденья волшебство,
И материнство, нежность и любовь,
Что жизнь творят извечно вновь и вновь
Прикосновеньем ласковой руки
Всем джинам зла и смерти вопреки.
Как ты прекрасна! Как я буду рад,
Когда бессмертьем ты украсишь сад!»

И он устало положил резец.
Открылась дверь, и в комнату мудрец
Вошел внезапно и застыл в двери,
Увидев пери в отблесках зари.
И долго так стоял недвижно он,
Божественным виденьем восхищен,
Затем с улыбкой юноше сказал:
«Твой труд достоин всяческих похвал,
И я готов хвалу тебе воздать,
Но разреши сначала испытать
Твоих друзей. Покуда промолчим.
Посмотрим, что удастся сделать им».

И день прошел, и вновь луна взошла,
И серебром заткала землю мгла,
И вновь на сад сошел с небес покой.
Не спал, однако, юноша второй,
Лежал, глядел в серебряную мглу
И вдруг заметил в комнате, в углу,
Сиявшее в покровах темноты
Видение небесной красоты.

И он вскочил, мгновенно свет зажег
И отвести от гурии не смог
Восторженных, завороженных глаз.
«Но как, откуда все-таки взялась? —
В уме мелькнуло.— Впрочем, все равно...
Ее одену. Это решено.
Ее еще не видящим глазам
Я две звезды немеркнущие дам,
Ее улыбке жемчуг подарю,
Ее ланитам — нежную зарю,
И пусть в ней жизнь лучится, точно лал!»
Подумал так и кисть и краски взял.
И вдохновенный первый же мазок,
Казалось, жизнью статую зажег.

Когда ж багрянец тронул край земли,
Рассвет увидел дивную Лейли
В курте [24] — лилово-золотой парче —
И, точно вечер, синей камзулче [25].
Из-под каймы узорного платка
Мерцала росным бисером халка́ [26],
А на груди рубиновый марджон [27]
Был бирюзой хайкала [28] обрамлен.
Сиял на лбу в баргаке [29] сердолик,
Но украшал не он чудесный лик,
А две звезды, оправленные в ночь,
Глазам небес подобные точь-в-точь.
В кораллах уст сияли жемчуга.
Отсветом зорь, упавших на снега,
Чуть розовели персики ланит.
Казалось, статуя заговорит,
Казалось, дрогнут веки и вот-вот
Она, как птица феникс, оживет.

Стоял пред нею юноша, моля:
«Что ж ты молчишь, красавица моя?
Скажи, ответь! Для жизни, для любви,—
Я заклинаю, слышишь,— оживи!»

Но не слетел с прекрасных уст ответ,
И день, всегда сменяющий рассвет,
Убрал зарю до вечера в ларец.
Открылась дверь, и в комнату мудрец
Вошел и тихо юноше сказал:
«Твой труд достоин всяческих похвал,
И я готов хвалу тебе воздать.
Ты сделал все. Сумей терпеть и ждать.
Ведь все еще, быть может, впереди,
Быть может, вспыхнет жизнь в ее груди.
Пока молчи. Недолго ждать ответ.
Хочу взглянуть, что сделает поэт».

---

[13] Струнный музыкальный инструмент.
[14] Злобный тиран в «Шах-наме» Фирдоуси.
[15] Накрытый стол.
[16] Род простокваши.
[17] Сладкий напиток из фруктов, а также варенья.
[18] Мясной суп с кислым молоком.
[19] Род флейты.
[20] Небольшое стихотворение.
[21] Тростниковое перо.
[22] Красавица, героиня легенды о Лейли и Меджнуне.
[23] Планета Венера.
[24] Прямое длинное платье-рубашка.
[25] Вышитая безрукавка.
[26] Серьги, спускающиеся до плеч.
[27] Небольшое ожерелье.
[28] Большое ожерелье.
[29] Украшение, напоминающее диадему.

И день прошел и погасил закат,
И вновь луна явилась бросить взгляд
Меж облаков — небесных опахал —
На спящий сад, где лишь поэт не спал.
Он в эту ночь раздумывал над тем,
Что в нем нежданно голос Хызра[30] нем,
Стихи как будто налиты свинцом,
И он страшится встречи с мудрецом.

Взглянув на лунный коврик на полу,
Он вдруг заметил в комнате, в углу,
Красавицу, сиявшую во тьме.
«Не может быть! В своем ли я уме?» —
Подумал он, вскочил и свет зажег...
Пред ним в углу, покинув свой чертог,
Должно быть, в небе сотканный из роз,
Лучистый свет лила царица звезд.
Под стрельчатыми крыльями ресниц
Мерцали ночи в сполохах зарниц.
Под камзулчой, казалось, дышит грудь.
И одержимо он воскликнул: «Будь!»

Но если словом «Будь!» и плоть и прах,
Не утруждаясь, сотворил аллах,
То статуя, недвижна и светла,
Заклятию поэта не вняла.

И он взмолился: «Из небытия,
О красота, зову тебя не я,
Зовут века, прошедшие во мгле
На сотворенной для тебя земле,
Но где извечно проблески любви
Топила алчность в муках и крови,
Где над надеждой вознесенный бог
Ни одному страдальцу не помог
И тем, кому судьба дала омач[31],
Вручил в придачу милостиво плач.
Ты слышишь: «Будь!» — и я открою дверь,
Мы выйдем в сад, и ты увидишь, верь,
Вокруг себя такую благодать,
Какую бог не в силах был создать.
Когда она твоих коснется глаз,
Уверен я, поймешь, что пробил час
Земного воплощенья твоего.
О красота, приди как торжество
Раскованного разума людей
И благодатный дождь любви пролей
На их поступки, мысли и дела!
Ты слышишь: «Будь!» И пери ожила.

Вошел мудрец и просветлел лицом.
Возликовали вместе с мудрецом
И скульптор, и художник, и поэт.
Взглянув на них, возликовал рассвет,
Зарей украсил гурии наряд,
И красота сошла в чудесный сад.

Читатель, жаль, что эта красота
Пока не явь, пока еще мечта.
Но ты встречал ее уже не раз
И узнавал по выраженью глаз.
Они подобны светочам души,
Когда твои поступки хороши,
Когда творенья твоего ума
Красивы так, как будто их сама
Творила эта красота, и ты
Их создавал для этой красоты,
Когда хотя б крупицей твой успех
Обогатил сокровищницу всех,
Кто созидает наш чудесный сад.
О, как тогда сияет звездный взгляд!

Когда ж, замкнувшись наглухо в себе,
Печешься только о своей судьбе,
Когда твой путь идет и вкривь и вкось
И с красотою ты шагаешь врозь,
Тогда тускнеет лучезарный взор,
И в нем себе увидишь ты укор.

Так сделай так, чтоб взор ее очей
Лучился ярче солнечных лучей,
Чтоб не осталось даже тени тьмы,
А если тень, так только тень Хумы!

Ну вот и все. Смолкает мой калам.
Но на прощанье я напомню вам:
Легенду эту я не сочинил,
А лишь поведал вам по мере сил.

Так повествует, слышал я, народ,
Так он из уст в уста передает.

Авторизованный перевод с таджикского Дмитрия СЕДЫХ.

[30] Мифическое существо, почитаемое как пророк.
[31] Деревянная соха.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ?

ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА» ОТВЕЧАЮТ ОЛЬГЕ Н.

Вы помните письмо Ольги Н.? Если нет, загляните в № 29 «Огонька» за этот год. Семнадцатилетняя школьница думает, как ей жить дальше: то ли уйти из школы и работать, стать ткачихой? А может быть, поступить во ВГИК и сделаться актрисой? Хотя ничего, в общем, не случилось: она просто мечется, от родителей ушла, не находит себе места. Это бывает в 17 лет. Чаще от большой возможности выбора. Иногда от самонадеянности или, наоборот, робости. И дело это, конечно, очень тонкое, индивидуальное.

Некоторые читатели рассердились на Ольгу, другие пишут ей добрые, ласковые письма. Пишут сверстники, пишут пожилые люди, рабочие и интеллигенты. Дают советы, размышляют. Это удивительно — до чего люди дружно отозвались на метания Ольги!.. Письма идут и идут. Некоторые из них, точнее, некоторые выдержки из этих писем, мы сегодня публикуем. Но, обратите внимание, дорогие читатели, разговор сам собой повернулся на очень важную, интересную тему: о самостоятельности, о независимости, о месте человека в обществе и взаимоотношениях человека с обществом и общества с человеком.

Разговор этот мы продолжим.

Милая Ольга!

Чувствуешь ли ты в своем имени пушкинский дух? А меня зовут Татьяна, и я горжусь своим русским именем. Ну и уж совсем по Пушкину — директор нашей ткацкой фабрики «Красный текстильщик» Владимир Дубровский.

Ты хочешь «окунуться в жизнь со всеми ее горестями и радостями» — что ж, коль хочется тебе стать ткачихой,— приезжай к нам на фабрику.

Вот мне, прожившей большую жизнь длиною в 50 лет, видавшей и горести и радости, никак не понять раздвоенности твоего «хочу»: быть ткачихой — это одно, быть актрисой (настоящей, конечно) — это другое. Безусловно, можно совместить: быть отличной ткачихой и играть, например, в нашем народном театре «Текстильщик».

А теперь о «самостоятельности». Что ты понимаешь под этим словом: куда хочу, туда пойду, что хочу, то и буду делать? Это так и далеко не так. Живя в обществе, в коллективе, нельзя не считаться с его законами. Если ты будешь работать, значит, независимо от того, хочешь ты или не хочешь идти, допустим, «на зачин» в утреннюю смену, ты должна идти, иначе пойдешь против коллектива.

Кроме того, живя в общежитии, среди таких же девушек, как ты, нельзя не считаться с определенным распорядком, обязанностями. Значит, и тут свобода, как ее понимаешь ты, будет относительной.

А теперь мне хочется задать тебе вопросы: какой у тебя характер? Почему в интернате ты не нашла, «чего хотела»? А чего ты хотела?

Тебе 17 лет (только 17!), и ты пишешь: «Скука, тоска...» А знаешь ли ты, что такое тоска? Мне 50 лет (уже 50!), но времени не хватает на все, что нравится, а нравится многое в этой чудесной жизни и особенно, конечно, книги. Я люблю природу, счастлива, когда хожу на свидания с ней. За любовь к природе я очень люблю писателя Паустовского — певца природы. Читала ли ты что-нибудь из его произведений?

У меня две дочери — одна учитель математики, другая — музыки. Видишь, какие разные? Они чуточку постарше тебя, и жизнь им очень нравится. Вероятно, для этого самому нужно уметь давать максимум пользы окружающим и, главное, все-таки учиться, пока есть молодость.

Моя молодость прошла в трудные годы — была война, и я ушла добровольцем, воевала вместе со всем нашим народом. Мне посчастливилось: я была комсоргом женского истребительного авиационного полка. Ох, как хорошо пели у нас девчата! Свою дружбу мы пронесли через года...

Хочу тебе сказать о словах: уверенность и самоуверенность. Корень слова один, а суть-то разная. Вот от твоего письма и веет этой самоуверенностью. Может быть, ты действительно очень способная девушка, и поэтому уверенность, что ты станешь актрисой и поступишь во ВГИК. Вот только странно, откуда у артистической натуры в 17 лет столько скуки, тоски, разочарованности.

Оля, посмотри хорошенько вокруг себя, приглядись к людям, что рядом с тобой, к твоим сверстникам по школе (а они скучают?). Посмотри на все глазами актрисы, а они великие труженики.

Желаю тебе найти свою дорогу и быть полезной окружающим.

Т. Н. Казанина
Серпухов

* * *

Мне тоже 17 лет. Извини, если письмо будет резким. С первых же строчек ты начинаешь себе противоречить. Не хочешь идти в 10-й класс, не вытянешь. Можно подумать, что ты когда-то уже пыталась «вытянуть»! Ты хочешь большой жизни. Но такая жизнь достается только в упорной борьбе... А ты отступаешь перед первым испытанием. Вступая в комсомол, ты учила устав ВЛКСМ. Помнишь, там говорится о том, что комсомольцы доводят дело до конца. А кончить школу — это же самая твоя главная задача в настоящий момент!

Поверь, я хорошо знаю обиды, большие и малые, и скуку, и пустоту. Но нельзя придавать этому большого, решающего значения. И если ты за всей повседневной мишурой не видишь основного, главного направления жизни сегодня, не можешь окинуть одним взглядом горизонт строительства коммунизма, то это очень плохо.

Ты почитай «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова. Танабай не сбежал от ягнят, хотя условия для работы были дикие. Он делал все для того, чтобы спасти отару, а не искал оправданий!..

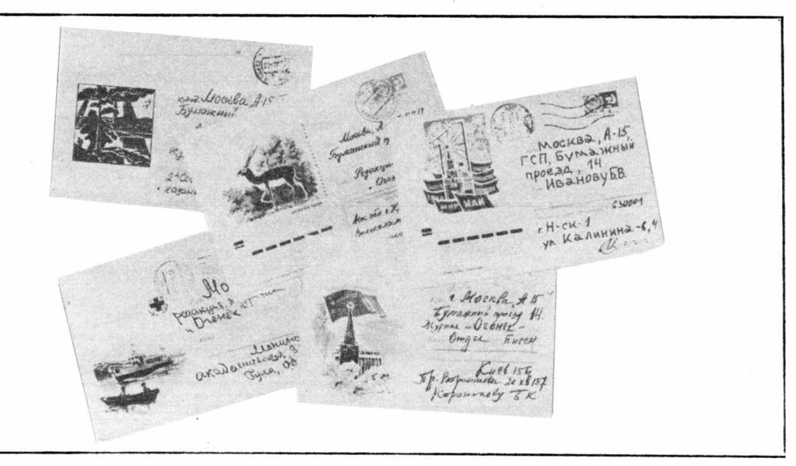
Гена Корсаков
Москва

* * *

Все надо начинать с малого. Ты в свои 17 лет хочешь быть самостоятельной, независимой... Смотря, что ты вкладываешь в эти понятия. Независимой материально? Это так мало для полного счастья!

Независимой от кого? От окружающих тебя людей ты всегда будешь зависимой, так же,

А ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

как и они от тебя. Вся наша жизнь в общении с людьми. Вот и сейчас ты обращаешься к людям.

Самостоятельной ты уже сейчас можешь быть. Если время у тебя остается свободное — найди себе работу: помоги отцу и матери в доме, товарищам по учебе. Самостоятельность в том и заключается, чтобы решить самой кому-то помочь, что-то сделать, чему-то научиться.

О. Е. Гула
Монино, Московской области

* * *

...Но больше всего я вам, Ольга, советую, когда окончите школу, пойти работать в театр. Да, да, в театр! Пускай дворником, распространителем билетов, рабочим сцены, кем угодно, но только в театр. Вы увидите настоящую жизнь актрисы с ее нелегким, кропотливым, почти ювелирным трудом за кулисами. И какая требуется огромная сила воли, настойчивость, упорство... Вы, Ольга, со своим эгоизмом и высокомерием никогда — слышите! — никогда не будете актрисой, даже самой плохой, если не переломите себя!..

Людмила Комарова
Новосибирск

* * *

Судьба Ольги чем-то напомнила мою юность. Точно так же я стоял на распутье в свои 17 лет. Выбрал я себе дорогу, пошел трудиться шахтером.

Знала бы ты, Ольга, какое счастье попасть в настоящий трудовой коллектив! Мне кажется, что я тогда родился заново. И до сегодняшнего дня с радостью вспоминаю старого шахтера Федора Федоровича Кутепова, моего первого учителя. И вот прошли годы. Многое изменилось в моей жизни. Работая, я окончил вечернюю среднюю школу рабочей молодежи. Сейчас офицер Советской Армии, сдал экстерном экзамены за военно-политическое училище. Мой совет Ольге один — идти трудиться. В рабочем коллективе она познает настоящую жизнь со всеми ее горестями и радостями.

И. Л. Тарасюк
Архангельск

* * *

Прочитала я, Оля, твое письмо. И что же? Как будто прочитала свои мысли. Мне тоже казалось, что я не смогу, не сумею. Вечно злилась на родителей. Мне казалось, что они против меня. Уже хотела оставить школу, но вдруг задумалась...

Нет, Оля, не делай этого. Твои родители никогда не пожелают тебе плохого. А то, что характер отца не по вкусу,— это не беда. Ты научись не обижаться и хотя бы изредка делать ему приятное. И тогда ты увидишь, что была не права, осуждая его. Ведь родители сил не жалеют, воспитывая нас.

Я закончила среднюю школу, работаю в детской библиотеке. Работа интересная. На будущий год собираюсь поступить в институт. Так кончай десятилетку, не бойся трудностей, будь настойчивей, заведи хороших друзей, и с ними, я верю, ты не пропадешь.

Фариза Закаева
Чечено-Ингушская АССР,
село Шали

* * *

И откуда берутся такие Ольги? Хочу работать, не хочу сидеть на шее родителей и государства. Громко сказано. Хочешь работать — работай! Хочу быть актрисой! А почему не дояркой? Ушла от родных: мол, не выношу характера отца. А у самой-то каков характер? Хороший? Не похоже. Не нашла в интернате, чего искала. А что искала? Может быть, принца? В семнадцать это бывает... А как думает дальше жить? Семнадцать, а ее кидает, как щепку, и не знает, куда пристать. Так и будет всю жизнь писать в «Огонек»: помогите, мол, как жить!..

Н. М. Смирнова
Ленинград

* * *

Оля, пишет вам группа монтажников. Мы прочитали в журнале, что торопитесь жить самостоятельно. Скажи своему отцу, чтоб взял солдатский ремень и выпорол тебя хорошо. Это — первое.

Второе: раз вы не хотите учиться, то мы больше чем уверены, что когда вы будете работать, то вам захочется учиться, а не работать.

Ольга Н., вы не обижайтесь, что мы так резко высказались.

Дорогая редакция! Ответьте ей так, чтобы ей стало весело и она пошла учиться.

С монтажным приветом

Брянское СМУ
«Стальконструкция»

* * *

Я старше тебя всего на 4 года. В 17 у меня были такие же «тупики». С родителями не ладила, даже объявляла им голодовку. Мне с 1-го класса вдалбливали, что если я буду плохо учиться, то меня отправят в школу в платье из половика. Я чувствовала эту отвратительную материальную зависимость, когда мать отсчитывает тебе копейки на билет в кино. Представь себе девочку, которая хорошо училась, была 8 лет старостой класса, председателем учкома, привыкла, чтоб с ее мнением считались, исполненную эгоизма и самолюбования (одна дочь у родителей!) — представь вот такую девочку, которая вдруг поступает на работу ученицей и оказывается, так сказать, «нулем без палочки». Да и ученические 18 рублей не очень-то освободили от материальной зависимости, и ничего, кроме мнимой самостоятельности, не дали. И вот отъезд в Москву — якобы поступать в МГУ, а на самом деле — на работу водителем трамвая. Эта девочка — я. Почему же я, когда было столько возможностей, не готовилась в вуз? «Учись, дочка!»— говорила мать. А я не хотела. Самостоятельности хотелось!..

Вот так-то, Олечка. Старайтесь 10 классов на «хорошо» и «отлично» окончить. А потом уж решай — или работать или дальше учиться.

П.

* * *

В 17 лет я окончил 8 классов и очень хотел работать и не хотел учиться. Но пошли семейные споры. Отец категорически требовал окончить среднюю школу. Я сначала и слушать не хотел его, но в конце концов убедился, что школу кончать надо. После школы послужил в Советской Армии, а после демобилизации поступил в институт. И теперь, когда прочел ваше письмо, невольно думаю: как устроилась бы моя жизнь, если б я не послушался старших...

Л. Борян
Кировакан, Армянской ССР

* * *

Ольга, ты не права, что не хочешь учиться в 10-м классе. Надо бороться за себя и в этом возрасте вырабатывать характер, надо переламывать «хочу, не хочу» и делать только на пользу Родине. Только такая ты ей нужна. Мне 26 лет, кандидат в члены КПСС, работаю мастером на крупном станкостроительном заводе, окончил десятилетку и техникум на вечернем отделении. Очень трудно совмещать работу с учебой вечером, многие не выдерживают эти нагрузки и бросают учиться.

В. Андрианов
Коломна, Московской области

* * *

Я училась в вечерней школе при заводе. Учиться и работать не трудно, нет, даже интересно. Но время идет, и я в 19 лет вышла замуж. Школу так и не окончила. Уехала с мужем на строительство железной дороги. Школы в тайге у нас не было. И вот теперь, когда мне уже 22 года и у меня растет сын, я каюсь, что тогда, в 1966 году, бросила среднюю школу и не стала учиться дальше. Теперь об учебе нечего и думать. Так что, дорогая Оля, не делай глупости, обдумай все хорошо.

В. С.
Микунь, Коми АССР

* * *

Мне нравится твоя смелость во взглядах на жизнь, но твое стремление работать, а не продолжать учиться в 10-м классе школы-интерната я рассматриваю как трусость перед трудностями.

Ты со мной можешь не согласиться, ибо, работая и учась в вечерней школе, ты не будешь «сидеть на шее родителей и государства». Однако те миллионы учеников, которые до 18 лет получают среднее образование, не сидят на шее государства. Наоборот, те, кто не имеет образования и специальности, те и сидят на шее, потому что не могут работать с полной отдачей своих духовных сил.

Н. Лебедик, рядовой Советской Армии

* * *

...И самое, что меня взволновало,— это то, что уже в детстве ты не смогла вынести характер отца, разочаровалась в интернате. Скука и тоска прямо как у светских дам... И хотя ты говоришь, что все проанализировала и взвесила, но анализы твои плохие. Если ты ушла от отца, то на кого же ты бросила родную мать? А? Вот с этим-то ты еще столкнешься в жизни, и твое верхоглядство еще скажется. Так что возьмись ты за себя, может быть, этот год даст тебе более зрелое мировоззрение. Потому что с твоими мыслями никогда не быть тебе актрисой, в этом я тебя заверяю на все сто процентов.

Николай Дворак,
штурман дальнего плавания

Галина Парисеева собирает «Волги».

Начало см. на 2-й стр. обл.

...И НАРЕЧЕ ЕМУ ИМЯ НОВГРАД

горьковчане, радушные и приветливые, гордо указывают на число «750». Оно повсюду — на фасадах домов, в магазинных витринах, на транспарантах, плакатах, бортах автобусов и даже на платочках у продавщиц мороженого. Почти всюду оно выведено старинной русской вязью, почти везде рядом с числом «750» изображен красавец олень.

Город готовится отметить свой юбилей. Старинному Нижнему Новгороду, молодеющему с веками, замечательному советскому городу Горькому исполнилось 750 лет.

«В лето 6729 (1221) Великий князь Гюрги, сын Всеволодов заложил град на усть Окы и нарече ему имя Новград». С этих строк старинной русской летописи начинается для нас история города. Она известна каждому в стране, она изучается в школах, потому что без главных ее вех невозможно познать историю всей Руси, всего нашего государства.

С первых же лет своей жизни Нижний Новгород стал щитом России, заслоняя ее с востока от набегов. Если враги надвигались с запада, нижегородцы собирались в дружины и шли на подмогу братьям-городам Владимиру, Москве, Рязани. Так было и в 1611 году, когда нижегородское народное ополчение, созванное Кузьмой Мининым, освободило Москву и продолжало гнать польских интервентов.

Через три без малого столетия здесь, в рабочих кварталах, стала крепнуть новая сила, повернувшая ход истории,— в Нижнем создавались первые российские социал-демократические организации, марксистские кружки, работу которых направлял и В. И. Ленин. Незабываемыми событиями входили в жизнь города рабочие стачки, маевки, демонстрации, а позже и баррикадные бои.

Вслед за красным Питером 28 октября 1917 года Нижний Новгород установил у себя Советскую власть. Но завоеванную власть надо было удержать, и город шлет на борьбу с Колчаком наскоро собранную, но несокрушимую революционную флотилию речных боевых судов.

Еще через десяток лет бывший провинциальный город станет центром советского автомобилестроения. А в годы Великой Отечественной войны могучая индустрия города Горького позволит ему превратиться в арсенал страны, снабжать фронт пушками, самолетами, танками, снарядами. Здесь не было фронта, но город был бойцом, и все его жители тоже были бойцами. А десятки тысяч фронтовых бойцов, и среди них 300 Героев Советского Союза, называли себя горьковчанами...

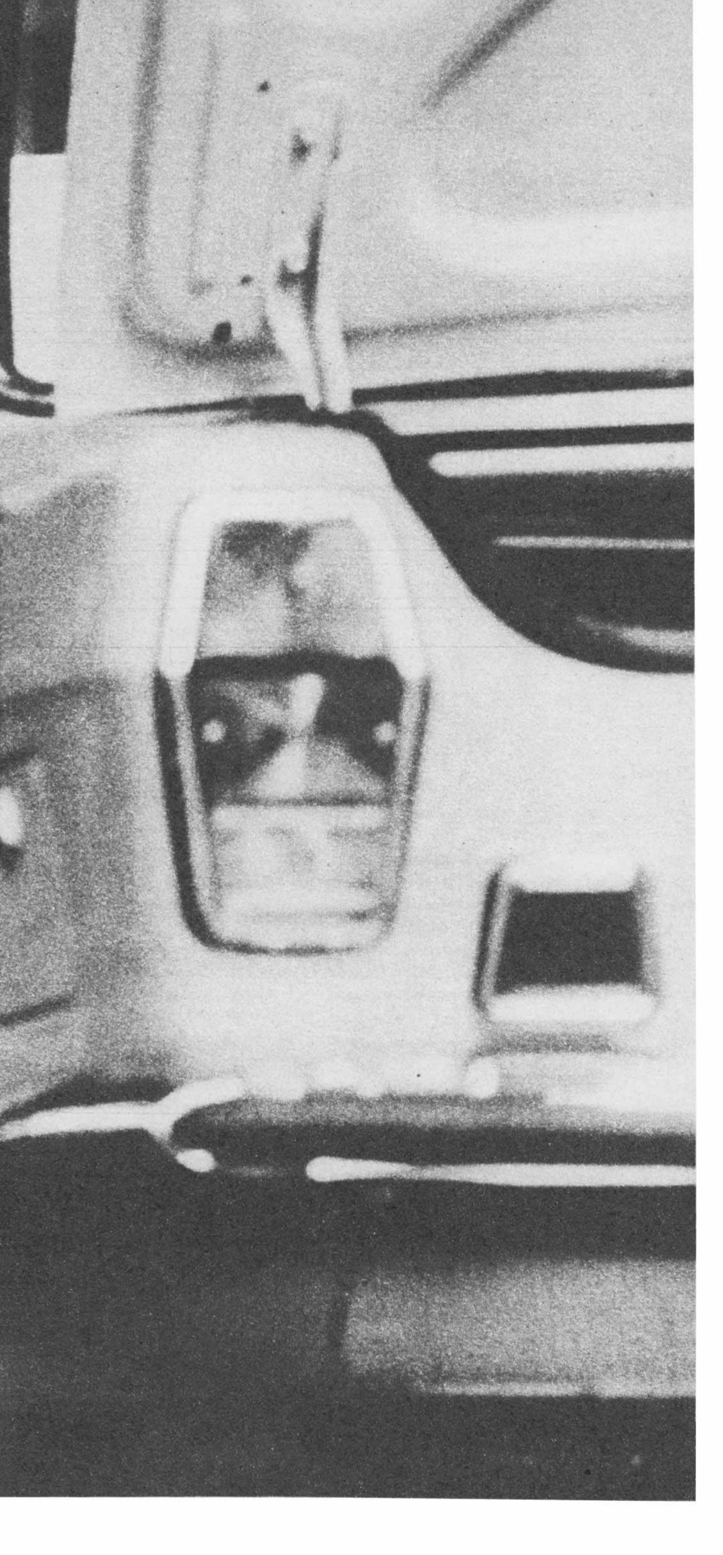
Расцвел, разросся город в наши дни, с подлинно русским размахом раскинулся по холмам. Он стал еще выше, поднявшись над Окой и Волгой громадами своих многоэтажных домов. За последние пять лет здесь построено больше двух с лишним миллионов квадратных метров жилья — это 65 тысяч новых квартир! По числу жителей Горький стал третьим городом в России, а по объему выпускаемой продукции — одним из крупнейших промышленных центров страны. Только новых видов машин, механизмов и приборов получает из Горького наша страна около 500! За большие успехи горьковчан в выполнении пятилетнего плана город награжден орденом Ленина.

...750 лет — это большая история, и нет ничего странного в том, что не сохранила она в памяти точного дня, когда земля меж Окой и Волгой стала городом. Та летопись, что сохранилась, говорит приблизительно: «в лето...».

— Мы отмечаем годовщину города в начале осени, в сентябре,— говорит председатель исполкома Горьковского городского Совета депутатов трудящихся А. А. Соколов.— А лето использовали для подготовки к празднику. Подготовка была всеобщей: горьковчане не только украшали и наряжали город, но и готовили ему трудовые подарки...

Мы видели такие подарки почти на каждом шагу нашего путешествия по городу. Это рапорты предприятий о выполнении и перевыполнении планов, это десятки новых жилых домов, магазинов, школ, кинотеатров, открытых в предъюбилейные дни. Машина везла нас по кварталам новостроек, по только что проложенным в старой части города улицам, проносилась по новому мосту, пересекала Оку по старому, но полностью отремонтированному. Новое, новое, новое...

И, наконец, один из самых примечательных

подарков к празднику — ярмарка, напоминающая о знаменитой некогда Нижегородской всероссийской ярмарке.

Она открылась там же, где стояли ярмарочные лотки много лет назад, с 1817-го по 1928 год. Тогда это было шумное, разношерстное торжище, собиравшее на окско-волжском берегу купцов чуть ли не со всей России. Даже в первые советские годы Нижегородская ярмарка послужила хорошим подспорьем товарообороту молодого государства. Сейчас у ярмарки совсем иная цель, сегодня она лишь дань истории. Правда, дань немалая: в распоряжении ярмарки 1971 года поступило товаров более чем на 20 миллионов рублей.

Шумит, гудит возрожденный Нижегородский торг. Как и прежде, толпа атакует качели, карусели, а силачи-удальцы занимают очередь к тяжелому молоту. На пролетке с бубенцами мчатся скоморохи, зазывая народ в цирк. Симпатичные девчата-коробейники в старорусских нарядах на все лады расхваливают свой товар. Но хотя их коробушки полным-полны, всех товаров на плече не разнесешь, и покупатели спешат к десяткам ярких и красочных торговых павильонов. Тут старина отступает перед самым современным, самым ходовым товаром — телевизорами, холодильниками, модной одеждой...

Распахнул двери после ремонта и реставрации старинный Главный ярмарочный дом, чем-то напоминающий московский ГУМ. Здесь — самый центр торговли. Реставраторы обещают в скором времени восстановить в Главном доме широко известный в прежние времена зал, где собраны старинные гербы большинства городов России. В соцветии этих гербов будет выделяться древняя нижегородская эмблема: олень с гордо поднятой головой и занесенным копытом...

Молодые. Летосчисление их брачных союзов — от юбилейного года города.

НОВЬ КАРАНТИННОГО ОСТРОВА

П. ВЛАДИМИРОВ
Фото Г. КОПОСОВА.

В дни работы XXIV съезда КПСС я встретился в Москве со своим старым товарищем по партизанским походам, делегатом съезда первым секретарем Херсонского горкома партии Александром Петровичем Балабаем. В разговоре он упомянул Херсонский судостроительный завод, которому в октябре нынешнего года исполняется двадцать лет. Кое-что об этом заводе я слышал. Даже знал место, где встали его корпуса. Давно еще, впервые попав в Херсон, шел по Днепру на лодке да и пристал к островку, что с потемкинских времен прозван Карантинным. Завода в то время не было и в помине. А был низкий, врезанный в днепровскую ширь, заросший камышом берег, приземистые мазанки, пирамидальные тополя, плетни, утыканные традиционными глечиками и макитрами, да сохнущие рыбачьи сети.

Словом, место это, тихое и патриархальное, в моем сознании никак не вязалось с огромными океанскими кораблями. Может, поэтому я спросил Александра Петровича:

— А что там строят? Буксиры? Катера какие-нибудь?

Александра Петровича слова мои задели: сощурились глаза, и в уголках рта появилась небольшая складочка. В нашем партизанском соединении всякий сказал бы: командир второй роты Балабай рассержен, вот-вот разразится буря. Но — отошли лесные времена! — секретарь горкома лишь сдержанно покачал головой.

— Я бы мог рассказать тебе о «Парижской коммуне». Или, скажем, о «Светлогорске». Но не стану. Все равно не поверишь.

— А все-таки! — заинтересовался я.— Расскажи!..

— Нет, и не проси! Приезжай-ка вот — сам узнаешь. К тому же дело не только в этих кораблях... Слышал, что говорил на съезде Леонид Ильич Брежнев?

Александр Петрович взял со стола газету, отыскал одно из отчеркнутых мест и прочел:

— «В деятельности наших руководящих кадров важнейшее место занимает организация и воспитание людей. Если даже руководитель наделен правами единоначалия, он все равно не может полагаться только на силу приказа. Недаром наша партия постоянно подчеркивает необходимость органической связи хозяйственной и воспитательной работы».

Так вот,— Балабай отложил газету,— хочешь увидеть, как это происходит в жизни?

Словом, заинтриговал меня первый секретарь горкома. Решил — поеду. Наконец выпала такая возможность. Накануне позвонил Александру Петровичу. И за тысячу с лишком километров я услышал, как он взволнован и рад: оказалось, Херсонскому судостроительному вручен орден Ленина, двести рабочих, инженеров и служащих удостоены высоких правительственных наград, а двое — директор Всеволод Федорович Заботин и бригадир судосборщиков Павел Алексеевич Нимич — стали Героями Социалистического Труда.

И вот Карантинный остров... Впрочем, почему остров? Широкий мост, по которому ходят троллейбусы, соединил Карантинный с городом, можно сказать, влил его в Херсон.

Мост приводит прямо к заводской проходной — двухэтажному зданию с просторным, светлым холлом. На втором этаже — партком. В тот день, когда я пришел к секретарю парткома Валентину Ивановичу Бойченко, он готовился к докладу: ему предстояло выступить на областной экономической конференции. Тема: «Социальное развитие коллектива ордена Ленина Херсонского судостроительного завода в девятой пятилетке».

Собственно, к этому дню мы уже познакомились и с заводом и со многими заводчанами. Прошли, как говорят, вдоль всей технологической нитки. Видели склады, где разгружают и хранят металл, которому предстоит превратиться в корабль. Видели новейшие автоматические линии, что правят, грунтуют и по программам, закодированным на перфолентах, раскраивают газовыми и плазменными резаками толстые стальные листы на бесчисленные детали корабельного тела. Видели, как гнут эти детали, придавая им нужную форму, или, на языке корабелов, «погиб». Видели, как сваривают многотонные пространственные блоки носа, кормы, днища, бортов, надстроек... И, наконец, видели стапель, главный заводской сборочный конвейер, упирающийся в шлюзовую камеру, в которой новый корабль в двадцать тысяч тонн водоизмещением впервые «пробует воду».

Что ни говорите, корабельное дело — особое. Рядом со странной и словно бы чужой здесь, на суше, громадой строящегося корабля человек особенно явственно убеждается в зависимости своего личного труда от усилий коллектива. Но что такое коллектив? Нет, это не просто некоторое число людей. Для того, чтоб превратить их в единый живой организм — в коллектив, способный вершить любое дело, как раз и требуется та органическая связь хозяйственной и воспитательной работы, о которой говорил на съезде Леонид Ильич Брежнев.

Результаты этой связи ощущаешь на заводе буквально на каждом шагу. Ну, хотя бы в том стремлении ко всяческой рационализации, к новому, к лучшему, что стало здесь для большинства душевной потребностью, увлечением; в том, например, что на заводе изжито пьянство, хотя, как известно, спуск корабля на воду со времен финикийцев всегда сопровождался возлияниями. И, конечно же, в том, что за истекшее пятилетие число кораблей, которые сошли с заводского стапеля, без малого удвоилось...

Но мне были интересны не столько результаты, как они ни важны, сколько то, как опосредствована эта связь, какова, так сказать, ее механика. Об этом-то мы и толковали с секретарем парткома Валентином Ивановичем Бойченко в тот день, когда он готовился к докладу.

— Что есть круг обязанностей каждого производственного командира с партийной точки зрения? — размышлял Валентин Иванович.— Воспитание и организация людей в сочетании с хозяйственной деятельностью. Но для этого каждый командир должен отвечать определенным требованиям. Иначе у него ничего не получится... Какие же это требования? Умение держать слово, правдивость, настойчивость, забота о людях и объективная оценка их деятельности, эмоциональная уравновешенность, знание дела и профессиональная подготовка, умение ориентироваться в сложной обстановке, участие в общественной работе. Был, например, такой случай. Видели, как собирают корабль? На тележках. Но при передвижке могут возникнуть перекосы, которые надо тут же устранить. Раньше на эту работу ставили человек пятьдесят — присматривать за гидравлическими домкратами на каждой тележке. Приходилось работать сверхурочно, снимать людей со смен. Начальник цеха предложил сделать общий маслопровод и качать масло во все домкраты сразу. Теперь можно обойтись и пятью рабочими. Ладно. Сделали. Начали подвижку... И вдруг корабль накренился. Представляете, как это выглядит, когда такая махина на глазах у всех начинает ложиться набок? По палубам покатилось все, что не закреплено. Грохот. Крик. Кое-кто стал разбегаться... Но начальник цеха прекратил панику, приказал всем оставаться на местах, а сам полез под днище корабля и установил причину: маслопровод-то, оказывается, надо разделить на две ветви — по левому и по правому борту. Иначе масло поступает только к домкратам одной стороны, и, конечно, судно кренится. Переделали, тут же крен и выправился. Во всей этой истории начальник цеха показал, что умеет ориентироваться в сложной обстановке, хладнокровен, смел. Такие командиры заслуженно пользуются авторитетом.

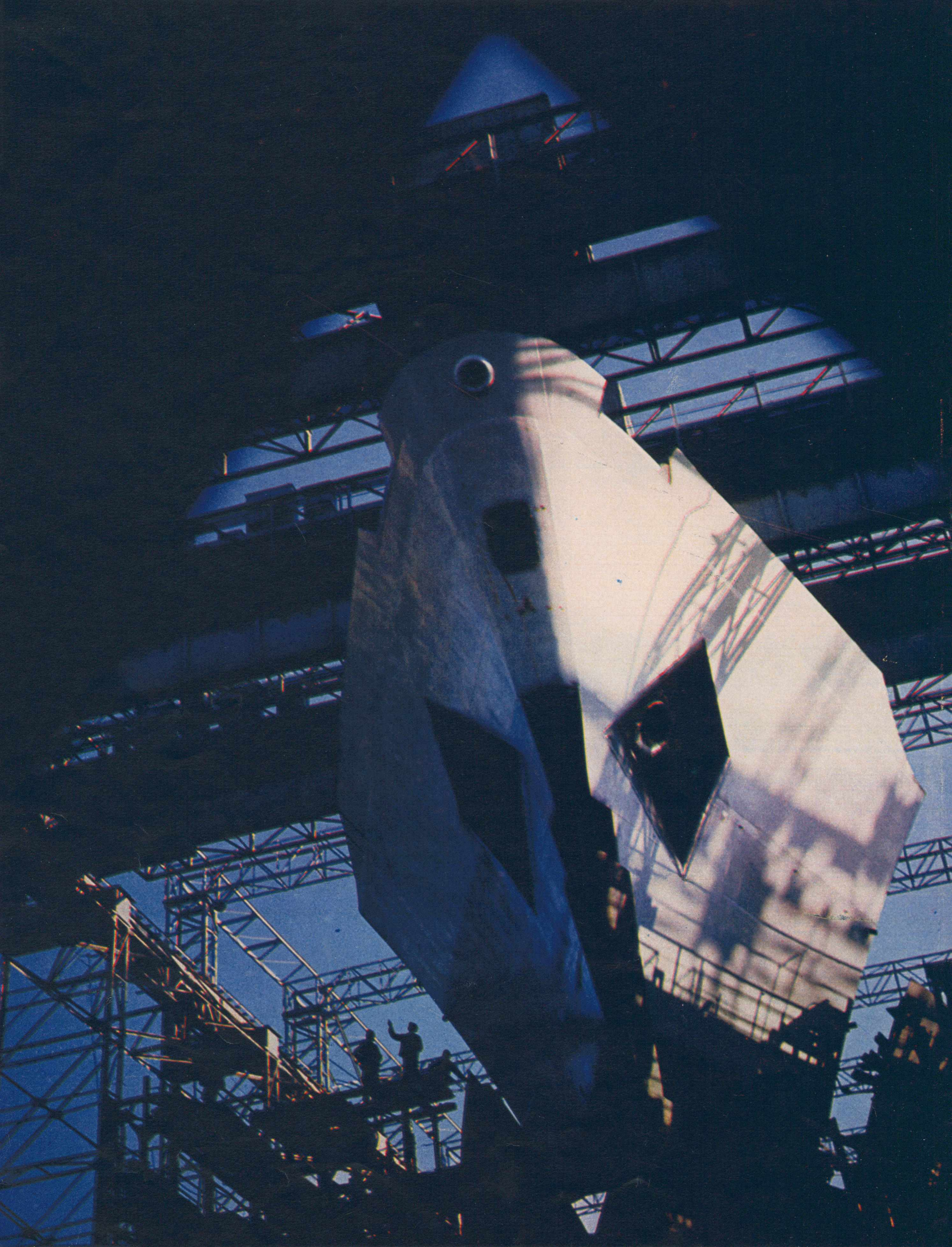
Закройщица по металлу — оператор электрогазорезательной машины комсомолка Наташа Касачева. ▶

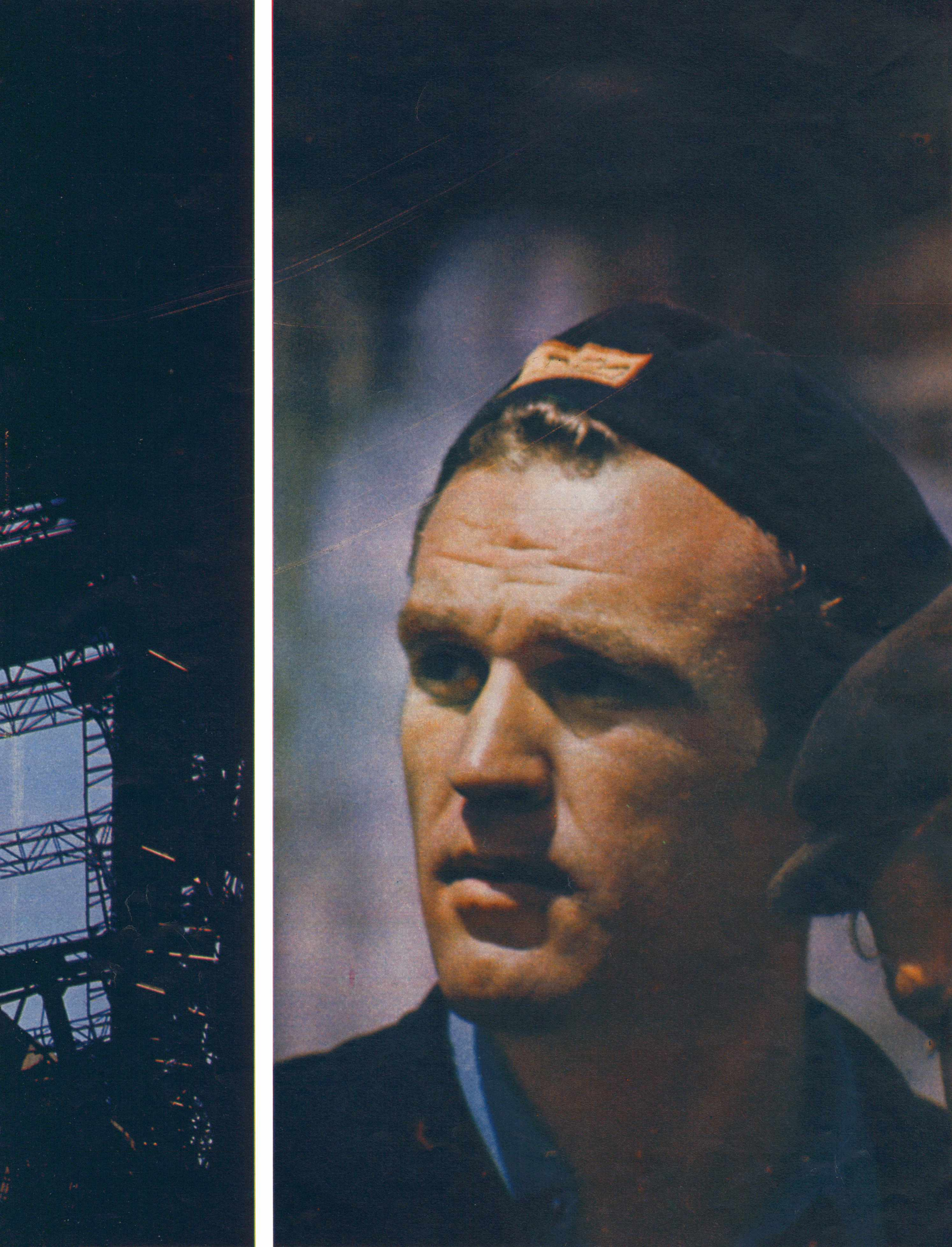
Этот корабль построен для Кувейта.

На развороте вкладки:

Носовая секция весит сто тонн, но ее надо установить с точностью до миллиметра.

Мастер Михаил Сокуренко.

А вот другой случай. Замечено было, что рабочий (назовем его Егором) ходит хмурый, огрызается на товарищей, от него попахивает вином. А у нас это, как вы знаете,— ЧП. С пьянством на заводе мы покончили. Конечно, руководитель, на участке которого работает Егор, мог бы наказать его, подать рапорт и даже потребовать увольнения. Но он знал: Егор — парень хороший, всегда работал добросовестно, никаких нарушений за ним не водилось, да и руки у него золотые. И уж коли дошел до такой жизни, значит, стряслось что-то серьезное. Стал допытываться. Сначала Егор отмалчивался. Потом все рассказал. Оказалось, жена окончила институт, получила диплом, и по этому поводу была устроена вечеринка. Компания собралась ученая. Как водится, за столом возник разговор. Егор тоже слово вставил. А жена ему замечание при всех: много ты, мол, понимаешь!.. Егору стало обидно. Выпил лишку с горя, поднял скандал. И пошла свара...

Начальник Егора вечером пришел к нему в гости. Сидят они, разговаривают, пьют пиво, закусывают вяленой рыбкой. Жена Егора сначала к ним не подходит. Потом прислушалась, подсела к столу, вставила словечко. А там и разговорились все втроем. Стал начальник уходить — не отпускает. «Я б остался,— говорит начальник,— да пора. Приятно, говорит, у вас... А то был я недавно в одной компании вместе со своим другом — рабочим. А хозяйка нос воротит. Всем своим видом показывает, что ей, видите ли, общество моего друга неподходящее. И знать не желает, что ее диплом и всякое благополучие создано рабочими руками...»

Жена Егора покраснела. «Егорушка не так меня понял...» Ну, раз «Егорушка» — значит, дело идет на лад. Дня через два видит начальник: Егор ходит веселый, все у него в руках так и кипит. «Ну как?»— спрашивает начальник. «Все в порядке!»

Вот что значит позаботиться о человеке, о своем работнике, о его настроении. Для командира это первейшая черта...

Наш партком внимательно приглядывается к подобным фактам. А бывает и так, что рекомендуем заводскому руководству подобрать командиру работу, которая больше отвечала бы складу его характера.

...Бойченко замолчал. Пора прощаться. Но оставался один невыясненный вопрос, который, как помнит читатель, возник еще в Москве.

— А чем знамениты «Парижская коммуна» и «Светлогорск»?

— «Парижская коммуна» — первый в мире крупнотоннажный сухогруз с газотурбинным двигателем и регулируемым шагом винта. А «Светлогорск» — комплексно-автоматизированное судно. Само идет по заданному курсу, как самолет с автопилотом... Мы их давно сдали. Что это вы вспомнили?

— Когда-то я думал, что на вашем заводе делают только буксиры и катера,— смутился я.

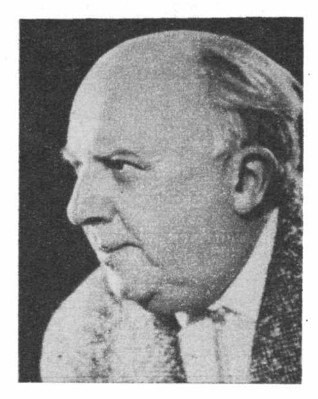
— А что? — улыбнулся Бойченко.— Верно! И катера делаем. В цехе ширпотреба. Хорошие катера!

На другой день мы покидали завод. Над его цехами, споря с солнечным светом, подрагивало голубое сияние сварки. Грохотала сталь, гудели машины, из решетчатых переплетений стапеля, поскрипывая тележками, медленно полз корабль, посуху совершая свои первые шаги к воде. А у заводского причала ленивая речная волна покачивала только что вернувшийся с ходовых испытаний сухогруз, построенный по заказу Кувейта. И я подумал: в каких бы морях и океанах ни пришлось прокладывать курс кораблю, в его скорости, устойчивости, неуступчивости штормам всегда будет жить крепкая и верная душа его создателей — херсонских корабелов.

Судосборщики.

Винт будущего корабля надо прежде всего «распаковать».

ВЕРНОСТЬ ЖАНРУ

Исполнилось шестьдесят лет Василию Ардаматскому, автору популярных увлекательных книг. Перу писателя, работающего преимущественно в жанре остросюжетной, приключенческой литературы, принадлежат такие известные широкому читателю произведения, как «Ответная операция», «Я 11—17», «Сатурн» почти не виден», «Возмездие».

Сравнительно недавно увидела свет новая работа В. Ардаматского — повесть «Ленинградская зима».

Это интересный, полный драматических событий детектив. Фабулой повести стали сложные перипетии борьбы советских чекистов против группы фашистских разведчиков. Но есть здесь нечто гораздо более значительное, чем острая занимательность.

...Исподволь, тщательно приглядываясь к людям, а точнее — к их слабостям и порокам, засланный в Ленинград резидент отбирает кандидатуры для сотрудничества с гитлеровским рейхом в решительный час. Ищет подлецов...

Вот один из них — Горин. Ни в детстве, ни в молодости этот человек, ставший предателем Родины, не испытывал никаких лишений. Наоборот, он привык к излишествам, располагая «папиным наследством». А когда оно иссякло, Горин стал винить общество в том, что ему — посредственности — не обеспечена «сладкая жизнь».

Иные мотивы руководили теми людьми старшего поколения, на которых делала ставку фашистская разведка. Ведь всего четверть века существовало молодое Советское государство, когда гитлеровцы вероломно напали на нашу страну. И еще сохранилось немало «бывших людей», так и не принявших новую жизнь, люто ненавидящих ее. Для таких фашистский рейх тоже ловко расставлял капканы, суля возврат прошлого.

Одним словом, подлецы находились, но лишь жалкие единицы. Вот этого и не могли по-настоящему представить себе авторы иезуитских замыслов.

«Тайная война» дает писателю благодатный материал для раскрытия психологии человека в напряженные, драматичные моменты жизни. Убедительно, правдиво показан в повести высокий нравственный облик тех, кому доверена безопасность нашей страны.

Знакомьтесь: Дима Гладышев. Он только что окончил школу и мечтал стать историком. Но комсомол рекомендовал паренька для работы на «невидимом фронте», и для Димы Гладышева началась жизнь, наполненная прозаической, будничной работой,— жизнь советского чекиста. Трудовое богатство отцов, трудовое наследие всего народа было доверено рукам Гладышева. И эти руки ни за что не отдали бы самую величайшую ценность, завоеванную в боях,— Родину, не променяли бы ее ни на какую «сладкую жизнь», не предали бы в час самых тяжелых мук.

Автор повести не принимал непосредственного участия в битвах «невидимого фронта», поэтому, воссоздавая образы и события по скупым строкам подлинных документов, он, естественно, прибегал к вполне закономерному домыслу. Но зато деятельность солдат фронта видимого — бойцов, рабочих, жителей города — писатель наблюдал воочию: Василий Ардаматский в осажденном Ленинграде был корреспондентом Центрального радио. И хотя он не вел дневника, но время от времени записывал все наиболее значительное, и эти заметки через двадцать пять лет ожили на страницах повести в своеобразных отступлениях, озаглавленных «Из ленинградского дневника автора».

Начав свою повесть как характерный детектив, Василий Ардаматский шаг за шагом как бы разрушает привычную схему приключенческого повествования и вводит читателя в мир глубоких мыслей, больших чувств, рисует реалистическую картину жизни блокадного Ленинграда.

А. КАПЛАНЯН

Василий Ардаматский. Ленинградская зима. Повесть. Издательство «Молодая гвардия». 1971.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ИЗ КАКОЙ ЭРЫ?

Плохое качество выпускаемых некоторыми южными предприятиями авторучек — тема, на которую «Огонек» дважды обращал внимание. В заметке «Из какой эры?», опубликованной под рубрикой «Коэффициент вредного действия» в № 27 журнала, говорилось о весьма невысоких достоинствах сувенирных авторучек Сухумской галантерейной фабрики.

Министр местной промышленности Абхазии Д. ХВАРЦКИЯ сообщает редакции, что материал по заметке «Из какой эры?» рассматривали представители Совета Министров Абхазской АССР, Госплана республики, Министерства местной промышленности, исполкома Сухумского городского Совета депутатов трудящихся и Абхазской лаборатории Госнадзора за стандартами и измерительной техникой. Публикация журнала «ПРИЗНАНА ПРАВИЛЬНОЙ И ДОСТАТОЧНО ВЕРНО ОТРАЖАЮЩЕЙ СОСТОЯНИЕ ДЕЛ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ И КАЧЕСТВУ ШАРИКОВЫХ АВТОРУЧЕК».

Выпуск таких авторучек, пишет министр, следует отнести за счет плохой работы отдела технического контроля предприятия. Производственно-технический совет Союзоргтехники рекомендовал фабрике улучшить качество отливок и выполнение надписей и соединения деталей. Руководители фабрики приняли меры к устранению недоделок.

Коллегия Министерства местной промышленности отметила, что дирекция и партийная организация фабрики после выступления журнала наметили меры, гарантирующие достаточно высокое качество изделий. Статья обсуждалась на общем собрании коллектива цеха, занимающегося производством авторучек.

Коллегия министерства приняла решение о прекращении выпуска авторучек до полного устранения дефектов.

* * *

Редакция «Огонька» охотно расскажет читателям о хороших сухумских авторучках, как только они начнут выпускаться. Пока же с авторучками далеко не все благополучно. И не только в Сухуми. В ответ на публикацию

«ПРОБЛЕМЫ ВЕЧНОГО ПЕРА»

пришло письмо из Министерства химической промышленности СССР. Публикуя этот ответ, мы предваряем его подзаголовком: «ОТВЕТ ПОЛУЧЕН; ОТВЕТА НЕТ!» Впрочем, ознакомьтесь с этим письмом. Вот его текст: «В статье «Проблемы вечного пера» имеются нарекания на качество чернил «Радуга», в частности на наличие в них большого сухого остатка.

Этот вопрос рассматривался в мае текущего года на совещании, проведенном Минхимпромом совместно с Союзоргтехникой Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления.

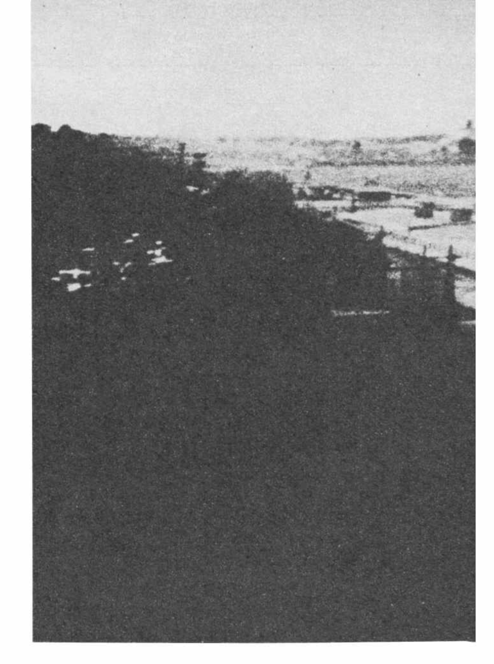
Решением признано целесообразным включить в технологический процесс производства чернил «Радуга» дополнительную стадию фильтрации».

И все... Правда, есть еще подпись заместителя начальника Союзбытхима — В. Слотинцева.

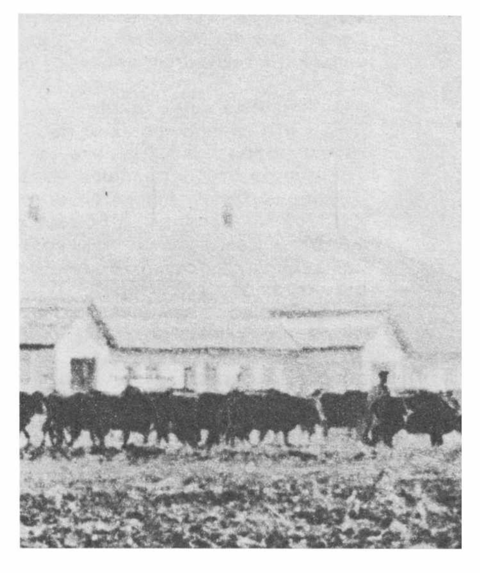
Подписанный товарищем В. Слотинцевым ответ более чем не по существу. В нем нет ни слова о пластмассах, которые химики дают сейчас авторучечным заводам. В статье говорилось о плохом качестве этих пластмасс, о непригодности их для авторучечных корпусов. Министерство молчаливо согласилось с критикой продукции? Но ведь авторучки от такого согласия не улучшились!

Да и с «Радугой» не все ясно. Признана целесообразной дополнительная фильтрация, спокойно отмечает В. Слотинцев, тем самым подтверждая факт плохого качества чернил, непригодность их для авторучек. Но какими станут чернила после этой фильтрации?

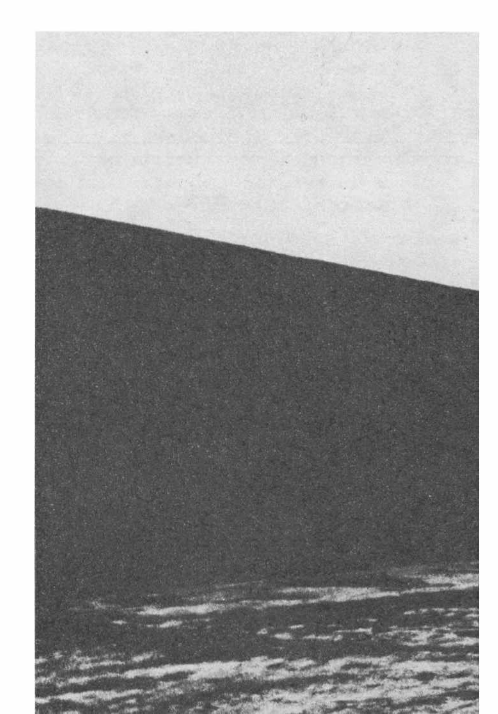
Да и проводится ли она?!

КУ

ПО

Председатель колхоза «Родина» А. И. Коптев.

Ю. КРИВОНОСОВ,
А. НАГРАЛЬЯН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Устьлабинцы в похвалах не нуждаются. Не потому, что так уж не любят, когда их хвалят — добрые слова кому не приятны, — просто марка устьлабинцев котируется столь высоко, что никакой дополнительной рекламы тут не требуется. Не раз уж этот район выступал со своими новшествами, поднимал Кубань на дела, которые оборачивались обилием зерна, молока, мяса... Сейчас, например, они собрали урожай пшеницы на круг по району пятьдесят с гаком центнеров с гектара, и это на богаре! Радуются они такому успеху, но уже думают о том, как превзойти самих себя урожаем будущего года. Только к этим заботам прибавились и новые — животноводство. И совсем не потому, что положение в животноводстве у них неблагополучное. Отнюдь нет. Просто подоспело время подняться на следующую, более высокую ступеньку. Изучая материалы XXIV съезда КПСС, задумались над этой задачей.

И вот в августе устьлабинцы обратились ко всем труженикам сельского хозяйства Кубани с открытым письмом. В нем они, в частности, говорят и о том, что решили за пятилетку увеличить производство мяса на 41 процент, молока — на 32 процента, яиц — на 20 процентов: «...В производстве мяса мы **особое внимание уделим говядине. Продажа ее государству возрастет в нынешней пятилетке в два раза** и составит в 1975 году 7,8 тысячи тонн...»

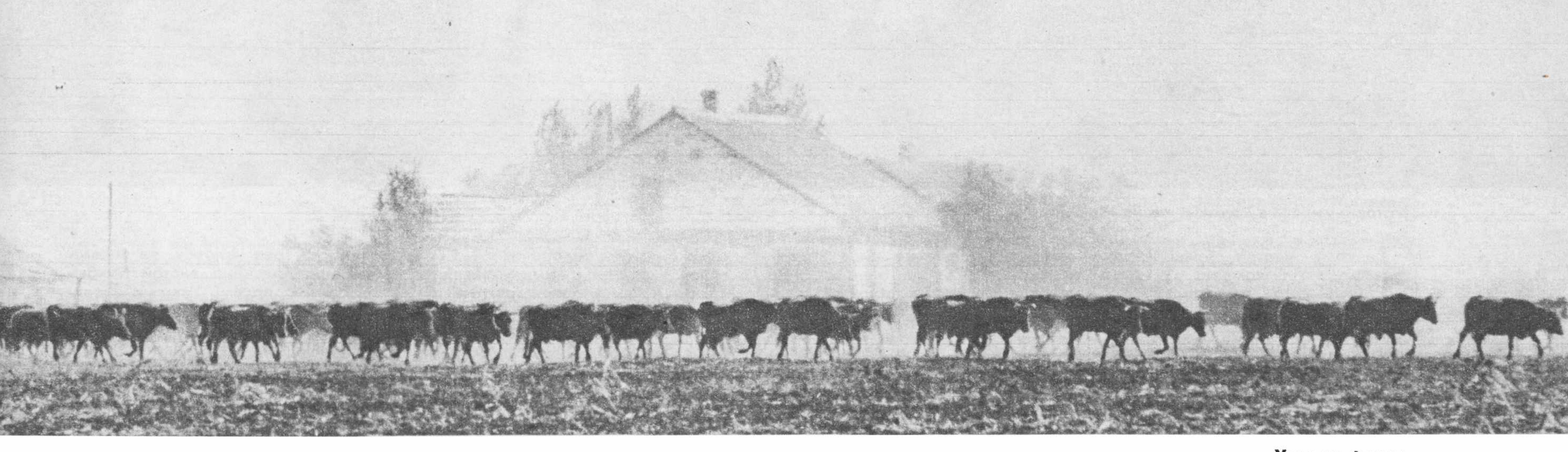
Обязательство поражает своим размахом и смелостью. И в первый момент мелькнула у нас мысль: а не перехватили ли через край? Мы так прямо и спросили первого секретаря Усть-Лабинско-

Межколхозная откормочная база Тимашевского района.

БАНСКИЙ

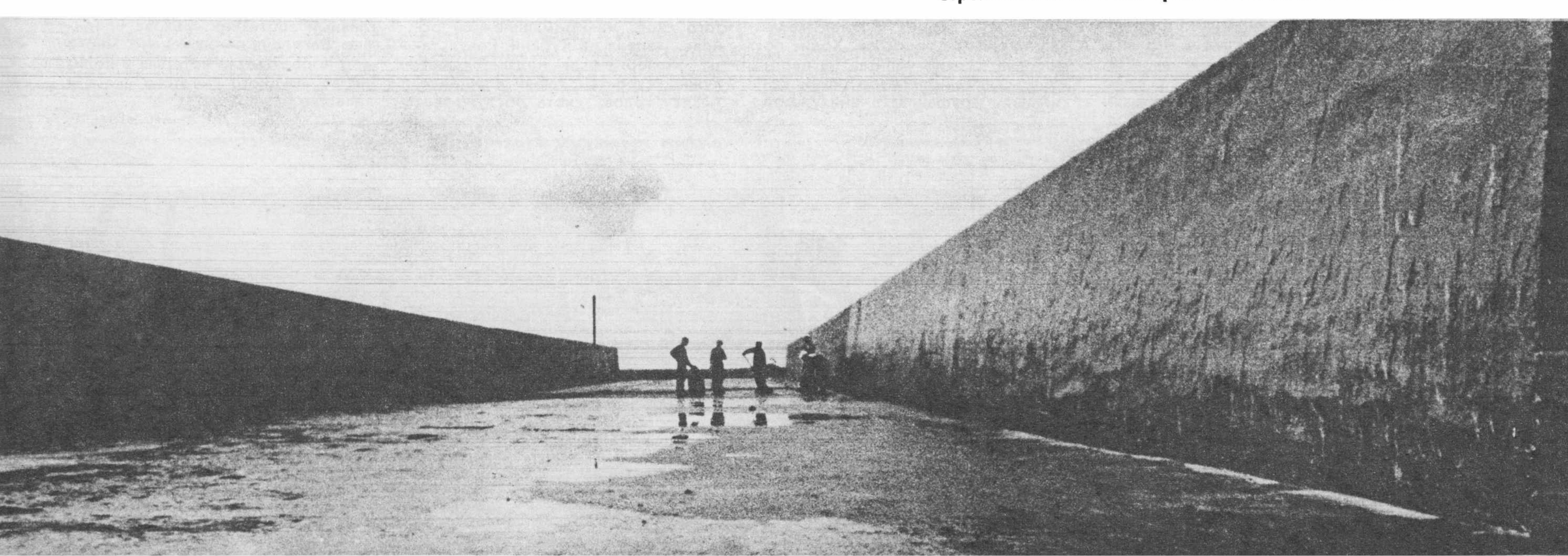

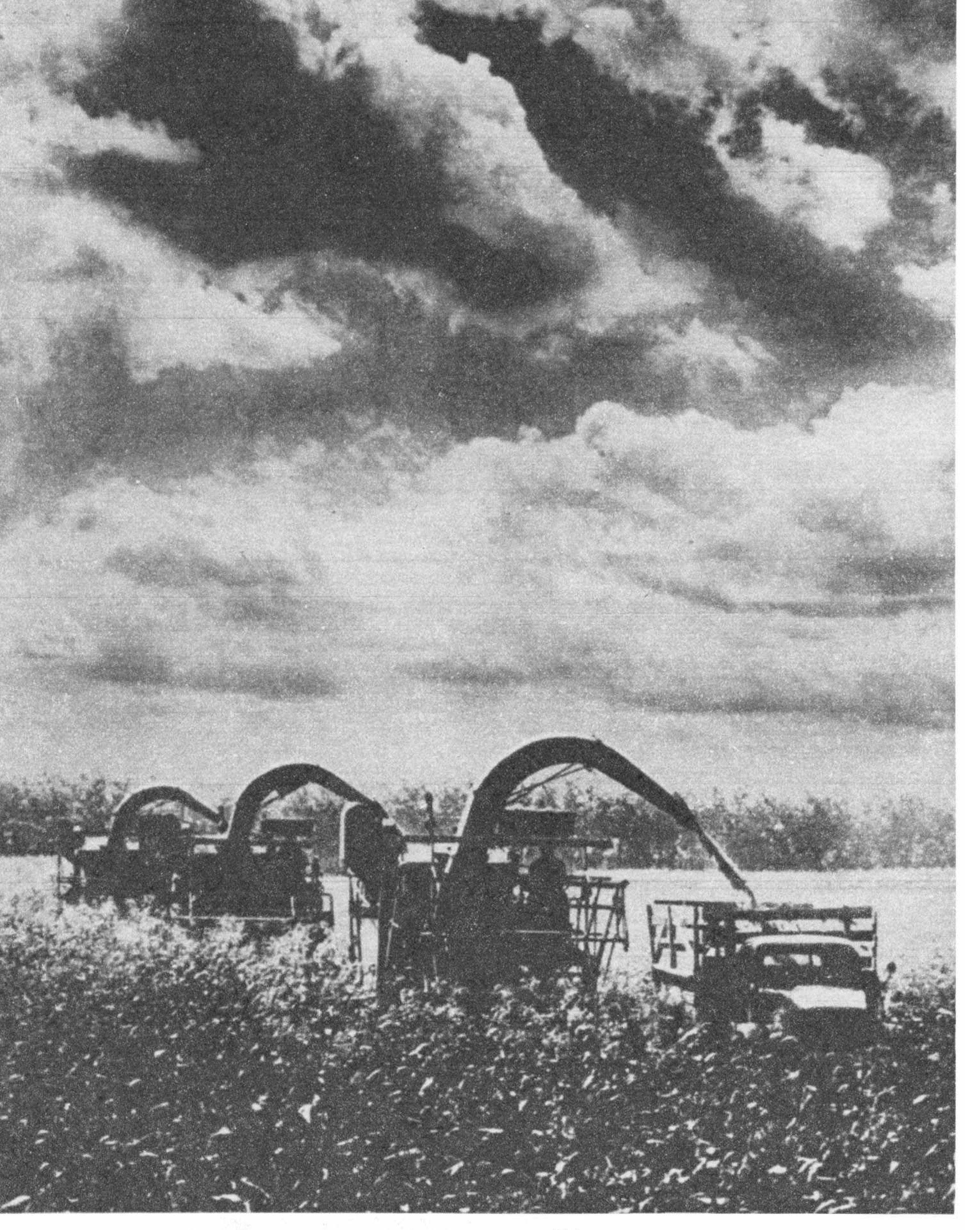

Утро на ферме.

ЧИН

Строительство силосной траншеи в колхозе «Восток».

Заготовка силоса в колхозе имени Жданова.

го райкома партии Александра Афанасьевича Пахомова.

— Мясо — это и арифметика,— ответил он.— Три месяца всем районом изучали этот вопрос. Понимали, что беремся за дело огромной важности и промахнуться здесь никак нельзя. Две недели ушли на то, чтобы свести воедино расчеты колхозов и совхозов, пригласили ученых, считали с ними вместе, чтобы чего-нибудь не упустить. А как считали, можете посмотреть...

И Пахомов показал нам две толстенные папки, набитые, по сути дела, одними цифрами. И тут мы до конца поняли, какой грандиозный черновик предшествовал тому письму — листы с расчетами были вдоль и поперек исчирканы, как страницы рукописи взыскательного писателя.

— Почему упор именно на говядину? — продолжает Александр Афанасьевич.— Ну, это ясней ясного. Приходилось вам, конечно, слышать, как хозяйка, придя из магазина, скажет в сердцах: сегодня в магазине мяса нету — только свинина да баранина. Не случайно мясом в обиходе говядину называют. Она всему мясу мясо. Спрос на нее всегда есть и всегда будет. Мы и раньше говядиной всерьез занимались, но в прошлой пятилетке основной упор делали на свинину — надо было дать быстрее количество, и тут свинина свою роль сыграла. Теперь на передний край вышла говядина: созрели для того условия, которых вчера еще не было,— богаче мы стали...

Да, богаче! Целый день ходили по фермам совхоза «Ладожский», а туфли не запачкали, хоть и прошел ночью ливень: все дороги и дорожки асфальтовые. Фермы сияют белизной. В коровниках и свинарниках тянутся вдоль пролетов широченные трубы вентиляции, и мощные моторы гонят в помещения свежий воздух. Полная механизация всех процессов. Ходит по мосткам, словно капитан на пароходе, свинарь-оператор Иван Васильевич Труфанов, а внизу, под мостками, его подопечные — 1 700 голов. Один он с ними управляется, да и как управляется-то — суточный привес свыше 600 граммов. С начала года «прирастил» Иван Васильевич 304 тонны мяса. Фабрика? Конечно! Тут и работа сменная, как на любом производстве — два выходных. Кстати, по выходным здесь остается лишь один дежурный. На 10 тысяч свиней. Его дело — обойти все корпуса и нажать кнопки — кормораздатчики сами развезут корм и даже вернутся назад под новую загрузку. Почти все эти механизмы сделаны в самом совхозе, мастерские которого продолжают их выпускать для других, менее мощных хозяйств.

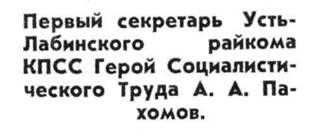
Совхоз «Ладожский» — своеобразный полигон, где опробуется и осваивается новое. Сейчас таким экспериментом является площадка откорма крупного рогатого скота на промышленной основе. Первая на Кубани. Результаты эксперимента подтверждают: нужно строить такие площадки. Тысячу голов скота обслуживает звено из трех человек. За восемь месяцев получено чистой прибыли сорок восемь тысяч! Стоимость строительства окупается за год.

Спрашиваем звеньевого Петра Мелехова, трудно ли управляться с такой массой скота.

— Конечно, трудно, лишний раз не перекуришь. Но в общем справляемся. Только что вот сдали двести бычков — душа радовалась. Не бычки — кубарики, да что там кубарики — бегемоты... По пятьсот пятьдесят, шестьсот килограммов! А ведь порода-то красная степная, молочного направления. Раньше считалось, что такого бычка выше чем до трехсот пятидесяти килограммов не откормишь. Опровергли мы это мнение, вот вам и прирост.

— Умелый откорм — только часть задачи,— разъясняет нам главный зоотехник совхоза Владимир Василенко,— намечено много мер, в результате которых и количество крупного рогатого скота и качество улучшатся.

Первый секретарь Усть-Лабинского райкома КПСС Герой Социалистического Труда А. А. Пахомов.

На дорогах Кубани.

Доярки колхоза имени Жданова.

— А как же все-таки со свининой? Спрос-то на нее уже не тот.

— Что ж, свинина тоже нужна. Без нее ни эскалопа не отведаешь, ни пельменей настоящих, ни многих других вкусных блюд. Только вал, он везде опасен. Ведь плохо идет лишь жирная свинина, а она и есть результат того самого вала. Откорм надо заканчивать при 100—110 килограммах, а мы гнали до 130—140. А все, что после ста,— сало. Сколько на него лишнего корма переводится! Пора отходить от такой системы. Это, во-первых, а во-вторых, мы уже начали разводить мясную породу свиней. На жирную свинину спрос нынче невелик, вот мы и предлагаем — пожалуйте, мясную!.. Так что и свиноводство будем расширять, но с учетом требований потребителя.

— Хитрые вы!

— Почему же хитрые, просто разумные.

Нам бы еще хотелось добавить — и сметливые. Ездили мы по полям с председателем колхоза «Родина» Андреем Ивановичем Коптевым. Остановились у комбайнов, убиравших кукурузу на силос. Андрей Иванович говорит:

— А комбайны-то эти вроде незаконнорожденные. Не утверждены они пока кубанским НИИ испытания машин. Дело в том, что убирать ими кукурузу на зерно нельзя — большие потери. А мы их на зеленой массе попробовали — отлично убирают. Уже шесть штук приобрели. На будущий год еще четыре купим. Пока их там конструкторы доводят, они у нас свое дело исправно будут исполнять. Техники стало много, нужно только ее к своим надобностям приспособить. Сейчас смешно даже вспоминать, как в тридцать шестом году колхоз наш купил пять велосипедов — для транспорта. Теперь вот автобусами людей в цирк возим, в Краснодар. Уборка идет, а мы в цирк? А как иначе? У нас передышки нет даже зимой, на печке сидеть сезона не бывает — одни работы сменяются другими. Так круглый год. Не отставать же от жизни. Без размаха и тут не обойтись.

Да, размах на Кубани нынче виден во всем. Это и есть тот фундамент, опираясь на который поднимается сегодня на новую ступень сельское хозяйство края. Повсюду идет огромное строительство. В колхозе «Восток» загляделись мы на совсем новую ферму, корпуса которой вот-вот готовы принять на зимовку новое молочное стадо. В пустых еще коровниках, оборудованных по последнему слову научного животноводства, тихо. Читаем таблички: «Родильное отделение», «Профилакторий». Пахнут свежим лесом ажурные клеточки для телят. А рядом с фермой высятся стога сена, «ангары» с половой — той самой мякиной, на которой не проведешь старого воробья и которую с превеликим удовольствием жуют более крупные представители животного мира. Через считанные дни «встанет под загрузку» силосная траншея, больше похожая на взлетную полосу средней величины аэродрома.

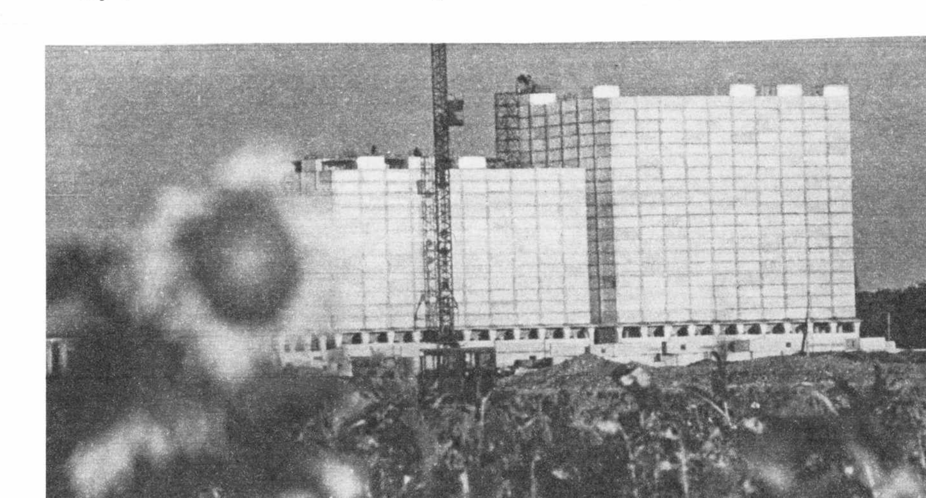
А недалеко отсюда, в Тимашевском районе, мы видели, как возводится межколхозный комбикормовый завод на сто тысяч тонн кормов в год. В этой пятилетке такие заводы будут строиться и в других районах. Это уже настоящая индустрия животноводства, как и сооружаемый рядом свиноводческий комплекс на 108 тысяч голов. Чтобы понять, что это такое, достаточно одной цифры — ежедневно тут будет появляться на свет тысяча поросят! При таких масштабах на первый план выходит проблема кормов, и она уже решается, причем весьма успешно...

В 1975 году устьлабинцы намечают продать государству 17 тысяч голов крупного рогатого скота со средним живым весом 450 килограммов. Почин их подхватывает вся Кубань — тридцать девять районов. Возьмите-ка карандаш и посчитайте, хотя бы примерно, какой привес даст этот могучий край в наш большой общий котел.

Главные специалисты колхоза «Путь к коммунизму» обсуждают письмо устьлабинцев.

Строится межколхозный комбикормовый завод в Тимашевске.

ВОЗВРАТА НЕТ

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

С наступлением весенних дней, когда подсыхали в степи дороги, Никитин все чаще сам садился за руль своей «Победы», давая шоферу отдых. Тот и рад был помочь дома жене по хозяйству: вскопать огород, поднять на опоры в саду виноградные лозы.

Привычку ездить быстро Никитин сохранил еще с фронта. Его крупные, загорелые руки уверенно лежали на белой, как слоновая кость, баранке руля. Под весенним утренним солнцем все сверкало и отливало глянцем: и молодая темно-зеленая листва виноградных садов, и светло-зеленая, а с обратной стороны серебряная листва на тополях в пойменном лесу, и затерянная среди верб излучина старого Дона, и как будто плавающий в воздухе игрушечный куполок станичной церкви. Сверкали шиферные крыши разбросанных по лугу полевых станов, животноводческих ферм, как скирды сена, припорошенные снегом. Нельзя было и представить, чтобы где-нибудь еще могли быть столь же красивые места. Все так широко, округло, беспредельно!

По лицу своей невестки, которую Никитин подвозил по пути к школе или же вез из школы обратно домой, он видел, что и она не оставалась ко всему этому равнодушной. Но ему хотелось удостовериться.

— Нравится?

Она подтверждала:

— Очень.

Он открывал все стекла машины, и внутрь врывался степной ветер. У Ирины светились оживлением глаза, на щеках зацветал румянец. Рукой с тонким золотым колечком на безымянном пальце она придерживала волосы. Были они у нее черными до синевы. И вся она была какая-то жгучая.

И после того, как Никитин уже высаживал ее у станичной десятилетки, а сам по проулку поворачивал налево, в степь, в машине еще долго пахло ее духами. Дорога поднималась в степь меж рядами виноградных садов, и оставшийся в машине запах духов смешивался с таким же тонким, почти неслышным запахом зацветающих виноградных лоз.

Выехав из станицы наверх, в степь, и оглядываясь, Никитин видел, как мелькает по улице по направлению к школе ее весеннее платье. Иногда это было такое же зеленое платье, как листва на молодой виноградной лозе. Иногда голубое или ослепительно-белое. А иногда и ни с чем не сравнимого красного цвета.

Ее и по одежде можно было узнать, что она не из местных. Из того же самого количества ситца, полотна или искусственного шелка, из которого другая женщина умела скроить себе всего лишь одно платье, у нее получалось два, и когда ее коллеги по школе, разглядывая в учительской ее очередную обновку, начинали недоверчиво спрашивать, как это удается ей, она отвечала:

— Представьте, без особенных усилий. Во-первых, не следует уподобляться монашкам и закрывать от солнца то, что тоже хочет радоваться солнцу, а во-вторых, надо раз и навсегда сделать выбор: или тонкая талия, или пироги со сметаной.

Ее дебелые коллеги не прощали, конечно, этих намеков, и с некоторых пор излюбленной темой разговоров в учительской стали разговоры на тему о степени падения современных нравов. Иногда за такими разговорами учительницы не слышали звонка, возвещавшего о конце перемены. При этом, несмотря на различия в оттенках мнений, все они в конце концов единодушно приходили к выводу, что абсолютно недопустимо, чтобы учительница, требующая, чтобы ее ученицы носили косы, сама предпочитала носить на голове подобие скирды, взлохмаченной ветром.

Ирина Алексеевна обычно, слушая эти более чем прозрачные разговоры, молча улыбалась. Это-то, может быть, больше всего и выводило из себя ее коллег. Не выдерживая, какая-нибудь обращалась к ней:

— А что думает об этом уважаемая Ирина Алексеевна?

Спокойно поправляя рукой свою с к и р д у, она, в свою очередь, спрашивала:

— А почему, допустим, все без исключения ученицы непременно должны носить косы?

Всеобщее удивление и возмущение после ее слов в учительской было неподдельным.

И у директора школы, бывшего подполковника, который однажды смущенно крякнул при виде ее нового платья-сарафана, она немедленно поинтересовалась:

— Некрасиво?

— Нет, этого я бы не сказал,— багровея под ее взглядом, как школьник, испуганно заверил директор.— Я бы сказал, совсем наоборот. Но если учесть, Ирина Алексеевна, степень вашего влияния на учащихся...

— У моих учащихся, Максим Максимович, снизилась успеваемость?

— Ваш класс, Ирина Алексеевна, лучший в школе,— твердо сказал директор.— Лично у меня никаких к вам претензий нет. Однако приходится считаться и с другими факторами. Например, с мнением тех же родителей.

— Они, Максим Максимович, жаловались на меня?

Директор взмолился:

— И этого, Ирина Алексеевна, я вам не говорил. Я лишь хотел сказать, что не каждый сможет это понять. Среди родителей могут оказаться люди с предрассудками. Все же нельзя забывать, что это не город, а казачья станица.

— А паранджу, Максим Максимович, в вашей казачьей станице не носят?

После этих ее слов он счел за самое благоразумное от дальнейшей дискуссии с нею уклониться. Лишний раз он убедился, что попадаться к ней на зубок опасно. И в конце концов не его, не мужское это дело — мерить сантиметром длину женских платьев. Говоря откровенно, лично ему даже нравились ее всегда яркие, всегда неожиданные наряды. Сама учительская, когда Ирина Алексеевна появлялась на пороге, как-то молодела. К тому же Максим Максимович давно уже убедился, что высота нравственных устоев далеко не всегда соответствует длине платьев. Пусть кто хочет, тот и вооружается сантиметром, а он не будет. С него вполне достаточно и этой единственной попытки, предпринятой им не без воздействия своей жены, которая потеряла покой с тех пор, как новую хорошенькую учительницу назначили к ним в школу. Честно говоря, он просто-напросто бестактность совершил, затеяв с Ириной Алексеевной весь этот разговор. Если разобраться, для этого у него совсем не было оснований. У нее действительно самый успевающий в школе класс, и она первая из педагогов с успехом применила на своих уроках липецкий метод.

Если же его жене нравится, пусть сама и вооружается сантиметром. Это в ее духе, она готова ревновать его к каждой юбке. Но от того, что сама она шьет платья ниже колен, успеваемость и дисциплина у нее в классе не сделались лучше.

Не в первый, но теперь уже наверняка в последний раз позволил он ей вмешаться в его взаимоотношения с учительским коллективом и до сих пор не может избавиться от чувства мучительного стыда, что разговаривал с человеком как стопроцентный ханжа и невежа. Как он мог до этого докатиться?

И дома от ее платьев даже зимой всегда веяло так, будто где-то рядом цвела виноградная лоза. В то время как от Григория, ее мужа, который возился в своей ветлечебнице с коровами и свиньями, всегда пахло креолином. А последнее время все чаще по вечерам, когда он возвращался домой, припахивало спиртным, чего прежде никогда не замечала за ним Антонина. Раньше, бывало, Никитин даже подсмеивался над Григорием, когда тот в воскресенье, выпив налитую ему рюмку, потом долго не может откашляться, трясет головой.

Теперь же, когда он вечером возвращался из ветлечебницы, издали можно было увидеть, как его велосипед выписывает на дорожной пыли восьмерки. Хуторские женщины, провожая его взглядами, покачивали вслед головами, а ребятишки весело показывали друг дружке на пыльной дороге его затейливые узоры.

Как-то вечером донеслось до слуха Антонины с половины дома, занимаемой молодыми, как Ирина презрительно сказала приставшему к ней с пьяными нежностями Григорию:

— Разве таких любят?

Вдруг совсем протрезвевшим голосом Григорий ответно спросил у нее:

— А таких, как ты?

Ирина немедленно переспросила:

— Каких таких?

— Ты и сама знаешь,— уклончиво пробормотал Григорий.

— Может быть, и любит... кто-нибудь,— не сразу ответила Ирина.

Антонина поспешила закрыть на их полови-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34, 35, 36.

ну дверь, чтобы не слышать продолжения этого разговора.

По воскресеньям, когда вся семья в одно время сходилась за столом, обмениваясь теми новостями, что у каждого накопились за неделю, у Никитина с Ириной обычно начиналась словесная игра. Заранее посмеиваясь, он требовал от нее последних донесений с фронта ее войны с «директрисой» из-за длины волос и юбок. В свою очередь, у него каждый раз тоже непременно находилось для нее что-нибудь смешное.

— До тех пор никак не мог сообразить,— рассказывал он,— почему наши старухи совсем перестали ко мне в кабинет заходить, пока не пришла тетка Мавра за направлением в дом престарелых. Сперва она сунулась с порога и — назад, а потом перекрестила на полу ковер, подобрала юбки — и ко мне. Только тут я вспомнил, что ковер ко мне в кабинет попал прямо из алтаря при распродаже церковным советом излишков божественного имущества. А в алтарь, как известно, женщинам и кошкам вход строго-настрого запрещен.

И, рассказывая об этом Ирине, он до слез смеялся, запрокинув голову на спинку стула. Антонина давно уже не слышала у него такого молодого смеха. Ирина смотрела на него и тоже неудержимо хохотала, прикладывая к щекам ладони.

Смотревшей на их веселье Антонине становилось как-то не по себе. То, над чем они смеялись, действительно было смешно, и все же этого недостаточно было, чтобы предаваться столь бурному веселью, совсем забыв, что были здесь еще и другие люди. Она видела, что и Григорий, не поднимая глаз от тарелки, улыбается одним углом рта, неохотно.

Они оставались за столом и после того, как Григорий, поев, уже уходил на свою половину дома.

— Сейчас, сейчас,— не оглядываясь, рассеянно отвечала Ирина ему, звавшему ее к себе.

И тут же опять поворачивалась к Никитину с готовностью посмеяться над тем, что он скажет, хотя и не всегда можно было над этим смеяться. Однажды Антонина не удержалась, когда он рассказывал, как молодой станичный поп спрятался у своей прихожанки под кровать от нагрянувшего мужа:

— ...А ноги в шерстяных носках из-под кровати торчат. Муж до утра тренировал его барабанить пятками по полу. Только потянется к ружью на стене, как батюшка опять начинает отбивать дробь.

Постукивая кулаками по столу, Никитин показывал взахлеб смеющейся Ирине, как это получалось у попа. У Антонины испуганно вырвалось:

— А если б он его убил?

Коротко, не взглянув в ее сторону, Никитин бросил:

— За это, Антонина Ивановна, теперь не убивают. Другое время.— И вновь продолжал показывать Ирине, как это получалось у станичного попа.

Чего это ему вздумалось ее Антониной Ивановной величать? Несмышленый внук, Петушок, при этом так и скакал на коленях у деда.

Только у нее, у Антонины, и не оказывалось под рукой каких-нибудь новостей, которые тоже можно было бы ввернуть в разговор. Кроме все одних и тех же, связанных с внуком, с огородом и с обычными хлопотами по хозяйству, совсем неинтересных для них. Какие у нее могли быть новости, если теперь и она по целым дням ни на шаг не отлучалась из дому и к ней почти не заглядывали люди. За исключением Настюры Шевцовой, которая пока не забывала ее.

С тем большей жадностью набрасывалась Антонина с ласками на внука. С запоздалым раскаянием вспоминала, что даже Гришу, своего сына, не пестовала так. Даже он, ее первенец и единственный, когда был таким же крохотным, не занимал в ее жизни и ее сердце такого места. Может быть, потому, что совсем молодая еще, глупая была, а может, и потому, что другое было время, и ее жизнь, не то что теперь, заполнена была совсем другим.

Это теперь она может и купать своего внучонка каждый день, и собственноручно обшивать его, и чутко ловить, чтобы потом пересказать другим, каждое новое слово из его косноязычного лепета. Удивительно, как этим рученкам удается так безраздельно завладевать сердцами взрослых. И совсем уже удивительно, как в таком маленьком человечке могут вдруг выразиться черты и повадки — нет, даже не своих родных отца или матери, а неродного деда. Та же степенность и так же — это когда Петушок уже стал на свои ножонки — пройдется взад и вперед по комнате, сунув за пояс штанишек большой палец.

Антонина безотчетно радовалась, глядя на него, а Никитин при этом начинал бурно хохотать и, подхватывая внука на руки, подбрасывая его над собой, кричал:

— Сразу видно мужчину!

После этого у них поднималась такая возня, что даже невестка Ирина, отрываясь от тетрадей, сердито кричала им с соседней половины, чтобы они убирались во двор.

Сразу присмирев, Никитин послушно удалялся с внуком на руках, сконфуженно поясняя ему:

— Тише, Петушок, а то твоя мамка не успеет проверить все тетрадки.

И чем дальше, тем все больше удивлялась Антонина, как это ее сын Григорий мог оставаться совсем равнодушным к своему сыну. Ни разу не видела, чтобы взял его к себе на колени или же, допустим, смастерил, как тот же дед, из спичечной коробки, из щепок, а то и просто из арбузных корок какую-нибудь тележку или другую незамысловатую игрушку. Не говоря уже о том, чтобы порадовать своего первенца купленными в станичном сельпо дудочкой, цветными кубиками, самосвалом с механическим заводом.

* * *

— Ты, мать, теперь у нас начхоз,— говорил Никитин,— а от этой фигуры на фронте всегда зависела большая половина успеха. Фигура, можно сказать, историческая.

Ей нравились эти слова, хотя и непривычно пока было, что он стал называть ее уже не по имени, а матерью. А последнее время все чаще бабкой.

Но ведь так оно и было. Самое главное было не в словах, а в том, что ей, в избытке хлебнувшей одиночества у себя в доме на яру, теперь сразу привалила такая большая, веселая семья. И если правда от нее зависит, чтобы в их семье все было хорошо, она постарается сделать для этого все, что в ее силах. В том числе и для того, чтобы ничем посторонним, лишним не омрачалась молодая жизнь ее сына Григория с женой Ириной.

Ей давно уже показалось, что между ними что-то происходит. Ни от Григория, ни от невестки не слышала она, чтобы они когда-нибудь жаловались ей друг на друга, и чужому взору ни за что было бы не уловить тех искр, которые пробегали между ними. По видимости все оставалось у них, как прежде. Но на то и мать она была, чтобы увидеть то, чего не могли увидеть другие. Как бы они ни скрывались и как бы ни береглась она того, что происходило на их половине дома, нельзя было, живя под одной крышей, до конца уберечься.

— Опять от тебя, как из бочки. Каждый день. После этого ты на что-то еще претендуешь.

— Ты же знаешь, почему я стал пить. Давай, Ириша, скорее уедем отсюда. Мы еще только начинаем жить. Я тебе ни единым словом не напомню.

— А я и не считаю себя виноватой. Когда-то, когда мы еще были студентами, ты говорил, что выше любви ничего не может быть. Другой бы на твоем месте знал, как надо поступить. У тебя просто ни мужества, ни гордости нет.

— Как ты не поймешь...

Тут Антонина неумышленно напомнила им о своем существовании, зацепив ногой порожнее ведро, и они замолчали.

Ничего определенного, конечно, не понять было из этих их слов, за исключением того, что прежних отношений уже не существовало между ними. Но в одном из того, что Антонина услышала, она была полностью согласна со своей невесткой: выше любви ничего не может быть. В это Антонина уверовала еще с тех пор, когда Никитин прятался у нее в яме от немцев и она ловила те редкие моменты, когда можно было проскользнуть к нему.

Сердце ее возмущалось против собственного сына. По всему видно, что ревнует он, глупый, жену к чему-то прошлому, а к чему можно ревновать, если все, все без остатка смывает любовь, как чистой слезой. И после этого человек как будто только что нарождается на белый свет. Он уже совсем другой, новый.

Согласна была она и с теми словами Ирины, что человек никогда не должен терять своей гордости. На собственном опыте знала, что как бы для нее ни были невыносимо тягостны воспоминания о том дне, когда она, не помня себя, ехала с заседания бюро райкома, как будто бежала от погони, и как бы ни раскаивалась она еще и теперь, что поддалась тогда чувству обиды, ее всегда тайно радовало и утешало сознание, что ни своего достоинства, ни своей гордости она тогда перед Неверовым не уронила. Никто потом так и не узнал, что скрывалось за ее спокойствием, которому так удивлялись все люди.

Долго скрывая от Никитина свои наблюдения, она наконец решилась поделиться с ним:

— По-моему, Коля, что-то неладно между ними.

— Что же именно? — медленно закуривая, поинтересовался Никитин.

И после того, как она пересказала ему разговор Григория с Ириной, переспросил:

— Так прямо и сказала?

— Да, говорит, выше любви ничего не может быть. Конечно, Коля, как женщина, я с нею согласна, а, как матери, мне все-таки Гришу жаль. Он последнее время на себя не стал похож. Ты же знаешь, что раньше он никогда так не пил. А может, Коля, у них все это еще по молодости и потом пройдет? — Приподнимая на подушке голову, она с надеждой заглянула ему в глаза. — У молодых, говорят, это бывает, пока они как следует не привыкнут друг к другу. Правда, у нас с тобой, Коля, этого не было, я к тебе сразу привыкла. Как ты думаешь, пройдет у них, а?

Не дождавшись от него ответа, сама же и успокоила себя:

— Должно пройти. Делить им между собой нечего. И Петушок у них растет. — И окончательно успокаиваясь от своих слов, совсем повеселела: — Все еще наладится, правда, Коля?

— Может быть,— отвечал Никитин, раскуривая новую папиросу и вставая с постели к форточке, открытой в сад, пуская в нее клубы дыма. — Хотя и давно бы уже пора было наладиться. Вообще-то, мать, тебе лучше в их дела не вмешиваться, они сами разберутся.

Она испугалась.

— Что ты, Коля, я и не вмешиваюсь никогда, откуда ты взял. Я и тебе долго не решалась рассказать, думала: все настроится само собой.

Щелчком выстрелив из форточки в сад окурком, он повернулся к ней.

— Принесла бы ты лучше мне из погреба банку холодного вина.

Она удивилась:

— С чего тебе вдруг захотелось?

— Сам не знаю. Должно быть, с духоты или с твоих жирных щей. Запить надо.

— А может, лучше холодной простокваши принести?

— Нет, это ты лучше посоветуй своему Григорию на простоквашу перейти,— насмешливо сказал Никитин.

* * *

Вдруг приметила за собой, что чаще обычного в течение дня наведывается в низы дома, в погреб, где у нее стояли бочки и бочонки с вином. Виноградное вино у нее в доме никогда не переводилось, как у всех здесь, у кого были свои виноградные сады, а сады здесь тоже были почти у каждого. Случалось, и на трудодни в колхозе выдавали вино. Низовские казаки рождались и умирали с вином, а женщины здесь пили не хуже мужчин. Особенно после войны вдовы.

Но Антонина раньше никогда не пила. Может, потому, что некого ей было оплакивать и не нужно было предаваться горьким воспоминаниям об утраченном счастье. Ее счастье

Б. Калманов (Орджоникидзе). С. М. КИРОВ В СЕЛЕ ОЛЬГИНСКОМ.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

Е. Ноздрин (Саранск). ПОРТРЕТ ЛЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ А. В. МАМОНТОВОЙ.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

всегда безотлучно было при ней, рядом. Не пила, если не считать праздников и тех летних жарких дней, когда, спускаясь в погреб, обычно освежалась одним-двумя стаканами холодного вина: оно хорошо освежало. И всегда это случалось не то чтобы специально, а невзначай. Если бы не какое-нибудь дело заставляло ее спуститься в погреб, она бы и не вспомнила до очередного праздника, что там у нее стоит вино.

Теперь же она непременно стала находить убедительные причины, чтобы на дню несколько раз спуститься в погреб. И когда впервые заметила это за собой, испугалась. Тут же с уверенностью решила, что, когда нужно будет, совладает, справится с собой. Отрежет раз и навсегда. Но пока что не станет. Вино и что-то обостряло в душе, настраивало на какую-то ей самой непонятную печаль, жалость к самой себе и как-то помогало справляться с ними. Допьяна она никогда не напивалась, а в моменты легкого опьянения ей теперь всегда с необыкновенной яркостью приходили воспоминания о том, что теперь издалека представлялось столь же ослепительно неповторимым, сколь когда-то оно было невероятно, неслыханно трудным.

Особенно, помнилось, трудно стало ей, когда от взора неотступно следующего за ней денщика Иоганна днем уже невозможно было ускользнуть ни на минуту и у нее оставались только ночи. Те глухие часы, когда он засыпал, часто и в обнимку с опустошенной им винной бутылью за столом. А после налета романовских партизан на станичную ортскомендатуру вокруг всех домов с квартирующими офицерами стали выставлять на ночь часовых. Каждую минуту они могли окликнуть ее с улицы, когда она пробиралась в глубь своего сада, к яме, где прятался Никитин.

Вспоминая об этом теперь, она всегда приходила к выводу, что не последующие, когда они с Никитиным уже стали мужем и женой, а именно эти дни были самыми счастливыми в ее жизни. Когда она уже открылась себе во всем, призналась себе, что любит его, и с нетерпением всегда ожидала того часа, когда опять будет прокрадываться к нему в бурьяны, под яр. Это было сопряжено с опасностью, плоские штыки немецких часовых блестели из темноты по всем четырем углам квартала, но для нее это были часы ее свиданий. Да, да, это были ее свидания, потому что к тому времени она уже поняла, что для нее он был не просто раненый лейтенант, которого надо спрятать и уберечь от глаз немцев. И если бы даже ее сад весь был населен не деревьями, а солдатами, она все равно проползла бы к нему между ними. Это любовь научила ее быть такой по-звериному осторожной, хитрой. Неурочная и нечаянная, впервые разбудившая ее тридцатилетнее сердце.

И тот же собственный сад, такой знакомый, казался ей теперь совсем иным, новым. Если светила луна, тени падали на землю от стволов деревьев, от виноградных кустов, а если луны не было, стволы и сохи светились из темноты. По нападавшей в корнях деревьев листве с шорохом бегали ежи, заставляя часовых на улице вскрикивать «Хальт!» и лязгать затворами карабинов. Она припадала к земле и, переждав, опять ползла. Удивительно гибким, послушным оказалось ее большое тело.

До сих пор она явственно слышит этот запах теплой соломы и самосадного табака, дышавших ей в лицо из ямы, в которой лежал Никитин. Должно быть, с тех пор и сиреневые цветочки дерезы, в которой пряталась яма, стали ей как-то милее. Когда она теперь в саду и в огороде выпалывала эту сорную траву, выдергивала ее стебли руками, ей становилось немного грустно.

Но все же ее, эту вредную дерезу, надо было не только подрубать лезвием тяпки, но и лопатой подкапывать, выдергивать с корнем. Потому что если ее не выдернуть до самой тонюсенькой ниточки, она потом все равно опять вырастет и опять будет до самой осени цвести своим мертвенно-сиреневым цветом.

* * *

С утра до обеда она мотыжила на огороде, а перед самым обедом нагрела воды, чтобы искупаться, смыть с кожи горький пот и красноватую суглинистую пыль, взбитую тяпкой. Внука, как всегда в это время дня, накормила и уложила спать, а все остальные должны были вернуться с работы только к вечеру, никто не должен был ей помешать.

Уже искупавшись, вытерев полотенцем ступни ног и разгибаясь, увидела себя в зеркале. Никогда прежде не рассматривала себя. Брезговала. Не смогла бы хорошо искупаться и при ком-нибудь из посторонних, даже если это была женщина. С детства всегда стыдилась купаться при других. И теперь, бывало, зимой, нагрев в субботний вечер воды, выгоняла Никитина во двор покурить и запиралась. Он ходил вокруг дома под окнами и ворчал:

— Выдумала, нашла от кого запираться. Ты, должно быть, одна на всем свете такая.

Но по голосу его можно было понять, что ему это нравится. И летом на Дону у нее было свое укромное местечко среди верб, где ее никто не мог увидеть. Больше всего не любила, когда женщины, спустившись после работы к Дону, целой бригадой зайдут в воду и начинают вслух обсуждать, кто худой, кто толстый, у кого какие бедра и ноги, делясь всякими подробностями о своих мужьях и других знакомых мужчинах.

Если это можно было как-то объяснить, когда была война и в первые годы после войны, когда в станице на одну женщину приходилось по пол-инвалида, то теперь и в этом жизнь почти выровнялась, пора бы уже переставать жить по законам военного времени.

Теперь же поближе подошла к большому трюмо и впервые в жизни взглянула на себя нагую. Большая смуглая женщина стояла перед ней. Вдруг вспомнилось ей, как Никитин еще не так давно говорил ей, что грудь у нее как два краснобоких яблока и в поясе она как девушка, несмотря на то, что рожала. Теперь ей захотелось узнать, что же могло измениться с тех пор, какие произошли с ней перемены. Конечно, летят годы, и для нее они не могли пройти даром. Но и не так-то состарилось ее тело — плечи, ноги, грудь,— чтобы теперь пренебрегать ею, как это он стал себе позволять. Конечно, ей уже не тридцать, но и не расходовала она себя почем зря, не баловалась. И до Никитина никого из других мужчин, кроме мужа, не хотела знать, а денщик — это как черный сон. Это было не с нею, а с какой-то другой женщиной. Не погуливала, хотя и подкатывались к ней. И тогда, когда еще была она знаменитым на всю область председателем колхоза, портреты ее печатались в газетах, а Никитин не подавал о себе вестей, даже из других районов засылали к ней сватов, и еще сравнительно недавно, лет пять назад, вдруг повадился причаливать прямо к ее подворью, к яру, на своем «Альбатросе» инспектор рыбоохраны, пока она не пригрозила ему, что скажет Никитину.

Нет, никаких особых перемен она не нашла у себя. Вот только глаза стали какими-то беззащитными, ей самой не понравился их тревожный блеск.

И еще, глядя на себя в трюмо, вспомнила, как Никитин любил брать в руку и переливать в пальцах ее волосы. Они у нее были такие длинные, что, когда, расчесывая, она распускала их, они падали ниже пояса, закрывая ей плечи и спину. Иногда полусерьезно-полушутливо она начинала угрожать Никитину, что возьмет и отрежет их, надоела ей эта вечная морока — ни расчесать, ни промыть хорошо, и летом под ними жарко, как под пшеничной копной. Да и годы ее уже не те, чтобы накручивать косу. Когда она говорила это, он всегда пугался:

— Смотри, чего доброго, и в самом деле не сдури. Может, я тебя за твои косы и полюбил.

Теперь же ни разу не взглянет в ее сторону, когда она распускала их по плечам, расчесывая и укладывая вокруг головы венцом. Теперь ему никакого дела не было до того, что при этом они как будто плавятся, пронизанные косо падавшим из окна утренним солнцем. Еще ни единой ковыльной нити не поблескивало в них.

Она хорошо видела, что, раскуривая в это время свою утреннюю папиросу, сидя на кровати, он смотрит не на нее, а на другую половину дома, где невестка, как всегда, собираясь в школу, прихорашивалась перед шифоньером. Волосы у Ирины были даже не черные, а как будто фиолетовые. Под гребешком они трещали, как железные. И все-таки он, покуривая, терпеливо ожидая, когда Ирина закончит свои сборы, смотрел на них, а не на этот пшеничный водопад, в котором путалось утреннее солнце.

На улице их поджидал в машине правленческий шофер.

Ее взгляд вдруг увидел ножницы, надетые на гвоздик сбоку трюмо. Еще и сама не представляя, что может произойти, она сняла их с гвоздя, взяла с комода большой деревянный гребень и, перекидывая мокрую косу со спины на грудь, пропуская волосы через гребень, отрезала их близко от шеи. С шорохом они упали к ее ногам. И когда, поворачивая голову через плечо, она снова глянула в зеркало, перед нею стояла совсем незнакомая ей женщина, с такими же короткими, как у невестки Ирины, волосами.

От испуга она закрыла лицо ладонями.

Но, быть может, самое страшное для нее заключалось в том, что, когда вечером все собрались и она вышла из кухни к столу с этими коротко остриженными волосами, он, невидящим взглядом скользнув по ней, даже не заметил ничего. Как если бы все оставалось по-старому. Только Ирина, похоже с сожалением, коротко взглянула на нее. Но тоже ничего не сказала, низко опуская голову.

Наутро все это представилось ей в совсем ином свете, и она уже никого не могла винить, кроме самой себя. Ей теперь уже не столько волос своих было жаль, сколько того, что за эти годы она, оказывается, успела настолько обабиться, что незаметно для самой себя превратилась в одну из тех жен, которые, если бы на то их воля была, за ручку водили, а то и совсем на цепи держали своих мужей, запечатывали им своими ладошками рты, чтобы они не смогли с какой-нибудь другой женщиной слова сказать, и завязывали глаза платочком, чтобы они, чего доброго, не взглянули на кого.

Ее в холодный пот бросило от этих мыслей, и она содрогнулась от отвращения к самой себе. Господи, да пусть смотрит на кого угодно и сколько угодно, мало ли он с какими женщинами в колхозе встречается за день! И разговаривает с ними и шутит, и, бывает, они даже заигрывают с ним — какие бы они казачки были, если б не заигрывали! И при этом он не вправе унизить их своим пренебрежением или обидеть высокомерием. Какой же будет он председатель, если не сумеет и принять шутку и повернуть ее так, что женщины потом из шкуры вылезут, а исполнят все, о чем он их просил,— ей ли не знать станичных женщин.

И на нее, невестку, пусть смотрит на здоровье. Что ж из того, на нее и вообще приятно посмотреть, на такую молодую, красивую, жгучую. Вообще она вся какая-то как нездешняя: как будто отстала от одного из пароходов, огибающих яр на впадении Донца в Дон, и теперь поджидает следующего, чтобы уехать дальше. Не чужая же она, чтобы с ней слова не сказать. Тем более, что Григорий, ее муж, сызмальства привык больше молчком, клещами не вытянешь из него слова.

Из того же, что не заметил, как она отрезала свою косу, тоже ничего иного не следует, кроме того, что обабилась, совсем ослепла. Мало ли ей что еще может взбрести в голову, а он, оказывается, должен быть и за это виноват перед ней. У человека на плечах не какой-нибудь карликовый, как когда-то у нее, а крупнейший в районе колхоз, столько людей, и все рвут председателя на части. От одних уполномоченных и ревизоров жизни нет. Недаром он как-то говорил Ирине за столом, что председатель колхоза — тот же телеграфный столб, о который может почесаться каждая свинья...

А тут, значит, еще не пропусти, не прогляди, какую вздумает сделать себе прическу жена. Смотри, не пропусти, когда она тоже захочет завести себе модную скирду.

При этих мыслях Антонине начинало казаться, что краска жгучего стыда достает ей до костей. Но это также был и какой-то приятный, радостный стыд, в котором растворялась та смутная тоска, что все чаще подкрадывалась и точила ее последнее время. Чем беспощаднее казнила она себя, тем явственнее чувствовала, как сваливается с нее камень этой тоски, и опять ей становилось легко, легко. Совсем как прежде.

Ничего, оказывается, не изменилось, а изменилась только она сама. Спустилась с той высоты, с которой никогда и ни при каких обстоятельствах не имеет права спускаться женщина.

Но если это так и все зависит от нее самой, то это все поправимо. Надо только освободиться от всего того, чего она всегда не понимала и не принимала у других женщин,— и она освободится. Это в ее силах. Ничто постороннее, лишнее, мелочное не должно омрачать их жизнь.

В таком настроении и застала ее Настюра Шевцова, прибежав к ней из хутора в станицу со сбившимся с головы на плечо платком. Тут же, прямо в калитке, она и стала рассказывать Антонине, захлебываясь своими словами.

* * *

По словам Настюры, давно уже кое-что приметив, она стойко, не меньше месяца, несла дежурство в молодых вербочках на полдороге между станицей и фермой, пока не дождалась. Целый месяц Никитин с Антонининой невесткой, не задерживаясь, проезжали мимо нее на машине, и вдруг сегодня недалеко от того самого места, где она, затаившись, лежала в кустах, машина повернула и заехала в глубь прибрежного леса, под большие вербы. Никитин с невесткой вылезли из нее и спустились по стежке друг за дружкой прямо под обрыв. Это в том самом месте, где Дон размыл себе колено. В этом затишке хоть телешом купайся — из-за кручи ни с этого, ни с того берега не видать. Настюра и сама, как идет с фермы в хутор, спускается туда, растелешится и плещется там от души. Никому же в голову не придет ложиться животом на обрыв и, свесив голову, заглядывать, что там делается внизу.

Но она, Настя, не поленилась. На животе ящерицей проелозила по траве до самого края и заглянула под обрыв.

Каково же было удивление и негодование Настюры, когда в этом самом месте Антонина, рассмеявшись прямо ей в лицо, сказала так грубо, как еще никогда не разговаривала с нею:

— Иди и бреши где-нибудь в другом месте. Люди от жары искупаться захотели, а тебе надо.

И перед самым носом у Настюры захлопнула калитку.

Это после того, как Настюра из-за нее же дежурила в вербочках целый месяц. Ей же, слепой дуре, хотела добра.

Но и после того, как Настюра Шевцова постучала в калитку еще раз, Антонина из-за забора пригрозила ей, что если та еще тут будет стоять и брехать, она спустит с цепи кобеля.

— Он быстро поможет тебе найти отсюда дорогу. Как будто я не знаю, что все это ты выдумала в отместку ему за то, что он не любит тебя за твой язык и даже называет не Настюрой, а Стюрой.

Отблагодарила. Ну и пусть, так ей и надо. Ее, дуру, и ее такого же слепого дурня, сыночка, околпачивают среди бела дня почем зря, и она же прикрывает все это своей юбкой. Чистюля, через губу не плюнет. Думает, как она на всю жизнь дала себе зарок не оскоромиться, так и все другие скоромное не едят. Тогда шла бы уж сразу в монастырь, чем замуж выходить. Еще тоже называется казачка. Вот и дождалась, утащили мужа из-под самого бока.

Пусть, пусть. Так этой сатанюке и надо.

И, отходя от калитки, Настюра Шевцова с глубочайшим презрением сплюнула через плечо.

Окончание следует.

ВОЯЖ ФРАНСУА ДЕ ПЕРРЕГО

Л. ЛЕРОВ, В. ПАВЛОВ, Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

От Маурера уже получено несколько нелегальных писем. Но это все сентиментальные всхлипы, лирика, нежные заверения в готовности сделать для друга все... Дима сыт по горло подобными заверениями, хотя он не может не отметить активности Рудольфа: подходящий человек уже был найден. Но он вскоре отказался: грязное дело!

Между Маурером и Михеевым идет оживленная нелегальная переписка. Диппочта используется вовсю: менее чем за три месяца — десять писем. Господин Маурер пишет обо всем: о погоде, о могиле Бакунина, о круге своего чтения... «Я кончил «Историю большевистской России» немецкого историка... В своей библиотеке я открыл воспоминание швейцарца, жившего в СССР до 1932 г. Трезвый, справедливый человек, так что он ненавидит диктатуру и любит народ... Книга немецкого автора с титулом «Восток минус Запад = Ноль»... Там много об экономической помощи капиталистов СССР...» И тут же комментарии Руди: «Впрочем, нельзя* по-арифметически превратить уравнение титула: это дало бы «Запад = Восток». А тут уж все в душе Маурера негодует!

Знакомясь с кругом чтения швейцарца — об этом сообщается почти во всех письмах,— примечаешь его поразительную целеустремленность: читает он только антисоветскую литературу, включая и сатирический рассказ самого Михеева. «Рассказ,— пишет Маурер,— доказательство твоих качеств: способность тонкого наблюдения (особенно душевной жизни) и владение языка (особенно в выборе слов...). Здесь картина современной советской интеллигенции, ее внешней и внутренней жизни». Гордись, Дима! Во как тебя ценят мауреры!

Но сыну швейцарского контрразведчика всего этого недостаточно. Он просит московского друга регулярно писать ему о «самых важных восточных делах» и благодарит за «новости»: «Я очень интересуюсь твоим анализом советской информации. Других писем из востока я не получаю. Ни Юра («коммунист», что ты еще узнал о нем?), ни... мальчики из Таллина и Риги, которым я послал открытки, мне не писали...»

Вот ведь какие невежливые мальчики, не хотят помогать господину Мауреру в его грязной стряпне — о ней он тоже сообщает Диме: «Готовлю статьи об СССР для Бернской газеты».

Но это все между прочим. Главное — о поисках «спасителя». Сети заброшены широко — связался с директорами гимназий (не подойдет ли кто из их бывших питомцев), с фотографом (может, кто из его клиентов похож на Михеева). Маурер заверяет друга в своей активности и... бескорыстии: «Не пройдет практически ни одного дня, что я не принимаю какие-то меры — позвонить, встретить, написать — в нашем деле. Но, конечно, я все это делаю с чувством долга — гражданина либерального государства — и дружбы».

С двумя «кандидатами» Руди уже встречался. Но, увы: «Они отрицают принимать участие в деле, о котором думают, что оно не на 100 пр. уверено...» Господин Маурер стыдится своих земляков: «У них нет мужества и мало прямого энтузиазма... Тебе придется еще терпеть».

И Михеев терпел. В дневнике появляется эффектная запись: «Страдаю, плачу, ненавижу...» Не знаем, плакал ли, но терпеть терпел. Нервничал, дергался, метался, советовался с преданными друзьями, изучал тайком полученную карту Финляндии, искал встреч с Маргарет — «Нет ли вестей от Нормана?» — и терпеливо ждал.

И вот наконец-то радостная весть. Нашел! Бывший школьный товарищ Маурера, учитель, холост, 33 года — де Перрего Франсуа. Имя «спасителя» сообщается с предосторожностями: «Так как он не хочет, что свое имя находится в твоих письмах (которые «они» могли бы найти) я напишу это на отдельную бумажку, прося что изучив имя и фамилию, ты уничтожишь ее». К письму приложена фотокарточка Франсуа («Он на тебя похож, но тебе придется похудеть немного. Он был почти сразу согласен, ему свободное время во время осенних каникул от 27.9 до 10.10... Практически он будет Москве первых числах Октября»).

Господин Маурер в этом же письме впервые сообщает, что консультировался со «специалистами» — на следствии Франсуа де Перрего расскажет, что консультацию давало столь авторитетное учреждение, как находящийся в Берне «Восточный институт» с доктором Петером Загером во главе. Это крупный «советолог», специалист по антикоммунизму, он возглавляет институт, издающий газету «Цейтбильд», охотно предоставляющую свои страницы для всяких антисоветских измышлений. Маурер передает другу замечания и советы консультантов из «Восточного института» — видать, большие мастера своего дела!

«— План звучит вероятным, но только благодаря снотворному.

— СНОТВОРНОЕ должно быть из СССР (это мне кажется слишком осторожным; но он думал (он — это «консультант» из «Восточного института», которому в таких делах и карты в руки.— Авторы)... об анализах или стакана, или швейцарца (кровь, желудок).

— Кроме одежды, особенно твоя ОБУВЬ должна быть совсем западным; кажется, это «один пункт», на который внимательно смотрят. Чехословацкая обувь тоже хороша.

— Иметь такой галстук в виде пропеллера, как на фото. Это делает тоже западным. Можно тебе привести.

— Внимание на язык. Существует дьявольский метод узнать о родном языке: тебе по-русски кричат: «Внимание, пепель моей папиросы. И Вас горит!» Или: «Падает кирпич...» Или... И ты отвечаешь — тоже по-русски! Реагируешь!

— Надо иметь маленький французский словарь... Но, наоборот, МОЛЧА ты хорошо будешь швейцарцем: если надо, ты объясняешь твой английский язык тем, что ты родился швейцарцем за границей, что вполне естественно, напр. в Англии.

— Надо, как заметил вначале, уничтожить все бумаги относительно нашего дела до отъезда.

— Чтобы факт, что тебя нет на факультете и в общежитии, не заметили как можно дольше, до встречи со швейцарцем там говорить о поезде к твоим, или что-нибудь в том роде.

— При встрече со швейцарцем этот должен... тебе показать, где он хранит свои бумаги».

Итак, близок час побега. Дима нервничает. На какое-то мгновение мелькает мысль: а если провалюсь? Нет, нет, он твердо решил бежать. В день получения из Берна радостной вести — 17 сентября — он записал в своем дневнике: «Две недели?.. Неужели... Достаточно ли у меня

* Почти все письма написаны по-русски, и мы цитируем их с соблюдением авторского стиля.

Окончание. Начало см. в №№ 34, 35.

мужества и решимости? Да. Не буду ли я раскаиваться в случае неудачи? Нет. Надо бежать сейчас, немедленно». И тут же мчится к своим друзьям Шахназаровым. Теперь он уже может сообщить им подробности плана и даже ориентировочное время побега. Пройдет три дня, и Шахназаров придет к Михееву в Дом студентов МГУ: надо душевно поддержать товарища в столь решающий час! Разговор идет все о том же. Михеев подчеркивает: он решил изменить Родине по политическим мотивам. Никакого тумана Дима напускать не хочет: как «мыслящий человек», он «задыхается» от отсутствия «духовной свободы».

События разворачиваются быстро. 26 сентября Михеев получает через Фогельмана еще одно письмо от Маурера. Де Перрего дал окончательное согласие и назвал ориентировочную дату прилета в Москву из Хельсинки на пути в Вену. Рудольф рекомендует уничтожить все, что относится к организации побега (как он, Дима, будет потом жалеть, что не послушался опытного друга — тот ведь знает, что к чему...). Прилетев в Вену, Михеев может остановиться у некоего Николая Филипповича, который затем отправит его в Берн.

Михеев срочно уведомляет друга. Письмо получил. К побегу готов. Решение изменить Родине принято им «сознательно и твердо», оно является не «экстравагантной выходкой, а логическим венцом предыдущего развития». Передав это письмо Карлу — он «главный связист» диппочты,— Дима садится за дневник. Идет разговор с самим собой. А таможня, а паспортный контроль? Сумеет ли он сохранить спокойствие, выдержку? «Я должен совершенно ощутить себя иностранцем. Представить, что я приезжаю сюда уже не первый раз, что за моей спиной стоит свободная и гордая страна (Михеев имеет в виду Швейцарию.— Авторы), которая будет защищать меня, то есть держаться надо уверенно и спокойно».

А может, предварительно «проиграть» всю эту операцию в условиях, приближенных к действительности? И через день он едет в Шереметьево провожать знакомую итальянку Рафаэллу Сетти, переводчицу с выставки «Химия-70». Михеев ловко проникает в зал для иностранных граждан — граница уже позади,— знакомится со всеми стадиями оформления документов улетающих иностранцев, с порядком прохождения таможенного и паспортного контроля. Он вернется домой в приподнятом настроении, и в его дневнике появится запись: «Сегодня было два важных события. Первое — я побывал на будущем театре действий. Я убедился в реальности и в том, что я должен это сделать. Я видел своими глазами все стадии и уверен, что я смогу сыграть роль успешно. Даже сегодня, хотя я был не в 100% форме, я вполне проникал туда, куда путь простым советским смертным закрыт».

...Прощальный визит к закадычным друзьям — к Славе и Оле. Он предупреждает их:

— Если мне удастся улететь, вам сообщит об этом мой знакомый иностранец по имени Карл.

Утром 1 октября Михеев через Карла получил от Маурера последнее письмо. Отличные вести из Берна! Сегодня вечером Франсуа прибудет в Москву самолетом из Хельсинки. В гостинице «Украина» ему забронирован номер. К сожалению, де Перрего приобрел билет на самолет «Аэрофлота». Хорошо бы «перекантоваться» на самолет австрийской авиакомпании. Записка к ее представителю в Москве прилагается. Заманчиво, но опасно: к чему посвящать в их «дело» еще одного человека. Нет, не надо! На том они и порешили — Дима и Карл... И тут же занялись последними приготовлениями. Фогельман получает от Михеева 163 доллара и уже подготовленные для отправки за границу, домой к Фогельману, тщательно упакованные две папки и пакет. В них — «ценности» огромные: дневники, сочинения Михеева, различные антисоветские записи, второй экземпляр машинописного плана побега, переписка Димы и Руди, аспирантские работы по физике, личные письма к родным. Все заранее продумано — для того и одалживалась машинка у соседа, чтобы оставлять себе копии писем, документов. Это страницы будущих пасквилей, которые по дорогой цене он продаст за рубежом. Сейчас все эти михеевские богатства фигурируют в деле под прозаическим названием — вещественные доказательства.

...Часов в семь вечера в квартире Фогельмана раздался телефонный звонок. Франсуа звонил с аэродрома — так было условлено.

— Я нахожусь в Москве.

— Отлично. Господин Михеев ждет вас в гостинице...

В десять часов вечера состоялась их первая встреча — господина Франсуа де Перрего и Михеева. Они встретились в пивном баре гостиницы. Было там шумно, многолюдно, но «двойники» сразу узнали друг друга — по фотографиям. Де Перрего деликатно спросил:

— Вы не раздумали, господин Михеев?

— О нет! Я готов... Я безмерно благодарен вам, господин де Перрего... Я считаю, сколько часов осталось...

— Послушайте, господин Михеев, а почему бы вам не уехать за границу официальным путем?

Дима иронически улыбнулся:

— Это очень сложно... И моя политическая репутация слишком замарана. Я это знаю...

— А вы уверены в благополучном исходе нашей операции? Вы считаете достаточным наше сходство для прохождения паспортного контроля?— И в голосе его прозвучали нотки тревожных сомнений.

Михеев поспешил успокоить швейцарца:

— Сходство вполне достаточное. Все будет хорошо...

— Значит, вы твердо решили бежать, господин Михеев?

— Да, конечно... Твердо.

Потом они вышли из гостиницы подышать свежим воздухом. Дул резкий, холодный, осенний ветер. Поеживаясь, «двойники» прогуливались по Кутузовскому проспекту. Де Перрего боязливо оглядывался по сторонам, но не решался признаться, что ему страшно. Он сослался на болезнь и предложил разойтись по домам, чтобы завтра в полдень вновь встретиться в гостинице.

С утра к Диме примчался его главный консультант, Карл. Они вместе позавтракали и вместе обсуждали детали заключительного этапа операции. Дима беспокоился: а что, если Франсуа в последний момент дрогнет? Ему показалось, что швейцарец боится провала, не уверен в их сходстве... Карл должен встретиться с ним, подбодрить его... Ну что же, «добрый Карл» и на это готов.

— Вечером мы втроем встретимся у меня дома.— Фогельман имеет в виду квартиру дипломата Отто Визнера — надежное убежище для подобного рода свиданий.

Днем Михеев поехал в гостиницу. Теперь Франсуа уже не так нервничал, как вчера. И вся «операция» выглядела в его представлении не такой уж безнадежной. Они изъяснялись по-английски, говорили друг другу приятные слова, и, глядя на них со стороны, можно было подумать — закадычные друзья, туристы-иностранцы. Дима и Франсуа поднялись на один этаж, другой, стараясь не привлекать внимания служащих. Побывали в нескольких холлах и наконец выбрали самый уединенный: здесь они завтра разыграют сцену «усыпления» иностранца. А пока...

— Дорогой Франсуа, я должен вам показать Москву... Чудесный город!..

Готовясь к побегу за границу, Михеев показывает своему сообщнику достопримечательности Москвы, произносит какие-то напыщенные слова — он всегда был любителем красивых фраз — о красоте и величии столицы Советского Союза...

Вечер они провели втроем — Карл, Дима и Франсуа — на квартире дипломата. Тот уехал куда-то на званый ужин, и пировали без хозяина. Пили, закусывали и занимались делом. Вся операция была проиграна поминутно. Франсуа показывал Диме свой заграничный паспорт, визу, авиабилет, показывал и комментировал, объяснял, как, где, что надо предъявлять в аэропорту Шереметьево. Потом достал из кармана несколько бланков таможенных деклараций — он прихватил их на всякий случай — и стал обучать:

— Вот так, господин Михеев, будете заполнять их...

Дело немудреное. Это он освоил быстро. А вот с подделкой подписи — тут пришлось попыхтеть. Но на 15-й или 20-й раз получилось «точь-в-точь».

— Вот видите, господин де Перрего, все получается о'кей! Подписи не отличишь... Посмотришь на ваши фотографии... братья-близнецы,— хихикал Карл, успокаивая швейцарца.

Правда, родинка на носу Михеева не нашла своего «двойника» на фотографии де Перрего. Но не беда... Руди и эту деталь предусмотрел — нос получился на фото несколько смазанным... В общем, Франсуа уже не терзают сомнения. И когда часов в двенадцать ночи они расходились по домам, де Перрего тоже сказал:

— Все получается о'кей, господа!..

...3 октября. До заветного прыжка из одного мира в другой остались считанные часы. С утра Карл уже у Димы. Есть еще кое-какие делишки... Дима передал ему свои личные документы — паспорт, военный билет, удостоверение аспиранта МГУ: оборвана последняя ниточка, что еще связывала Михеева с отчим домом. А вместе с документами — грампластинки (сколько их у Михеева!), фотографии, работы по физике, список знакомых, проживающих в СССР и за его рубежами (там, за рубежом, все пойдет в дело). Заранее подготовлена записка: домашний адрес, номер телефона Великанова и Ступаковой. Записка эта тоже вручена Карлу.

— А теперь внимательно слушайте мои последние распоряжения.

Их немного. В случае, если Михеев благополучно пройдет паспортный и таможенный контроль, Дима уже из аэропорта позвонит Карлу на квартиру: «Все хорошо». И тогда Фогельман позвонит Великанову или Ступаковой и, не называя своего имени, скажет: «Михеев улетел в Австрию...» Так они узнают о свершившемся.

— А если моего звонка не последует...

Дима тяжело вздохнул, сник, помрачнел.

— О, то не есть возможно!— воскликнул бодрячок Карл.— Все будет хорошо.

— Вы слушайте меня, Карл... Повторяю: если звонка не последует, значит, конец... Провалились... Тогда пойдете в Дом студентов и опустите все эти документы в мой почтовый ящик.— Он кивнул на паспорт, военный билет...

— А теперь до свидания, Карл... До встречи в Вене...

И они трогательно попрощались — друзья-сообщники...

...В час дня Михеев приветствовал де Перрего в холле гостиницы «Украина». Швейцарец оставил тут свой саквояж, папку, фотоаппарат, и они поднялись на второй этаж, в заранее облюбованный ими, уединенный холл. Михеев прихватил бутылку воды, несколько пирожных. «Двойники» пили «боржом» и ели эклеры... Через несколько минут Франсуа поднялся с места и сказал: «Прошу прощения»,— он направился в туалетную комнату, оставив друга в одиночестве,— все шло по плану. Дима оглянулся по сторонам — тихо, безлюдно. Он достал из кармана снотворный порошок и всыпал его в стакан Франсуа. Это на случай, если иностранцу не поверят, что его «усыпили», и решат сделать химический анализ стакана: «Извольте — вот следы снотворного». Но порошок почему-то сразу не растворился, продолжал плавать на поверхности воды. У Михеева дрожат пальцы. Он растерянно смотрит по сторонам: «Что делать?» Хватает стакан и бежит в ближайшую туалетную комнату, чтобы вылить воду в унитаз. Возвращается. Франсуа все еще не видно. А если сбежал? Нет, нет... Дима не допускает такой мысли. Действовать. Энергично. Смело. Где Франсуа? Вот он. Явился. Не сбежал. Принес галстук-«бабочку» — это для полного сходства с фотографией на паспорте де Перрего. Молодец. Не забыл. Дима сбивчиво объясняет, что порошок не растворился.

— Франсуа, у вас тоже должно быть снотворное. Где оно?

— Я его уничтожил. Так велел Маурер. Он сказал: порошок должен быть советским.

Все еще дрожащими пальцами Михеев высыпает в стакан оставшиеся на бумажке крошки снотворного.

— Не беспокойтесь, Франсуа... Этого вполне достаточно для анализа... Теперь возьмите это...— И Михеев положил на стол книгу и пачку граммофонных пластинок.

Тоже мера предосторожности. Франсуа покажет русской милиции книгу, пластинки и скажет: «Со мной познакомился молодой русский человек, который назвал себя Алексом... Смотрите, вот его роспись... Алекс...— И Франсуа ткнет пальцем в дарственные надписи на книге и на футляре для пластинок.— Ловкая проделка мошенника... У вас их, кажется, называют фарцовщиками... Он усыпил меня, чтобы украсть документы и авиабилет...»

...Склонив голову набок, тихо и нежно посапывая, Франсуа блестяще имитировал спящего. Он «проснулся» лишь тогда, когда, по его расчетам, Михеев уже должен был выходить из самолета, приземлившегося в Венском аэропорту. Швейцарец торопливо спустился вниз, в холл. Его вещей здесь не было: как и

было задумано, их прихватил Михеев. Де Перрего бросился к телефону звонить в посольство. Но сегодня воскресенье. Кроме дежурной, никого нет. Он сбивчиво говорит ей, что у него украли паспорт и авиабилет, и просит срочно сообщить о случившемся консулу. Но этого недостаточно для того, чтобы все выглядело правдоподобно. Надо срочно что-то предпринимать. Заявить в милицию, бить тревогу... Возмущаться, негодовать... Швейцарец вышел на улицу. Метнулся в одну сторону, другую. Куда идти?..

— Вам придется последовать за мной, господин де Перрего...

Он испуганно посмотрел на стоявшего рядом с ним молодого человека. Швейцарцу еще не дано было знать, как развивались описанные нами события в аэропорту Шереметьево. Он узнает об этом позже, когда в качестве обвиняемого будет давать показания следователю Комитета государственной безопасности.

— Что побудило вас принять участие в этой преступной операции?

И де Перрего, завершивший свой вояж в тюремной камере, тихо, не поднимая головы, неохотно скажет:

— Жадность... Обыкновенная человеческая жадность... Я давно мечтал побывать в Москве, увидеть ее собственными глазами... Маурер сказал мне, что я могу это сделать бесплатно. За его счет... Будь он проклят!..

И тут же хитрит: у него «врожденная» аполитичность, он действовал непреднамеренно, он просто обыватель, решивший бесплатно прокатиться в Москву...

А с Карлом следователям пришлось повозиться. Правду он выдавал микродозами, не желая сдать в КГБ все, что ему было вручено Михеевым, умалчивая о тех пакетах, которые получил от Димы 1 октября для отправки их в Австрию.

— Больше у меня ничего нет... Вот разве еще его паспорт, военный билет... Некоторые документы... Фотографии... Я это все делал из самых добрых чувств...— И болтливый Фогельман распинается по поводу своей человечности, гуманности и... аполитичности. Ему чужда политика, его интересует великая русская литература — Толстой, Достоевский, Горький...

— Неправда, господин Фогельман. Вы нам не все отдали... Сегодня мы с вами беседуем, как со свидетелем. Но вы ведете себя так, что неизвестно, в каком качестве окажетесь завтра...

И «доброму Карлу», который все еще продолжает разыгрывать роль «бескорыстного», «не преследующего никаких политических целей», «интеллигентного», «человеколюбивого» господина, становится ясно: он легко может перейти со скамьи свидетелей на скамью обвиняемых. И Фогельман бежит в посольство: «Караул!» А уже на следующем допросе он заявит:

— Я связался со своим другом в Вене, на имя которого отправил все пакеты, переданные мне Михеевым. Через несколько дней они прибудут в Москву дипломатической почтой... Я передам их вам...

16 октября эти пакеты были сданы следователям КГБ. Теперь можно предъявить Михееву и вещественные доказательства. И притом весьма весомые, неоспоримые...

* * *

Несколько дней длился суд над Дмитрием Михеевым и Франсуа де Перрего. Перед судом стоит подтянутый, чисто выбритый молодой человек, стоит растерянный, обескураженный, старается не смотреть в глаза судьям, прокурору, людям, сидящим в зале. Стыдно! Поздно, но все же пришли эти чувства: стыд и раскаяние. Стыд и сознание собственного ничтожества. Как карточный домик, рухнули его «идейные бастионы». Ему тяжело говорить это, но он вынужден признаться:

— Я не знал жизни, заблуждался, поверил вот этим писаниям...— Он неопределенно кивнул головой в ту сторону, где, должно быть, лежали вещественные доказательства: переснятые на фотопленки страницы антисоветских книг, журналов...

Мы слушаем показания Михеева, историю его грехопадения, стыдливые признания нашкодившего — и про то, как запутался в сетях, ловко заброшенных нашими зарубежными идеологическими противниками, и про то, как, одержимый мечтой о роскошной жизни на Западе, спекулировал магнитофоном, проигрывателем, скупал по спекулятивным ценам доллары, а главное, тайно переправлял свои самые большие «ценности» — антисоветские дневники и сочинения, документы, все то, за что надеялся получить большие гонорары; и про то, как был куплен Франсуа де Перрего, куплен на деньги сына полковника иностранной контрразведки. Нет, не идеи — деньги играли первую скрипку во всем этом концерте, тщательно разыгранном зарубежными дирижерами и закончившемся в конце концов трагедией для него, для матери, для близких. И не желание «спасти Россию», а мечта о «собственной вилле» на берегу озера двигала им. Так выяснилось на суде...

Задаются вопросы, следуют ответы. Предъявляются вещественные доказательства. И он, Михеев, предстает перед судом мелкой личностью, с болезненным самомнением и болезненной жаждой славы, денег. Никакой он не борец, а тем более идейный борец. Невежественный молодой человек, мало что читавший, если не считать антисоветскую стряпню, мало что знавший и видевший. Король оказался голым! Романтический ореол «интеллектуального бунтаря» развеян. Он сам развеял его, сам «раздел» себя, когда стал рассказывать, как все это было...

Долгим и трудным был путь к полному признанию собственной вины, всех преступных деяний, свершенных им. Мы слушали речи прокурора, адвокатов, заключительное слово Михеева и вспоминали рассказ старшего следователя КГБ.

...Ночь, хлещет дождь, неистовствует ураганный ветер. «Волга» мчится из Шереметьева через весь город, притихший, безлюдный. В машине сидит Михеев. За всю дорогу он не проронил ни слова. Молчит. Зло молчит. И зло поглядывает на сотрудника КГБ. На первом допросе Михеев отвечал дерзко, не скрывая враждебного отношения к Советской власти, настаивая на своей лживой версии.

— Я случайно встретил в гостинице «Украина» иностранца, похожего на меня... Усыпил его, украл документы, авиабилет и пытался убежать из СССР...

Все произошло «случайно»...

Он надеялся, что следователям неизвестно самое главное — голос его поганенькой душонки, неизвестны его дневники, сочинения, «духовные богатства» — изданные грязными руками зарубежных антисоветчиков книги, фальшивки, листовки... Он не терял надежды: может, удастся скрыть глубину своего падения. «Случайно познакомился с Карлом... Случайно встретил... Случайно усыпил...» Он не знал, что де Перрего уже во всем сознался, что уже идет допрос «доброго Карла». Ему не говорят об этом. Это была тактика опытного следователя. Но однажды перед Михеевым «по ошибке» на мгновение открыли дверь не того кабинета. И вдруг он увидел, что в углу, за таким же маленьким столиком, за каким вчера он сам сидел, сидит Карл Фогельман. Расчет следователей был снайперски точным. «Случайно» увидев Фогельмана, Михеев понял: лгать бесполезно. Но следователь долго еще не предъявлял ему добровольно переданные Фогельманом в КГБ обвинительные вещественные доказательства. Шел трудный, терпеливый разговор следователя-коммуниста со свихнувшимся молодым человеком, напичканным антисоветчиной, с молодым человеком, не знающим жизни, но возомнившим себя «интеллектуалом» высшего класса, стоящим над «серой» массой. Их разговор — спокойный, вежливый — порой напоминал беседу терпеливого учителя с дерзким, нашкодившим учеником. Оказалось, что «спасителю России» неведомы азы нашего бытия.

— Скажите, Михеев, а вы читали в «Правде»...

И вдруг выясняется: он уже более года не читал ни одной советской газеты, видимо, полагая, что их могут заменить «радиоголоса» или «самиздатовские» сочинения. Когда факт этот был установлен на суде,— Михеев заявил, что советские газеты после очень длительного перерыва он начал читать только в тюрьме,— по залу пронесся глухой рокот...

...Михеев долго не называл (из чувства ложного товарищества) человека, от которого получал антисоветскую литературу, не называл своего лучшего друга — Славу. Наконец он все же назвал его, поняв, что наступила пора признаваться во всем. Идет очная ставка. Слава все отрицает и заявляет:

— Я не мог вести с Михеевым политических разговоров хотя бы потому, что он тут абсолютный профан, дилетант — и в области философии и в области политики.— И окидывает Михеева взглядом, полным презрения.

Позже Михеев скажет о крушении веры в товарищество, честность друга, готовность отвечать за свои поступки: «А я-то думал, что Слава боец... А он... А я...»

Следователь не только уличал Михеева в свершенных им деяниях, он наносил удар за ударом по его идейным позициям.

— Вы сами зачитывались и друзьям давали читать клеветническую книгу Авторханова «Технология власти». Вам что-нибудь известно об авторе?

— Ничего не известно...

— Жаль. Я допрашивал одного ярого врага Советской власти, Карнуту, работавшего в американской разведывательной школе. Он давно уже осужден. Но в ходе допроса всплыли некоторые обстоятельства жизни коллеги Карнуты,— коллега этот возглавлял в школе кафедру, преподавал историю России и СССР. Его фамилия Авторханов...

И следователь развенчивает михеевского кумира — вот он кто такой, господин Авторханов, он же Александров, он же Кунта. В годы войны дезертировал из Советской Армии. Будучи по национальности чеченцем, издавал на оккупированной территории газету с таким эпиграфом: «Аллах — над нами, Гитлер — рядом с нами». Затем служил в гитлеровской контрразведке, выдавал гестапо советских подпольщиков, коммунистов, комсомольцев, активистов. Словом, у Авторханова руки по самые локти в крови. Когда наступающая Советская Армия подошла к тем местам, где развил свою деятельность Авторханов, он поспешил убраться на Запад вместе с хозяевами. Перед самым окончанием войны Авторханов пристроился в лагерь военнопленных под Миттенвальдом, надеясь переждать там трудные времена. Однако для него эти трудные времена миновали довольно быстро. В скором времени в городке Гармиш-Партенкирхен открылась американская разведшкола. Авторханова приглашают читать лекции по истории СССР и КПСС в разведшколу и зачисляют его в штат под именем Кунта. Вот этот-то предатель, на совести которого сотни загубленных жизней борцов с фашизмом, ныне чувствует себя в безопасности под крылышком ЦРУ и пишет книги, в которых клевещет на своих соотечественников, чернит свою бывшую Родину.

...Это не Авторханова развенчивал следователь, а его, Михеева, он развенчивал. Вот ты каков, «борец» за «демократию», вот за какую «власть» ратовал — власть авторхановых! Ему, Михееву, тяжко в этом сознаваться, отвечая на прямые вопросы — сперва следователя, а потом прокурора. Но он вынужден сознаваться. В ходе следствия и суда рушатся его идейные «укрепления», низвергаются с «почетных пьедесталов» михеевские кумиры. Те, кому он верил, кого боготворил, оказались подонками, нечистью, отбросами на свалке истории. И он — рядом с ними.

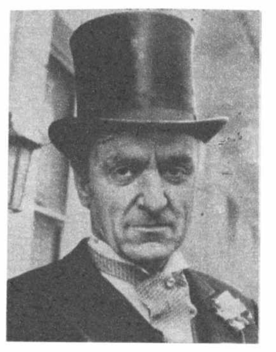
Развенчанный «герой», «борец за свободу» стоит перед судом голеньким, ничтожным, мелким человечишкой, возомнившим себя «властителем дум» молодежи. Он во всем признался. Он уже не ищет оправданий своим преступным деяниям. Он тяжело, медленно говорит:

— Я хочу заявить, что месяцы, прошедшие со дня моего ареста, были самыми значительными в моей жизни. Я имею в виду формирование моих взглядов на жизнь вообще и на нашу советскую действительность в частности. После многочисленных бесед со следователем и прокурором я увидел мир в его истинном свете и смог полностью переоценить свою прежнюю систему взглядов, которая и толкнула меня на преступление против Родины... Я пришел к твердому убеждению, что не смог бы жить вдали от Родины, от родителей и вообще от всего русского. Мне тяжело сейчас думать о том, что на Западе я мог быть вовлечен в антисоветскую деятельность... Я глубоко раскаиваюсь...

Стоит тишина в зале. Но бывает и такая тишина, что подобна грому небесному. Это когда судит народ. Когда он молча выносит свой суровый приговор сыну, предавшему мать, отца, братьев, сестер, друзей...

* * *

Народный суд воздал по заслугам и Д. Михееву и Франсуа де Перрего.

Эрик Портер — Сомс.

Найри Дон Портер — Ирэн.

АНГЛИЧАНЕ ПОКАЗЫВАЮТ «САГУ»

Когда в телевизионных программах появилось объявление о том, что в ближайшее время начинается демонстрация английского телефильма «Сага о Форсайтах» в двадцати шести сериях, многие отнеслись к этому скептически. Продержать в течение почти целого месяца современного, уже достаточно избалованного зрителя у экрана телевизора казалось невероятным. Да еще когда речь шла не о каком-то «сногсшибательном» детективе, а о таком серьезном монументальном произведении, как серия романов Джона Голсуорси.

Но первые же дни показали, что все опасения были напрасны.

Драматическое мастерство Дональда Уилсона, блистательный подбор актеров: Эрик Портер (Сомс), Найри Дон Портер (Ирэн), Маргарет Тайзек (Уинифрид), Николас Пеннел (Майкл Монт), Кеннет Мор (Джолион) и другие,— внутренний драматизм каждой серии, представляющей законченное произведение киноискусства и вместе с тем вызывающей желание непременно увидеть продолжение,— все это стало основой безусловного успеха этой интересной экранизации, с каждым днем завоевывающей все большее число зрителей. Казалось, что «вирусом» «Саги» заражены все. Разговоры о ней можно было услышать повсюду: в автобусах, в метро, на работе.

Мнения «болельщиков» не всегда совпадали. Одни считали, что образ Сомса слишком приукрашен. В романе это стяжатель, собственник. В исполнении же Эрика Портера он вызывает только симпатию. Его сухость и черствость превращаются здесь в особо привлекательную мужскую сдержанность. Это целостная, законченная натура с сильным, волевым характером, и вместе с тем Сомс — Портер трогательно заботливый сын и брат в отношениях с отцом и Уинифрид. Подкупает он и настойчивой верностью своей единственной любви и беспредельной заботливостью о дочери, ради которой он в конце концов пожертвовал жизнью.

Образ Ирэн, созданный Найри Дон Портер, также вызвал много споров. Логична ли ее жестокость и нетерпимость в истории любви Джона и Флер? Ведь еще совсем недавно зритель видел Ирэн страдающей, беспомощной, одинокой в мире корыстолюбия и наживы. И хотя в романе характер этой ослепительно красивой женщины тоже достаточно противоречив, все же у Голсуорси этот переход от жертвы собственнического мира к носительнице его же устоев сделан мягче.

Споры вызывали и другие частности этой экранизации. Но важно и бесспорно одно. Создателям фильма удалось показать достаточно развернутую и убедительную картину общественной жизни викторианской и послевоенной Англии. За личными трагедиями одной семьи зритель отчетливо видит эпоху, ощущает ее дух, замечает все изменения и колебания общественной мысли английского общества того времени.

Интерес к фильму огромен. И знатоки кино еще скажут свое слово. Но пока хочется только заметить, что успех этой экранизации прежде всего свидетельствует о безусловной тяге нашего советского зрителя к классическому наследию прошлого.

В. МОРОЗОВА

СТУПЕНИ МАСТЕРСТВА

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Тамара Синявская — Кончаковна в опере «Князь Игорь».

Повсюду в городе пестрят афиши оперных спектаклей, концертов, выступлений с именами артистов всемирно известных и тех, кто только-только вступил на путь искусства. Как часто слава, казалось, такая громкая, вдруг смолкает, и немногим удается пережить ее закат со спокойным достоинством, не поддаваясь скорби поражения, не впадая в беспомощную безразличность.

Да, по-разному складываются артистические судьбы. И когда после успеха, побед, аплодисментов приходит безвестность, она совсем не похожа на ту, с которой все и начиналось, но которая поддерживалась молодостью, верой в свои силы, радужными надеждами.

В характере артиста должна быть особая стойкость, крепость, воля, чтобы быть готовым к возможным поражениям, чтобы пережить их с достойной твердостью.

Эти размышления совершенно не претендуют на оригинальность, тем более что я достаточно ясно помню киноштампы, переходящие из картины в картину, когда в момент переживания героем кризиса своей артистической карьеры на экране, как символ его душевной драмы, появляется афиша, отзвук былых побед, трепещущая на ветру, ободранная, измокшая. Но в своем рассказе об одной артистической судьбе я никак не могу обойтись без упоминания об афишах, так как это значило бы изменить последовательность событий, исказить, так сказать, правду жизни.

Для встречи было назначено двенадцать часов пополудни, я пришла слишком рано и стояла у афишного стенда, дожидаясь условленного времени. А от нечего делать изучала объявления, рекламные плакаты, проспекты.

Подошла женщина с ведерком и длинной кистью, держа под мышкой свернутые в трубку афиши. Стала их наклеивать, сдирая прежние. И обнажились целые слои бурной концертной жизни, названия спектаклей сливались, обрывались на полуслове, я угадывала по этим обрывкам имена известных артистов, уехавших уже гастролеров, зарубежных трупп. Все это было совсем недавно, но стало уже прошлым. Новые выступления ожидались публикой, о новых именах извещали программы.

Я стояла, терпеливо ожидая двенадцати, и думала о предстоящей встрече с певицей, человеком, чей характер мне совершенно неведом, а биографические данные известны лишь в общедоступных пределах:

с 64-го года — работа в Большом театре;

в 68-м — Золотая медаль на конкурсе в Софии;

в 69-м — Гран-при на конкурсе в Бельгии;

в 70-м — первая премия и Золотая медаль на международном конкурсе имени П. И. Чайковского.

Имя — Тамара Синявская, возраст — двадцать восемь лет, голос — меццо-сопрано.

А легко ли было узнать в просто причесанной, по-домашнему одетой женщине, открывшей мне дверь, страстную Кончаковну из «Князя Игоря», комиссара из «Оптимистической трагедии»?!

Сложно говорить с профессионалом о его деле, но еще сложнее обрести в этом разговоре душевное расположение к собеседнику. Доброжелательный, спокойный взгляд живых карих глаз Тамары помог мне начать говорить, не тратя времени на пустые, формальные фразы.

Профессия певцов, как и всякая другая, имеет свои специфические особенности. Одна из них состоит в том, что даже самые опытные певцы нуждаются в контроле «постороннего» уха.

Потому для очень многих певцов общение со своим педагогом по вокалу не прекращается после окончания занятий в вузе, а продолжается и во время их концертной деятельности. Конечно, период ученичества проходит, и содружество ученика и педагога становится уже качественно иным, творческим. Так вышло у Синявской. Ее педагог, профессор Д. Б. Белявская, не только наблюдает за успехами своей ученицы, но и занимается с ней,

как занимались в вузе. Хотя временами даже ей, строгому, взыскательному профессионалу, трудно бывает, не поддаваясь обаянию артистизма Тамары, выискивать погрешности в ее исполнении. Но Тамара требовательна и ждет, жаждет замечаний. Вот тут-то и начинается самый интересный творческий поиск, увлекающий и педагога и ученицу.

Нет в искусстве той вершины совершенства, того пика, площадки, за которую можно ухватиться и победительно осмотреться вокруг. Такое возможно лишь для самодовольной посредственности, да там уже не вершины, а так, пригорок. Для истинного же художника путь к вершине нескончаем.

«Тамара уже достигла того уровня мастерства, какой позволяет в процессе пения не думать, ч т о, к у д а и к а к,— говорит Д. Б. Белявская.— Она уже умеет самостоятельно трудиться, ей все меньше и меньше требуется опека».

Эта похвала скромная, сдержанная, но достаточно веская в устах человека, пятьдесят лет посвятившего вокальному искусству, воспитавшего многих наших лауреатов, солистов, поющих на многих оперных сценах страны. А замечание о способности Тамары трудиться самостоятельно особенно важно. Так как не многие даже концертирующие певцы умеют работать самостоятельно, осмысленно, такая степень зрелости требует развития не только вокальных, то есть голосовых данных, но и так называемого «вокального ума».

Вокальный ум — это способность самого себя услышать, совсем не такая простая, как может показаться. Даже если наши непевческие голоса записать на магнитофон, мы улавливаем незнакомость их, происходящую не столько от несовершенства техники, сколько из-за нашего невладения «вокальным умом», неточного представления, памяти о звучании собственного голоса. Но если для нас, непевцов, подобное заблуждение неопасно, то для профессионала правильно услышать себя — задача номер один.

Я спросила у Тамары, не чувствовала ли она в пору первых лет профессионального обучения вокалу ограничения своей свободы в пении, не связывали ли ее все эти мудрые правила.

— Конечно,— ответила она.— Я, пожалуй, только теперь начинаю ощущать эти правила, законы как нечто органичное, неотделимое от самого певческого процесса. Знаю, помню, что и как надо сделать, но уже рефлекторно, подсознательно, не заслоняя этими чисто техническими трудностями более важных творческих задач. Когда, знаете, втолковывают тебе все эти правила, рассудком ты их понимаешь, а по-настоящему, сердечно еще не осознаешь. Вроде как рассказывают тебе про чью-то боль, ты переживаешь, сочувствуешь, но представить, какая она действительно, на самом деле, не можешь. Надо самой переболеть, чтобы понять. И я, кажется, только сейчас понимаю... А что такое свобода в момент пения, тоже не сразу разберешь. Я раньше, когда пела, руками размахивала, качалась. Педагоги говорили: «Привязывать тебя будем». Когда певец на эстраде руки разводит, это вовсе не значит, что ему так вольно и хорошо. Опору он ищет, руками себе помогает, а когда все по-настоящему отработано, и без рук можно обойтись. Вообще, я хочу петь, ну, как рыба плавает, чтобы только плавники чуть-чуть колебались, а сама спокойная-спокойная — вот это настоящая свобода!

Все мы знаем, что в оперном спектакле просто хорошего пения недостаточно, что для цельного сценического образа от певца требуется еще актерское мастерство, глубокое осмысление роли. Но не все певцы сочетают в себе вместе с вокальными данными еще и сценическое, актерское дарование. Я спросила у Тамары, что думает она об этом. Еще девочкой она мечтала стать актрисой. Потому, работая над оперными ариями, прежде всего ищет драматический стержень роли. Как бы играла в театре, так и поет в опере — добиваясь настоящего вживания в образ, стремясь к наиболее гармоничному слиянию актерских и вокальных задач.

Тамара сама говорит, что, приступая к работе над новой партией, знает, слышит, как д о л ж н а петь ее героиня, еще до того, как впервые сама запоет вслух. Это и дает ей возможность для того артистического перевоплощения, творческого, душевного слияния с исполняемым образом, какое рождает подлинное вдохновение артиста, власть его над зрительным залом.

Теперь, после разговора с Тамарой, я могу уже узнать в просто причесанной, скромно одетой женщине Ратмира из «Руслана», Фроську из «Семена Котко» — разнообразные сценические образы, разнообразные стороны, грани личности самой Синявской.

Я прошу ее напоследок сказать мне еще что-нибудь.

— Понимаете,— говорит она мне,— я в Большом с 64-го, уже седьмой год пою, но хожу туда не как на работу. А знаете,— она вздыхает,— как в Дом пионеров.

Прощаемся. Я думаю в лифте записать эту ее фразу. Но, впрочем, и так не забуду ее, и девочку из Дома пионеров, певшую в хоре Локтева, известную певицу, сохранившую в сердце своем детские песни, добрую память о всех, кто помог, научил ее петь и радовать других своим пением. Из первых сопрано в хоре она перешла во вторые альты, после долгого сопротивления, не желая смириться с неженственным, как ей казалось, некрасивым, низким своим голосом. Но Локтев сказал: «У тебя меццо, и надо учиться дальше».

Училище при консерватории, стажерская группа при Большом театре, ГИТИС, солистка, лауреатка — вот вехи артистического пути Т. Синявской. Красивейшее меццо, ведущие партии в Большом. И если она говорит, что ходит туда не как на работу, а как в Дом пионеров, так это потому, что научилась работать, трудиться еще в детстве, целеустремленно, ответственно, с доброй, искренней доверчивостью к помогающим, поддерживающим ее в этом людям. И хранить в себе благодарную память о них.

Трудно постороннему проникнуть в творимую в сознании артиста душу, задачи его и решения, трудно постигнуть законы индивидуального творческого процесса и в часовой беседе угадать сокровеннейшие черты человеческого характера. Можно только в общих чертах охватить его, только почувствовать к нему расположение, симпатию, готовность для новой, возможной встречи.

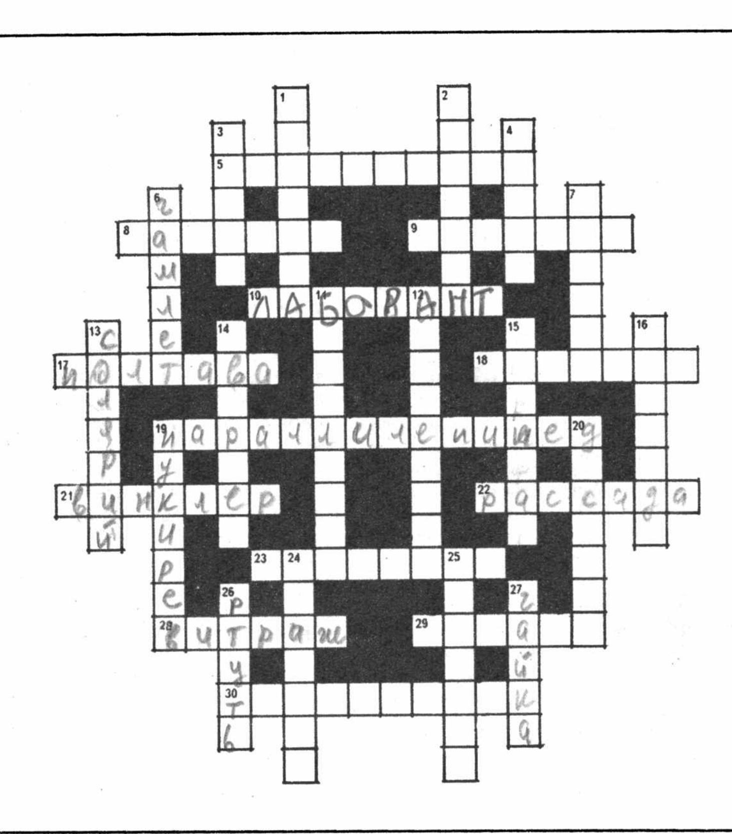
А встреча с артистом — главная, важнейшая — предстоит в театре, в концерте. И тогда уже не важно, как и какими усилиями добивался он свободы в своем исполнении, из каких сложных сплетений родилось в нем то, что именуется вдохновением.

Право зрителя — не задаваться раздумьями о путях постижения мастером его искусства. Обязанность мастера — творить свое искусство так, чтобы он и зал вдохновились единой душой, единой страстью, чтобы объединяла их благородная власть искусства.

И всем нам должно быть знакомо то удивительное, редкое ощущение с о п е р е ж и в а н и я, когда от печальной песни слезы навертываются на глаза, когда ее скорбь становится выше, главнее нашей личной, собственной скорби. Когда мы вдруг чувствуем давящую тяжесть на сердце и облегчение, приходящее после. Когда нам кажется, будто с каждой нотой песни уходит все дурное, что было у нас на сердце, и страстная, высокая печаль мелодии захватывает, поднимает нас.

Вдохновение, артистизм певца позволяют нам доглядеть, додумать целостный сценический образ, рождают в нас п р е д с т а в л е н и е, часто не нуждающееся в условном подспорье декораций и костюмов. Оперное искусство, сохраняя древнюю, глубинную, самой природой заложенную в человеке потребность выразить чувства песней, ставит новые, более сложные задачи «поющей души», требует уже иного вдохновенного артистизма — артистического перевоплощения. Тогда мы, слушатели, не только слышим красивый голос, но и у з н а е м, что именно так должна петь Любаша, Кончаковна, женщина-комиссар из «Оптимистической трагедии».

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Советский композитор. 8. Русский писатель. 9. Город в Болгарии. 10. Сотрудник научного учреждения. 17. Поэма А. С. Пушкина. 18. Старинный экипаж. 19. Четырехугольник. 21. Немецкий химик, открывший элемент германий. 22. Растение, выращиваемое для пересадки. 23. Водопад в Южной Африке. 28. Картина или узор из цветных стекол. 29. Музыкальный интервал. 30. Полупроводниковый триод.

По вертикали: 1. Приток Ангары. 2. Советский писатель. 3. Стиль в архитектуре. 4. Штат США. 6. Трагедия Шекспира. 7. Одна из географических координат. 11. Вечнозеленый кустарник. 12. Прибор для измерения скорости ветра. 13. Место для приема солнечных ванн. 14. Басня И. А. Крылова. 15. Женское платье. 16. Плоскодонное судно. 19. Автор картины «Неравный брак». 20. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 24. Река в Бирме. 25. Областной центр в РСФСР. 26. Жидкий металл. 27. Морская полярная птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 1. Короленко. 5. Майолика. 6. Спринтер. 11. Рулон. 12. Колонна. 13. Диаметр. 14. Пинск. 16. «Кирилка». 17. Клязьма. 21. Ворон. 24. Кантеле. 25. Папирус. 26. Терем. 28. Карболит. 29. «Аленушка». 30. Статуэтка.

По вертикали: 1. Калитина. 2. Ректор. 3. Нептун. 4. Огинский. 5. Мрамор. 7. Реестр. 8. Поляна. 9. Амортизатор. 10. Нумизматика. 14. Псков. 15. Кулон. 18. Урарту. 19. Барсук. 20. Иллинойс. 22. Вагранка. 23. Купала. 26. Тоника. 27. Матлот.

Н а п е р в о й с т р а н и ц е о б л о ж к и: К 750-летнему юбилею города Горького вновь открыта некогда знаменитая нижегородская ярмарка. Эти девушки — коробейники и продавцы.
Н а п о с л е д н е й с т р а н и ц е о б л о ж к и: Город Горький. Кремль.

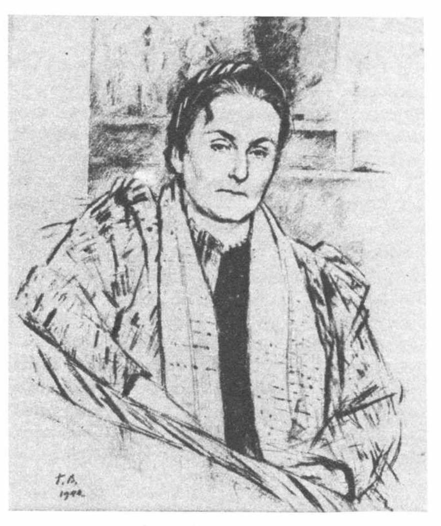
Фото Л. Шерстенникова.

А. С. Голубкина (1864—1927). Рисунок Н. Ульянова.

В. И. Мухина (1889—1953). Автолитография Г. Верейского.

С. Д. Лебедева (1892—1967). Автолитография Г. Верейского.

ТРИ МАСТЕРА

Сергей КОНЕНКОВ

Август щедрого на урожаи нынешнего лета, лета 1971 года, был отмечен и ярким событием в нашей культурной жизни. В Москве, в выставочных залах Академии художеств СССР, состоялся показ избранных произведений трех русских скульпторов, трех выдающихся женщин России — Анны Семеновны Голубкиной, Веры Игнатьевны Мухиной и Сарры Дмитриевны Лебедевой. Эта экспозиция, прежде чем оказаться в поле внимания москвичей и многочисленных поклонников древнего искусства ваяния из многих мест нашей необъятной страны, была развернута в Музее Родена в Париже. С 5 мая по 14 июля парижане с неослабевающим интересом знакомились с выставкой «Три советских скульптора», которая вовсе не случайно оказалась в Доме Родена.

В мастерской Огюста Родена работала Анна Голубкина. Ученик Родена, Бурделль, был любимым учителем Веры Мухиной. Сарра Лебедева получила первоначальное художественное воспитание в школе Леонида Владимировича Шервуда, учившегося в Париже и испытавшего сильное влияние Родена.

Не найдя удовлетворения высоким запросам своей души в Петербургской Академии художеств, в Париж, в мастерскую Родена, от мертвенных, застылых схем изжившего себя классицизма к мятежному французу, стремившемуся в вечных материалах запечатлеть движение плоти и духа, приехала Анна Голубкина. Ее талант, развитый, зрелый, нуждался в утверждении именно в такой среде. Неукротимый темперамент Родена-творца воспламенял, будоражил мысль и чувства, открывал в скульптуре все новые и новые выразительные возможности, опровергая рассчитанное «равновесие» — статику «академистов». Но Голубкина никогда не была исполнительной ученицей. Она шла своей дорогой, преодолевая такие трудности, с которыми дано справиться только гениальному человеку, сознающему свое предназначение.

Много лет мы с Анной Семеновной знали друг друга. В 1892 году я поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и оказался в скульптурной мастерской профессора Сергея Ивановича Иванова. Голубкина тогда уже занималась у Иванова второй год. В мастерской стояли ее работы, отлитые в гипсе. Голубкина была известна всем в училище, и будущие живописцы и архитекторы приходили любоваться бюстами ее работы. Ученичества в ее творчестве не было уже тогда. Меня поразили ее скульптурные портреты. Вместе с нами, ее товарищами по учебе, даровитостью Голубкиной восхищался и Сергей Иванович.

Работала Анна Семеновна энергично, напористо. Смотрела на натуру по-особому, проникая как бы внутрь натуры и находя в ней что-то особенное. Лепить бралась не всякую модель, а только ту, которая чем-либо привлекала ее.

Выставку в Академии художеств открывал «Портрет деда». В нем голубкинская проникновенность, страстная любовь к человеку, точность и, я бы сказал, утонченность лепки. В нем — то общее, что роднит нас с нею,— русская крестьянская сущность. Скромность и мудрость наших деревенских родичей была понята, прочувствована Голубкиной так исчерпывающе глубоко, что когда в 1901 году я вырубал в дереве портрет отца, то не мог не помнить ее уроков, уроков моего старшего товарища.

Скульптурная мастерская, где мы под руководством Сергея Ивановича Иванова постигали премудрости нашей древней профессии, находилась во дворе училища. Это было большое деревянное строение с верхним боковым светом с северной стороны. Каждого, кто входил в эту обитель трудов и вдохновенья, поражало изобилие света. Все значительное пространство мастерской заполняли гипсовые копии с античных статуй. Обстановка для работы была идеальной.

Мы лепили обычно с большим вниманием, в полной тишине. Анна Семеновна у станка была серьезна и строга. В окружении торжественного хора гипсовых героев античности ее высокая, стройная фигура в черном представлялась почти неземной: будто мифическая древняя пророчица Сивилла поселилась в нашей мастерской. Иногда Голубкина забиралась по стоящей у стены лестнице к потолку мастерской и подолгу сидела там в задумчивости.

Мы, младшие ее сверстники (она на десять лет меня старше), спрашивали:

— Для чего это вы, Анна Семеновна, так высоко забрались?

— А это я чтобы высоких мыслей набраться,— не то в шутку, не то всерьез отвечала она.

«Дум высокое стремленье» — главенствующая черта этой незаурядной натуры. Желание постичь высокое и приводит Голубкину сначала в Петербург, в Академию художеств, затем в Париж, в мастерскую Родена. Поразительная ее чуткость в отношении только-только нарождающегося в искусстве, а еще в большей мере чуткость к явлениям социального характера закономерно приводит к тому, что Анна Семе-

новна Голубкина становится выразителем дум и чаяний российского пролетариата.

В 1897 году появляется на свет ее «Железный» — обобщенный образ рабочего, исполненного решимости вступить в классовую борьбу. «Идущий человек» 1903 года — это сила в движении. Волевая энергия, сокрушающий напор воплощенного Голубкиной идущего пролетария электризовали, вели за собой. Этот образ — словно бы знамя над толпой, революционная листовка, разъясняющая задачу момента. «Идущий человек» пугал власть имущих тем, что он шел так уверенно и энергично, что не виделось силы, которая могла бы его остановить.

Анна Семеновна Голубкина — пропагандист-подпольщик, активный работник партии эпохи первой русской революции. В 1905 году Московский комитет партии поручает ей исполнить бюст Маркса.

Волнующа встреча людей семидесятых годов с выплавленным в горниле революции «Карлом Марксом» Голубкиной! Мы привыкли теперь к портретам великих вождей пролетариата, сделанным на основе изобильного иконографического материала, выполненным с оглядкой на произведения многих и многих предшественников. Голубкина была первой. Первым в России автором художественного портрета Маркса. То, что она сделала в девятьсот пятом году, не имеет ничего общего с привычным портретированием. Ее нервные пальцы одухотворились мудростью Марксова «Капитала», в ее сердце, сердце большевистского пропагандиста, звучали набатные строки Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Большевикам еще только предстояло сплотить, свести воедино пролетариев Москвы и Закавказья, Украины и Польши, вывести отряды бойцов на арену победоносной классовой битвы. Голубкина была не только революционным художником, но и революционером — партийной связной и тонким конспиратором. Она научилась таиться, водить за нос шпиков и предателей, а в сердце ее бушевало пламя. Поручение Московского комитета РСДРП вылепить бюст Маркса Анна Семеновна восприняла как поручение сделать факел, который сможет осветить дорогу борьбы. Ее Маркс — это пламя, это бурное горение. Пророк, обращающийся к жаждущим правды истинного пути.

Да, революция — не для робких душ!

На выставке в Академии художеств, послужившей поводом к настоящему разговору о высоком искусстве трех ярко одаренных русских скульпторов, обращают на себя внимание темпераментный эскиз памятника «Пламя революции» и начертанные твердым, «мужским» почерком строчки посвящения: «Октябрьская революция, неся мировой пожар, вихрем проносится над старым, поверженным миром». Это Вера Мухина. Это ее символ веры. Не будь у нее революционной убежденности, не светись ее душа чистым пламенем веры,— не было бы поразившего человечество монумента «Рабочий и колхозница».

Приемы лепки, повышенная их экспрессивность, возможно, перешли к ней от учителя — от Бурделля. Сила и особая привлекательность искусства Мухиной в том, что оно самобытно, оно исповедует возвышенную русскую красоту.

В первых крупных скульптурных работах, принесших Вере Мухиной славу,— «Ветер», «Крестьянка» — торжествует, царит, властвует над зрительскими сердцами русская стать, земная сила, крестьянское первородство ее моделей, понятых, пластически осмысленных художником высокого полета мысли.

Для истинного русского патриота Франция никогда не была в сердце помехой России. «Французское» воспитание Мухиной только усилило, умножило ее горячую, мужественную любовь к Родине.

Помню, друзья-скульпторы провожали меня в дальнюю дорогу — в длительную поездку за границу. Они «сотворили» красочную грамоту-напутствие, и каждый оставил на ней свой автограф. И разве не характерно, что Вера Игнатьевна — в ту пору, в 1923 году, молодой скульптор — просит, нет, просто требует: «Привезите нам обратно вашу широкую русскую душу, так ценимую всеми нами в ваших работах».

В искусстве Мухиной мне особенно близки широта взгляда, композиционная смелость, пластическая мощь образов. Творчество Веры Игнатьевны Мухиной — вершина советской монументальной пластики. Крылатые образы скульптурной группы «Рабочий и колхозница» поражают миллионы людей своей силой, красотой, всепобеждающей энергией.

В Париже 1937 года и в Москве наших дней этот монумент — красноречивый, патетический символ нового мира. Будучи в 1937 году в Америке, я видел десятки репродукций с мухинской композиции, слышал и читал сотни восторженных откликов. Поэтические слова тогда же были сказаны об этой скульптуре Роменом Ролланом: «На Международной выставке, на берегах Сены два молодых советских гиганта возносят серп и молот, и мы слышим, как из их груди льется героический гимн, который зовет народы к свободе, к единству и поведет их к победе».

Искусство скульптуры требует от человека, посвятившего ему свою жизнь, высокой веры, убежденности в необходимости творений, о возможности появления которых на свет мир еще и не догадывается.

Молодым, мало кому известным мастером приступает к портрету Феликса Эдмундовича Дзержинского Сарра Лебедева. Ее увлекает мысль — сделать портрет с натуры. Она добивается разрешения находиться в кабинете легендарного председателя ВЧК и работать над портретом, не прерывая деловых занятий хозяина кабинета.

Мне довелось разговаривать с Дзержинским. Я представляю, насколько сложна была задача Лебедевой. Она работала упорно, неистово и создала документальный портрет большой реалистической силы. Ее внимание обращено к самой сущности портретируемого. Примечательно: Лебедева постигала человеческие характеры в процессе работы. Она обладала способностью горячо увлечься натурой. Не позволяя себе до того, как приступит к портрету, выносить мнение о человеке, она каждый сеанс позирования превращала в глубокое исследование. Найти главное, подметить характерные детали, почувствовать «нерв» образа!

Л. Б. Красин, Ф. Э. Дзержинский, А. Д. Цюрупа, П. П. Постышев, И. Ф. Тевосян, О. Л. Книппер-Чехова, В. И. Мухина, прославленный летчик В. П. Чкалов, А. Т. Твардовский — новые люди, люди большого полета стали героями Сарры Лебедевой. Отвергнув принципы внешней героизации, она сказала проникновенное, глубоко правдивое и человеческое слово о современниках.

Артистизм, пластическое совершенство присущи выполненным С. Д. Лебедевой многочисленным штудиям обнаженной человеческой фигуры. Скульптор наслаждается этой несравненной красотой, не скрывает своего восторга. Декоративизм искусства Сарры Лебедевой ничего общего не имеет с пресловутым украшательством. Имеющий глаза да видит! Ее обнаженные и такой безусловный шедевр, как «Девочка с бабочкой», красноречиво свидетельствуют о ее декоративном таланте. Но главное в творчестве С. Д. Лебедевой все же портрет...

На выставке в залах Академии художеств портретное искусство предстало в столь высоких образцах, что этот показ стал крупным художественным событием.

«Наша суровая героическая эпоха рождает все более прекрасные и величественные образы, которые наполняют воображение художника и требуют своего пластического выражения. Не успеваешь сделать всего, что хочется сделать, чего требует от художника наше напряженное время»,— говорила Вера Игнатьевна Мухина. И ее замечательное творчество свидетельствует о том, что весь свой огромный талант, пламенную энергию советского патриота она отдала прославлению человека-созидателя, человека-бойца. Деятельная, кипучая энергия могуче заявляет о себе в сосредоточенном лице, в спокойно сложенных руках архитектора С. А. Замкова. Светлое, победоносное начало заключено в широко известном обобщенном портрете Мухиной «Партизанка». Несгибаемое мужество, воля к победе живут в патетических и сердечных образах героев Великой Отечественной войны И. Л. Хижняка и Б. А. Юсупова. В суровом, тяжком 1942 году создала Вера Игнатьевна эти ставшие советской классикой произведения. И таково свойство подлинного искусства: сейчас, спустя почти тридцать лет, эти образы властно возвращают нас ко времени великих испытаний, выпавших на долю Родины.

...Чувство радости встречи с хорошим человеком испытываю я, когда вглядываюсь сегодня в портрет бронзолитейщика Г. И. Савинского. Гавриил Иванович работал вместе с Голубкиной, был ее ближайшим сотрудником. Анна Семеновна выполнила портрет Савинского в 1925 году. Я люблю это лицо — умное лицо мастерового-художника, лучащиеся глаза, выразительный череп, выдающиеся вперед лицевые кости, крупный нос, гладкий округлый подбородок. Милые черты типичного русского лица.

Савинский был и моим другом. В декабре 1905 года мы с ним были вместе в боевой дружине, сражавшейся на баррикадах, перегородивших Арбат. Гавриил Иванович — личность выдающаяся. Говорил он мало, но каждое его слово было кремень! Он артистически владел своей редкой профессией. И пришел он к мастерству благодаря великой настойчивости и трудолюбию. Был Савинский человеком творческим, за что пользовался большим уважением скульпторов. Очень высоко ценила его мастерство Анна Семеновна Голубкина. Бюст Савинского — одна из лучших ее работ.

Помню, в двадцать третьем году, накануне поездки в Америку, я пришел к Голубкиной проститься. Настроение у нее было пасмурное, и она с горечью сказала:

— Вот вам удалось развернуться в скульптуре...

Я чистосердечно сказал ей тогда, что восхищен ее жизнью, ее искусством и верю в новые творческие свершения. Это предсказание сбылось — Голубкина с огромной самоотдачей работала последние годы жизни. Трепетная русская «Березка», могучий образ Льва Толстого — последние и самые возвышенные творения этого великого нашего национального мастера.

Большой смысл выставки, о которой меня попросили рассказать, в показе действительно выдающихся достижений всего только трех мастеров советской пластики. Мы видим, как эпоха революций, эпоха строительства нового мира окрылила, возвысила этих трех художников, всем существом своим преданных идеалам нового мира.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

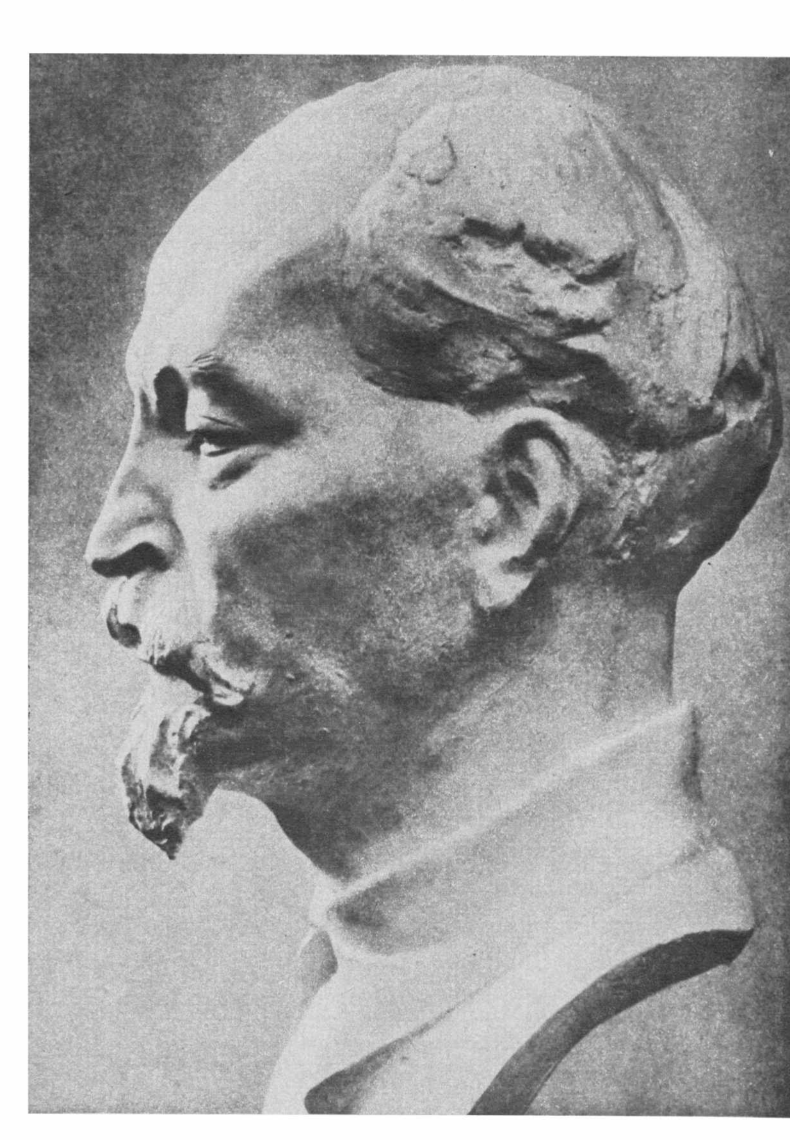
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52; 253-32-45.

Сдано в набор 24/VIII-71 г. А 00601. Подп. к печ. 7/IX-71 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1787. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1780.

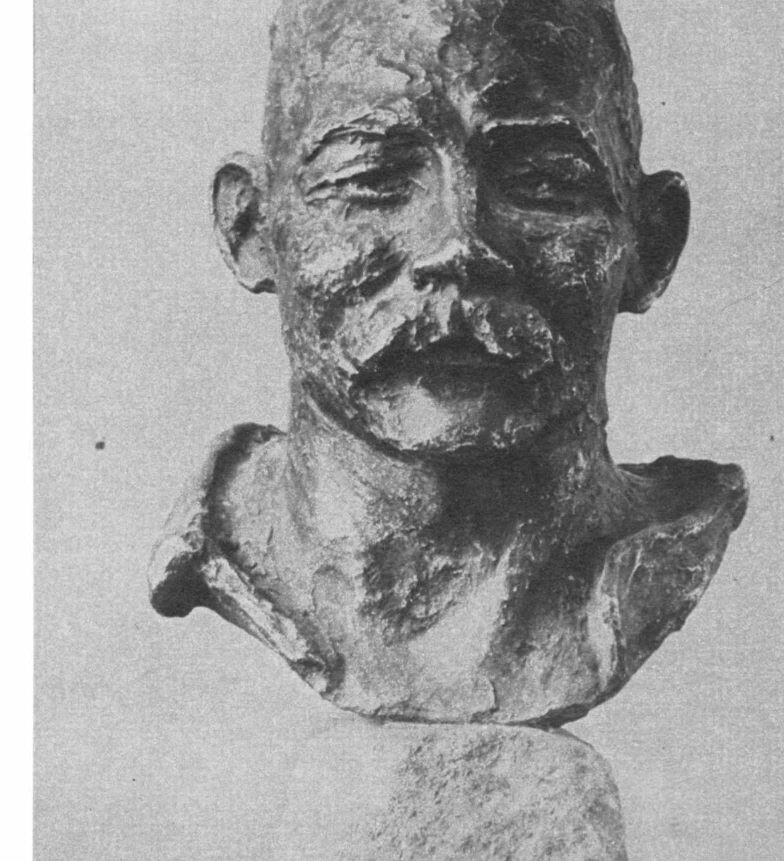
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

С. Лебедева.
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ. 1925 год.

В. Мухина.
РАБОЧИЙ И КОЛХОЗНИЦА. 1936 год.

А. Голубкина.
Г. И. САВИНСКИЙ. 1925 год.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.